

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 9 (110)

Academic Journal

Series:
Historical Studies.
Regional and Local History

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ
№ 9 (110)

Научный журнал

Серия «Исторические науки.
Региональная история. Краеведение»

Москва 2013

УДК 908 (05)
ББК 63я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Исторические науки. Региональная история.
Краеведение»

Редакционная коллегия:

С.О. Шмидт – отв. редактор

В.Ф. Козлов – зам. отв. редактора

Е.Л. Чернова – отв. секретарь

Э.Г. Истомина

М.П. Мохначева

А.Г. Смирнова

Номер подготовили:

В.Ф. Козлов

Е.Л. Чернова

СОДЕРЖАНИЕ

История исторического краеведения

Н.В. Серeda

«Городские историографы» и местная власть:
варианты взаимоотношений в конце XVIII в. 9

Я.Е. Смирнов

«Сделайте то, что подскажут не расчет и выкладка, а душа и чувство...».
К истории проекта ярославского архивариуса И.А. Тихомирова
об устройстве древлеведения в России 24

В.Ф. Козлов

«Огосударствленное» краеведение. История и уроки
(По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) 53

Церковное краеведение

Н.М. Брусиловский

Из истории домовых храмов Москвы XVIII в.:
законодательство и его практическое применение
(на примере храмов в домах князей Вяземских и Мещерских) 84

М.В. Артюшенко

Внутренняя жизнь Донского монастыря в период настоятельства
архимандрита Феофана (Александрова). 1832–1850 гг. 92

К.А. Смирнова

Повседневная жизнь московской Преображенской
старообрядческой общины в 1906–1918 гг.
(по годовым «отчетам общины» и материалам
Центрального исторического архива Москвы, Центрального
государственного архива Московской области) 107

Е.Л. Чернова

На пути к обновленческому Поместному собору 1923 г.:
к истории подчинения московских приходов 121

Методика и практика краеведческих исследований

А.В. Ефимов

Христианское население Крыма в 1630-е годы
по османским источникам 134

В.В. Павленко

Деятельность провинциальных государственных
и общественных учреждений по подготовке празднования
100-летия Отечественной войны 1812 года
на примере Смоленской губернии 144

Э.Г. Истомина

Каспийское море в геоэкономическом и политическом пространстве
региональных процессов России XIX – начала XX в. 153

М.В. Добренькая

«Сталиньские высотки» на фотографиях:
возведение и бытование в свете идеологии 169

О.В. Степанова

Значение 800-летнего юбилея Москвы
в истории москвоведения и экскурсионного дела 178

В.П. Машковцев

Краеведческая программа «Губерния в старой открытке»:
два десятилетия пути 190

Историографическое наследие

А.Г. Смирнова

«Фрунзенский район. Гора Варгуниха – гора Поклонная»:
описание маршрута экскурсии для путеводителя по Москве
(Из документального наследия Общества по изучению
Московской губернии) 214

С.А. Уваров

Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг.
(по дневникам П.Н. Миллера) 234

Abstracts 260

Сведения об авторах 267

CONTENTS

History of local studies

N.V. Sereda

“Historians of cities” and local authorities:
variants of relations at the end of the XVIII century 9

Y.E. Smirnov

“Do what your feelings and sense tell you, not your calculation...”.
The history of the Yaroslavl archivist Tikhomirov’s
organization project of drevlevedenie in Russia 24

V.F. Kozlov

“Governmentalizing” local history. History and lessons.
(the pages of the magazine “Soviet kraevedenie”. 1930–1936) 53

Church local history

N.M. Brusilovskiy

From the history of Moscow domestic churches in XVIII century:
legislation and its practical application (by the examples of domestic
churches of princes Vyazemskiy and Meshcherskiy) 84

M.V. Artyushenko

Daily life of Donskoi Monastery in the period of archimandrite
Theophanes’ leadership. 1832–1850 92

K.A. Smirnova

Daily life of community of Moscow Old Believers in 1906–1918
(according to the annual “community reports” and the materials
of Central Historical Archive of Moscow, Central State Archive
of Moscow region) 107

E.L. Chernova

On the way to the I Renovationist Council in 1923:
submission process of Moscow parishes 121

Methodology and practice of local history studies

<i>A.V. Efimov</i> The Crimean Christian population of 1630s according to the Ottoman sources	134
<i>V.V. Pavlenko</i> The provincial government and public institutions' activities for celebration of the Patriotic War of 1812, by the example of Smolensk province	144
<i>E.G. Istomina</i> The Caspian Sea in the geo-economic and political space of Russian regional processes in XIX and the beginning of XX centuries	153
<i>M.V. Dobrenkaya</i> “Stalin’s skyscrapers” on photos: Construction and existence in the light of ideology	169
<i>O.V. Stepanova</i> The role of Moscow’s 800-year anniversary in Moscow history studies and excursion movement	178
<i>V.P. Mashkovtsev</i> Local studies program “Province on old postcard»: two decades of the way	190

Historiographical heritage

<i>A.G. Smirnova</i> “Frunze District. Varguniha Mount – Poklonnaya Mount”: route description of excursion for Moscow Guide (From the documentary heritage of the Society for the Moscow province study)	214
<i>S.A. Uvarov</i> Moscow daily life in 1941–1942 (based on P.N. Miller’s diaries)	234
Abstracts	260
General data about the authors	269

История исторического краеведения

Н.В. Серeda

«ГОРОДСКИЕ ИСТОРИОГРАФЫ» И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ: ВАРИАНТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVIII в.

Статья рассказывает о двух историках городов, которые жили в России в конце XVIII в.: Д.И. Карманов жил в Твери, А.В. Крестинин в Архангельске. Отношения ученых с окружающими людьми и региональными властями складывались по-разному. Различия были обусловлены социокультурной средой городов и пониманием каждым из историков целей и задач истории как науки.

Ключевые слова: Россия, просвещенный абсолютизм, история городов, источники, историография, локальная историография.

Для формирования и развития неординарной, одаренной личности важна среда, то есть конкретное культурно-временное пространство, в котором эта личность оказалась в силу обстоятельств. Важными являются и свойства самой личности: уровень и сфера проявления ее таланта, степень готовности вступать в контакты с этими окружающими людьми и способность идти на компромиссы. Когда речь идет об историке, то подчас крайне важное значение приобретает понимание им целей и задач истории как науки, ибо это понимание может сказываться на отношениях с окружающими и в конечном итоге влиять на развитие личности историка, на его жизнь в целом. Это хорошо прослеживается на примерах взаимоотношений с властью и окружающей средой двух интереснейших личностей – архангелогородца Василия Васильевича Крестинина и жителя г. Твери Диомида Ивановича Карманова.

Оба этих человека связаны с историей становления и развития российской локальной историографии и формирования региональных интеллектуальных сообществ в период царствования Екатерины II. Каждый из них отмечен вниманием со стороны исследователей. Историография их жизни и творчества, как, впрочем, и ряда других провинциальных историков конца XVIII – начала XIX в., получила достаточно подробное освещение в исследованиях А.А. Севастьяновой. В них приводятся биографические данные историков, содержатся глубокие суждения о методах, источниковой базе их исследований¹.

Кроме того, существует литература, посвященная специально каждому из этих исследователей. В.Н. Серeda исследовал биографию и творческую лабораторию Д.И. Карманова, его связи с семьей Муравьевых, с купечеством города Твери, где Карманов исполнял должность городского нотариуса и секретаря магистрата². У.М. Полякова рассматривала прежде всего общественно-политическую деятельность В.В. Крестинина, хотя и в связи с его творчеством в области местной истории³.

В 2009 г. был переиздан текст «Краткой истории о городе Архангельском, сочиненной архангелогородским гражданином Василием Крестининым» с предисловием С. Шабалова⁴, в котором даны биографические сведения и анализ творчества В.В. Крестинина.

История судеб этих двух городских историков представляет, с нашей точки зрения, два различных варианта развития отношений одаренной личности с властями и горожанами. Что касается Карманова, то тезис о его конфликте с властями, хотя и кратковременном, представляется не вполне обоснованным⁵, в то время как в ситуации с В.В. Крестининым действительно имело место нарастание противоречий, закончившееся смертью архангельского исследователя. Причина конфликта Крестинина описывалась исследователями, наиболее подробно – У.М. Поляковой. Однако нам представляется, что вопрос этот требует дополнительной проработки.

Вопрос о взаимоотношениях двух «городских историографов» с властями с точки зрения компаративистики никем специально не рассматривался, и именно это является задачей автора данной статьи.

В эпоху Екатерины II образованные люди российских губерний, выполняя свои служебные обязанности, приобщались к изучению регионов. Это было связано с необходимостью собирать сведения об истории, современном состоянии, ресурсах регионов, их традициях и потенциале для дальнейшего развития. При проведении разного

рода описаний и анкетирований правительство опиралось прежде всего на государственные губернские учреждения. Последние для исполнения таких масштабных задач, в свою очередь, вынуждены были обращаться к выборным органам самоуправления, прежде всего – к городским магистратам, а также к местным знатокам истории и просто к образованным людям регионов. Это была как раз та ситуация, в которой последние могли стать востребованными⁶ и имели шанс проявить себя, однако в силу разных обстоятельств их талант мог остаться не понятым и не востребованным в рамках среды обитания одаренности. Примером первого варианта становления и развития личности стал Д.И. Карманов, проживавший в Твери, примером второго – житель Архангельска – В.В. Крестинин.

Диомид Иванович Карманов (1740–1795) – уроженец Твери, принадлежал к посадскому населению. Щедро одаренный от природы способностями к творчеству, будучи уже сформировавшимся человеком, он как вольнослушатель посещал занятия в Тверской духовной семинарии, в том числе слушал лекции по философии. У него сложились достаточно близкие отношения не только с учениками, но и с преподавателями, в том числе с Арсением Верещагиным, будущим архиепископом Тверским и Кашинским. Одним из обстоятельств, способствовавших росту известности Карманова среди горожан стало, по свидетельству самого Диомида Ивановича, составление им в 1774 г. по просьбе архиепископа Тверского и Кашинского Платона (Левшина) «сведений о начале и приключениях города Твери, а особливо о бывших в нем князьях, дабы оное в пристойных местах на стенах (соборной церкви. – *Н. С.*) к сведению будущим родам кратко изъяснить»⁷.

Факт обращения архиепископа именно к Диомиду Карманову свидетельствует о сложившейся уже к тому времени у него репутации образованного и сведущего в истории человека. Большая часть библиотеки Карманова – переписанные им тексты исторических и богословских книг. Покупать печатные издания он не имел возможности, но нет худа без добра: процесс переписывания создавал предпосылки для расширения кругозора⁸, способствовал более глубокому освоению и анализу материала книг.

Замысел архиепископа Платона предполагал ознакомление с историей города как можно большего количества людей, соответствовал идеям и принципам философии Просвещения и политики просвещенного абсолютизма. На роспись собора отводилось мало времени, сказывался «недостаток летописцев и прочих принадлежностей». Для размещения на стенах собора удалось собрать лишь сведения о бывших в Твери архиереях. По совету архимандрита

Феофилакта, знавшего про интерес Карманова к истории, Диомид Иванович продолжил «изыскивать тверские древности», и, «собрав несколько повестей, написал краткое известие о Твери и поднес оное Его Преосвященству»⁹.

Диомид Карманов не ограничился подарком Платону и, продолжив сбор сведений, еще через год, в 1775 г., создал «Исторические известия Тверского княжества» – первое крупное произведение по местной истории. Благодаря Михаилу Никитичу Муравьеву оно стало хорошо известно в столичных кругах уже в первой половине 1777 г.

Михаил Никитич был знаком с Диомидом Кармановым прежде всего потому, что в конце 1776 г. долго жил в Твери, у своего отца, Никиты Артамоновича, в начале того же года назначенного на службу в губернскую судебную палату. Диомид Иванович Карманов, как известно, являлся публичным нотариусом созданного в 1776 г., губернского магистрата. Знакомство Михаила с Диомидом Кармановым несомненно было следствием тесных контактов Карманова с Никитой Артамоновичем, что было совершенно оправданно, учитывая должности каждого из них.

В 1777–1778 гг. и, возможно, в последующие годы Карманов продолжал работать над историей Тверского края. Он собирал из источников сведения по древней истории уездных городов губернии, а также по истории Твери после ее присоединения к Москве. Что касается истории XVIII в., то важнейшие события городской истории происходили на его глазах, историку необходимо было лишь зафиксировать их.

Из предисловия Карманова к его работам известно, что в Твери жили «незнатные партикулярные люди», которые имели «летописцы». Некоторыми из них Карманов пользовался, когда готовил свои исторические труды. Что это были за люди, чему были посвящены их труды? Являлись ли их «летописцы» выписками из литературы, или были хрониками городской жизни XVIII в.? Определенно ответить на этот вопрос нельзя, но исследование текстов купеческих дневников¹⁰ позволяет предположить, что историю Твери XVIII в. пытались писать и другие жители города; в силу разных обстоятельств они остались практически не известными современникам и мало известными потомкам.

Как нам кажется, именно критики со стороны этих людей и опасался Д.И. Карманов, когда в предисловии к своему исследованию, сетуя на недостаток источников, в свое оправдание писал следующее: «А если кто мне скажет, что, не имея о всем обстоятельных известий и довольных сил, не должно было и за перо принимать»

ся, такому я отвечаю, что все дела человеческие по малу, а не вдруг, и не через одного, а чрез многих в совершенство приходят. Что один сделал, то другой поправляет и дополняет, таким образом до совершенства достигает»¹¹. Труды по истории Тверского края, написанные Д.И. Кармановым, оказались высоко оцененными не только его образованными современниками из высших слоев общества, но и потомками. Еще при жизни Карманова накопленные им знания были востребованы практикой управления, создали ему уважение и почет среди горожан и даже обеспечили высокий по тем временам уровень материального благополучия¹². Всему этому в значительной мере способствовала заинтересованность в его работе губернских чиновников и их родственников, архиепископов, которые достаточно часто сменяли один другого, других священнослужителей города. Нельзя не отметить интерес к его трудам по изучению истории региона таких блистательных людей времени, как Н.И. Новиков, Г.Ф. Миллер, И.И. Мелиссино.

В контексте развития личности Д. Карманова и продвижения его работы по истории Тверского княжества важна не просто близость историка к представителям власти, но взаимодействие Карманова с представителями властных структур, его способность и готовность к коммуникативным действиям. Историк участвовал в составлении историко-топографического описания Тверской губернии. Созданное на рубеже 70 – 80-х гг. XVIII в. описание стало результатом коллективного труда тверской интеллектуальной элиты¹³. По сути, в данном случае мы можем говорить о деятельности по изучению края как важнейшей составляющей процесса создания тверского регионального общества и его элиты на начальном его этапе. Но в контексте нашего изложения важно подчеркнуть неконфликтность Д.И. Карманова, его способность и желание пойти на взаимодействие с окружающими. Я думаю, что этого человека не следует противопоставлять чиновникам¹⁴, скорее, наоборот, его можно считать официальным городским историографом и одним из первых историографов правления Екатерины II¹⁵.

Кроме того, важным является стиль изложения, примененный Кармановым. Он вполне отвечал представлениям образованных людей того времени о том, каким должно быть историческое повествование. Характеризуя манеру историописания Д.И. Карманова, можно ограничиться словом «академизм».

Процессы становления местной истории и личности первого историка Тверского края, а также «развития местного гражданского самосознания» происходили параллельно благодаря благопри-

ятной обстановке, сложившейся в губернском городе в ходе проведения реформ Екатерины II.

В это же время в Архангельске сложилась иная ситуация. Связана она с именем еще одного талантливого человека эпохи российского Просвещения. Василий Крестинин – сын архангельского купца, автор нескольких трудов по истории Архангельского края и его населения. Василий нашел свое призвание, работая в магистрате в должности сначала архивариуса и секретаря, а затем исполняя различные выборные должности. Еще в 1759 г. Крестинин вместе с другим жителем Архангельска Александром Ивановичем Фоминым основал в Архангельске «Общество для исторических исследований». Члены общества разыскивали старинные документы, копировали их, часть рукописей они передали в Академию наук. Свою деятельность члены общества начали значительно ранее 1759 г., об этом позволяют судить сведения, содержащиеся в их письме, которое они направили губернатору в 1768 г.

Согласно письму, в 1760 г. у членов общества на руках был текст старинного рукописного памятника – Двинского летописца¹⁶, который к этому времени уже в течение многих лет пополнялся ими.

В письме сообщается, что версия местной истории, созданная членами общества в качестве продолжения Двинского летописца, не нашла поддержки у властей города. «В 1760 г. ...судьи и приказные служители ведомый им (историческим обществом. – Н. С.) здешний Летописец не осмелились в Академию отправить, в таком предубеждении будучи, что сочиненное вне судебного места летописание не можно одобрить судебным местом», – писали Крестинин и его соратники.

Однако объяснить более поздний конфликт Крестинина с властями, закончившийся арестом и смертью Крестинина, тем, что у него и его друзей существовала своя версия истории Архангельска или даже всего края, едва ли возможно. Если бы причина была в этом, конфликт разразился бы раньше, еще в 1760-е годы или 1780-е, когда Крестинин создал свой вариант истории города.

Письмо губернатору было написано в 1768 г., более чем за четверть века до заточения Крестинина в тюрьму. Следует отметить, что это именно письмо, а не челобитная. Оно начинается традиционным для письма обращением: «Милостивый государь!»

Авторы письма выразили мысль, что без доступа в архивы членам Общества «неудобно из городских архивов и монастырей списывать и собирать всякого рода древние исторические доказатель-

ства, которые служить могут дополнением Российской всеобщей и быть основанием особливою о здешней стране и городе истории»¹⁷. На мой взгляд, речь в письме шла прежде всего о разыскании, копировании и собирании древних документов. Деятельность общества в этом направлении была весьма успешной, помимо Двинского летописца ими были обнаружены тексты церковных уставов князей Владимира и Ярослава Мудрого, а также один из списков Русской правды. В Академию наук были переданы и впоследствии опубликованы многие из найденных рукописей. Благодаря деятельности по собиранию источников у Крестинина сформировались крепкие связи с учеными И.И. Лепехиным и Н.Я. Озерецковским. В последующем они способствовали публикации трудов Крестинина¹⁸.

В. Крестинину и его друзьям казалось, что их деятельность может и должна быть еще более успешной. В письме они выразили свое представление о том, как обеспечить успешность данной работы: Крестинин и его соратники обратились к губернатору с просьбой принять на себя председательство в Обществе и «для правильного течения трудов» установить распорядок работы архивов¹⁹.

В последней фразе можно усмотреть тонкий намек на противоречия между любителями архангелогородской старины и хранителями архивов. Основываясь на нем, А.А. Севастьянова высказала мнение, что причина конфликта, возникшего между Крестининым и властями, заключалась в стремлении историка использовать в работе источники нового времени²⁰. Это суждение нам представляется хотя и верным, но не полным. Оно не способно выявить всей глубины сложившейся драмы историка, человека и гражданина.

Конфликтная ситуация возникла значительно позднее появления рассмотренного письма. У.М. Полякова связывает ее со временем, когда генерал-губернатором был Т.И. Тутолмин²¹, то есть в период с 1784 по 1793 г.

Сложившаяся в эти годы в Архангельске ситуация весьма сложна по составу участников, по сути, целесообразно, как мне кажется, говорить не об одном, а о двух конфликтах. Во-первых, это конфликт историка с властями и земляками по поводу «Истории», написанной Крестининым. Он, скорее всего, пришелся на 1780-е гг., когда составлялось историко-топографическое описание наместничества²². Во-вторых, это конфликт Крестинина с властями и некоторыми жителями Архангельска по поводу распределения платежей, которые должен платить город, между мещанством и купечеством. Несомненно, эти две сюжетные линии жизни знаменитого архангелогородца взаимосвязаны, но, тем не менее, для/и в процессе исследования его деятельности и достижений как ис-

торика региональной истории целесообразно попытаться их разделить. Это будет способствовать прояснению вопроса о положении городского историографа в конце XVIII в. в социокультурном пространстве своего города и во всероссийском историографическом пространстве и поможет понять содержание историографического процесса того времени.

Из авторского предуведомления к «Краткой истории о городе Архангельске», написанного в июле 1785 г., известно, что к этому труду Крестинин приступил после завершения работы над историей двинского народа, скорее всего в начале 1780-х гг.²³

Первый вариант истории Архангельска включал сведения по истории города за период с 1584 до 1667 г. Затем работа была на какое-то время приостановлена. Вернувшись к теме, автор расширил хронологические рамки повествования до второй половины XVIII в.²⁴, что, скорее всего, было связано с необходимостью собирать сведения и составлять текст историко-топографического описания Архангельской губернии, созданной в середине 1780-х гг. Для этого нужны были не только тексты по истории, но и сведения по современному состоянию города, и они в распоряжении Крестинина были. По свидетельству У.М. Поляковой, «с 1777 г. Крестинин избирается мещанским старшиной и становится письмоводителем в мирской избе на жаловании от общества посадских, а также собирателем и хранителем мещанского архива»²⁵. Эта работа способствовала накоплению фактов и впечатлений, которые он посчитал необходимым зафиксировать в «Краткой истории о городе Архангельском».

Крестинин, видимо, рассчитывал на востребованность составленного им текста, однако и на этот раз труд, написанный им, не устроил власти. И вопрос о причинах этого является важнейшим в контексте исследования историографии.

Целью исследований У.М. Поляковой было отнюдь не стремление разобраться с вопросами региональной историографии, тем не менее она вполне точно, на наш взгляд, определила причину неприятия властями истории Архангельска, написанной этим историком. Полякова полагает, что поставленная В.В. Крестининым задача фиксации текущих событий посадской жизни делала «Краткую историю о городе Архангельске» «своеобразным политическим документом, который был призван усилить позицию мещанства. <...> Злободневность “Краткой истории...” выразилась, в частности, в острых характеристиках участников посадской борьбы, что явилось одной из причин враждебного отношения к книге со стороны врагов мещанства»²⁶.

Например, описывая вражду между наследниками умершего бездетным купца Антона Бармина, про самого Бармина он сообщает следующее: «Бармин был записной церковный раскольник, сверх учиненных им развратов в общих всего посада правах, был разрушитель прибыточных торгов архангелогородского купечества, по привилегии на сальной торг, пожалованных городу»²⁷. Аналогичные заявления сделаны Крестининым и в адрес других горожан.

Скорее всего, именно из-за такой, «памфлетной», формы историописания возникли в период подготовки историко-географического описания противоречия между Крестининым и властями губернии, а также обществом г. Архангельска.

В «Истории», написанной Крестининым, было слишком много личного, и именно поэтому, на наш взгляд, она не получила одобрения со стороны городских властей и поддержки со стороны генерал-губернатора.

В предуведомлении к «Краткой истории о городе Архангельске» сам историк, предчувствуя судьбу своего детища, писал: «Летописатель должен не помрачить свою повесть или отъятием истины или присовокуплением лжи по причине человекоугождения или человеконенавидения. Того ради извинить меня должны те из моих сограждан, которые в истории моей усмотрят имена своих ближних ознаменованные не причастными хвалы делами. Мне не можно иначе, без потеряния имени беспристрастного историка делать...»²⁸. Это своеобразный манифест историка, к тому же подкрепленный цитатой из «героической поэмы российского Вергилия» М.И. Ломоносова, которая заканчивается словами: «Ни злости не страшусь, не требую добра: не ради вас пою, для правды...»²⁹

Трудно отделить зерна от плевел, трудно понять, где заканчивалась «правда» Крестинина и начинались «многие непристойные дерзкие изречения» в адрес горожан. По мнению А.А. Севастьяновой, эти изречения, наряду с обвинениями в самовольном использовании архива и плохом хранении печати, и стали причиной заключения Крестинина под стражу, где он и скончался. «Дело В.В. Крестинина, вероятно, не возникло бы, если б он мог отказать от мысли писать новейшую историю, как умел и хотел», – пишет исследовательница³⁰.

Действительно, он хотел писать правдиво, а в его понимании это значило придавать тексту общественно-политическую заостренность и переходить на личности. Однако объяснять этим арест Крестинина 10 лет спустя после создания «Истории» едва ли возможно. Поводом для заключения под стражу стала невыплата государственных налогов архангельским мещанством. Инициация

тором неуплаты и идеологом группы горожан, которая не желала платить, был В.В. Крестинин³¹.

В литературе при анализе ситуации, в которой оказался архангельский историк в последние годы жизни, главной оказывается отнюдь не историографическая, а социальная подоплека конфликта, но и она излишне упрощается. Смещение двух конфликтов, участником которых стал архангельский историк, уводит в сторону от проблем историографии и затрудняет анализ средств, методов регионального историописания в конце XVIII в. и представлений образованных представителей общества о том, как должно писать историю.

Для прояснения этих вопросов как раз и представляет интерес сравнение обстоятельств, в которых происходило становление краеведения в Твери и Архангельске. В каждом из регионов в роли одного из покровителей самого процесса историописания и верховного судьи оказался один и тот же человек – Тимофей Иванович Тутолмин. Сделав так много для поддержки изучения истории Тверского края, он едва ли мог оказаться спустя примерно 15 лет в роли гонителя краеведения в Архангельске. И уже это заставляет усомниться в правомерности объяснить заточение Крестинина в тюрьму фактом составления им исторических произведений, их формой и даже их содержанием. Однако, на наш взгляд, у Т.И. Тутолмина были основания для того, чтобы не оказать поддержки труду В. Крестинина по истории Архангельска.

Во-первых, у Тутолмина в период службы в Твери, не без влияния работ Д.И. Карманова, сформировалось представление о том, как должна быть написана история города и каким должно быть историко-топографическое описание наместничества. Видимо, сочинения, написанные Крестининым в 1780–1790-х гг., по его мнению, этим представлениям не отвечали.

Более важной причиной отказа отправить в столицу *в качестве официальной версии истории города* (выделено автором. – Н. С.) текст, составленный Крестининым, была общественно-политическая позиция, занятая городским историком в условиях изменения правительственного курса в отношении городов и горожан: идеи, которые отстаивал Крестинин, были идеями вчерашнего дня. И. Тутолмин не мог этого не осознавать. На повестке дня стоял вопрос о создании сословных городских обществ, в то время как архангельский историк отстаивал интересы одной группы горожан, «по существу действуя вразрез с буквой и духом нового законодательства»³².

Нюансы расхождений правительственного курса и позиции В. Крестинина заслуживают того, чтобы стать предметом особых размышлений. В рамках данной статьи мы ограничимся замечанием, что историографическая ситуация, сложившаяся в Архангельске, была осложнена склокой, возникшей между разными поколениями местных выборных в ходе реализации закона о разделении горожан на купечество и мещанство.

Архангельский историк Крестинин, осознавая ситуацию, считал нужным ее зафиксировать. Он принял глубоко к сердцу строки Наказа Екатерины II и искренне считал историю «средством укротительным и могущим воздержать множество преступлений», рождающим у людей не только «любовь к отечеству», но «стыд и страх поношения»³³. Но для него история – не только средство сохранения исторической памяти и воспитания, но и инструмент борьбы. И именно как инструмент борьбы оказался воспринятым текст этой работы властями края и земляками историка. Власти посчитали невозможным поддержать вариант истории В.В. Крестинина, человека яркого, талантливое, инициативного, самобытного и, видимо, амбициозного, который видел назначение исторического произведения в решении современных общественных проблем. Заостренность текста Крестинина на общественных проблемах, оценочный характер описаний и обилие характеристик жителей города, причем нелицеприятных, – все это не отвечало уже сформировавшимся представлениям лиц, облеченных властными полномочиями, о том, какой должна быть история.

Кроме того, для властей Архангельской губернии нужна была история, которая, фиксируя основные вехи развития города, оставила бы скрытой ту внутреннюю борьбу, которая имела место в городе. Поддержать текст «Истории», составленной Крестининым, значило бы создать угрозу карьере представителей власти, поскольку концепция городского общества, которую отстаивал историк, противоречила официальному политическому курсу.

По мнению автора статьи, ситуации, сложившиеся в двух достаточно крупных городах Российской империи в период царствования Екатерины II, могут быть хорошей иллюстрацией двух типов взаимоотношений местного историка и представителей местной власти. Оба реализовывались в условиях необходимости повышать общий уровень образованности в российской провинции и государственной потребности в составлении исторических очерков регионов.

В Твери этот процесс начался, по сути, с благословения церкви и при поддержке светских властей. У тверского историографа

Д.И. Карманова были критики из числа местных «летописцев», но серьезных конкурентов на лавры первого тверского историка у него не было. Эти два обстоятельства можно рассматривать как отставание Твери от Архангельска по уровню развития местного гражданского самосознания и самоидентификации региона и его элиты на момент начала реформы местного управления Екатерины II. Следует иметь в виду еще два обстоятельства – огромный авторитет Карманова среди жителей г. Твери и его толерантность. Создавая пятую главу «Исторических известий Тверского княжества», посвященную XVIII веку и, прежде всего, царствованию Екатерины II, Карманов смог уйти в изложении от проблем взаимоотношений между отдельными людьми и отдельными группировками людей. Есть основания полагать, что Д.И. Карманов далеко не в полной мере был согласен с политикой Екатерины II в отношении городов и горожан³⁴, но это не отразилось на тексте его исторических произведений. И в его способности отрешиться от суеты повседневности и проблем, хотя и важных, но сиюминутных на фоне истории, выразился талант Карманова как исследователя, его стремление к объективности и крупномасштабности исторического повествования.

В обоих случаях, в Твери и в Архангельске, мы видим тесную взаимосвязь процесса составления истории местного края и судеб историков с деятельностью государственных служащих, а в Твери также и с деятельностью представителей церкви. При этом отношение тверских властей к местной истории и тверскому историографу выразилось в желании поддерживать талант Д.И. Карманова. Этого человека необходимо было направлять, а подчас даже подталкивать к действию. О том, что это удавалось делать губернским властям, свидетельствуют исторические тексты Д.И. Карманова, в том числе в составе историко-топографического описания губернии. При этом следует сказать, что у самого Карманова в работе по истории Тверского княжества хватило чувства меры в описании событий XVIII в., что в данном случае следует расценивать и как соответствующее понимание им сути истории. Созданный в Твери текст «Генерального соображения по Тверской губернии» стал плодом общих усилий интеллектуальной элиты Твери, что само по себе свидетельствует об успешной реализации в крае политики Екатерины II по созданию региональной элиты.

В Архангельске власти явно столкнулись с другой проблемой: необходимостью контроля за историописанием, которое усилиями Крестинина оказалось инструментом борьбы внутри местного общества. Горожане не могли не возмущаться текстом Крестинина,

особенно те из них, действия и поведение которых подверглись осуждению со стороны историка.

Отношение Крестинина к истории как к «средству укротительному и могущему воздержат множество преступлений», рождающему у людей не только «любовь к отечеству», но «стыд и страх поношения»³⁵ едва ли могло быть подвергнуто сомнению властями и представителями региональной элиты. Но форма, использованная автором для воплощения этого тезиса императрицы, не получила одобрения местных властей и земляков. Кроме того, политическая идея, положенная в основу концепции текста, относящегося ко второй половине XVIII в., противоречила политическим идеям современности.

Особого внимания и осмысления требует тот факт, что «История», написанная В.В. Крестининым и не принятая властями в качестве официальной версии истории г. Архангельска, получила поддержку столичных издателей. Она была опубликована в Санкт-Петербурге в 1792 г. По всей вероятности, столичных издателей не пугала политическая концепция автора, стиль изложения, используемый историком, их устраивал, а сведения, сообщаемые В. Крестининым, казались им важными и значимыми.

Примечания

- ¹ *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. М., 1998.
- ² *Середа В.Н.* У истоков Тверского краеведения: Историко-краеведческая деятельность в Твери в 70-е гг. XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Она же.* У истоков тверского краеведения // Тверская старина. 1996. № 1; *Она же.* «Обитатель предместья»: провинциальный историк в жизни и литературе // Экономика, управление, демография городов России XV–XVIII вв. Тверь, 1999. С. 141–151.
- ³ См., например: *Полякова У.М.* В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60–90-х гг. XVIII в. // История СССР. 1958. № 2. С. 78–102.
- ⁴ *Крестинин В.В.* Краткая история о городе Архангельском. М., 2009.
- ⁵ *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография... С. 134.
- ⁶ *Севастьянова А.А.* Ритмы самосознания в истории российской провинции // Методология региональных исследований. СПб, 2000. С. 26.
- ⁷ *Карманов Д.И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, б. г. С. 18. (Репринт с издания 1893 г.)
- ⁸ *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография... С. 130.

- ⁹ Карманов Д.И. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁰ Тверское купечество // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007. С. 215–440.
- ¹¹ Карманов Д.И. Указ. соч. С. 21.
- ¹² Подробнее см.: Серeda В.Н. У истоков тверского краеведения.
- ¹³ Его составление иногда ставят в заслугу В. Приклонскому, который, скорее всего, лишь осуществлял окончательное сведение и редактирование материала с учетом данных четвертой ревизии (1782 г.). (Подробнее см.: Серeda В.Н. У истоков тверского краеведения. С. 79.)
- ¹⁴ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография... С. 134.
- ¹⁵ В предисловии к своему труду он пишет, что его назначение – прославлять великие дела императрицы. Восхваление деяний этой правительницы составляет содержание речи, произнесенной Кармановым 10 июня 1778 г. в присутствии правителя губернии Т.И. Тутолмина. (Карманов Д.И. Указ. соч. С. 161–165.)
- ¹⁶ Двинский летописец – один из рукописных памятников, обнаруженных членами «Общества для исторических исследований» (Шабалов С. Предисловие // Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. С. 7).
- ¹⁷ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. С. 246.
- ¹⁸ Шабалов С. Указ. соч. С. 7–8.
- ¹⁹ Написанное в мае 1768 г., оно опубликовано в прижизненном издании труда В. Крестинина «Краткая история г. Архангельска» (Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. СПб., 1792. С. 243–247).
- ²⁰ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография... С. 161–162.
- ²¹ Полякова У.М. Указ. соч. С. 92.
- ²² Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография. С. 158.
- ²³ Этот труд Крестинина был опубликован в СПб. в 1784 г., однако работа над ним была закончена в 1780 г., и тогда же историк отослал его в столицу (Шабалов С. Указ. соч. С. 8).
- ²⁴ Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. С. III.
- ²⁵ Полякова У.М. Указ. соч. С. 87.
- ²⁶ Там же. С. 91–92.
- ²⁷ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. С. 51–52.
- ²⁸ Краткая история о городе Архангельском... С. VI.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография... С. 162, 164.
- ³¹ Полякова У.М. Указ. соч. С. 94.
- ³² У.М. Полякова называет ее мещанами и противопоставляет купечеству, но, как нам кажется, следует провести дополнительные исследования содержания, которое вкладывал Крестинин в эти термины.
- ³³ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. С. 70.

- ³⁴ Некоторые суждения на этот счет позволяют высказать дела о записывании в число жителей г. Твери, к ведению которых Д.И. Карманов был причастен как служащий магистрата. Подробнее см.: *Серёда Н.В.* К изучению терминов «гражданство», «мещанство», «купечество» (по документам городских магистратов Тверской губернии) // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 97–100.
- ³⁵ *Крестинин В.В.* Краткая история о городе Архангельском. С. 70.

Я.Е. Смирнов

«СДЕЛАЙТЕ ТО, ЧТО ПОДСКАЖУТ
НЕ РАСЧЕТ И ВЫКЛАДКА,
А ДУША И ЧУВСТВО...»
К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ЯРОСЛАВСКОГО
АРХИВАРИУСА И.А. ТИХОМИРОВА
ОБ УСТРОЙСТВЕ ДРЕВЛЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена изучению малоизвестного проекта создания централизованной системы охраны памятников истории и культуры в России, принадлежащего перу архивариуса Ярославской губернской ученой архивной комиссии И.А. Тихомирова (1861–1933). Раскрывается содержание программы, история ее подготовки и обнародования на III историко-археологическом съезде во Владимире в 1906 г. Публикуемые в приложении документальные материалы, в частности переписка И.А. Тихомирова с одним из организаторов съезда А.В. Селивановым, рисуют отношение современников к идеям ярославского ученого.

Ключевые слова: губернские ученые архивные комиссии, охрана памятников истории и культуры, реформа архивного дела, всероссийские и областные археологические съезды, И.А. Тихомиров, А.В. Селиванов.

Вопросы реформы архивного дела и, шире, всего отечественного древлеведения в дореволюционной России постоянно находились в поле пристального внимания научной общественности. Положение 1884 г. «об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий», как известно, рассматривалось их «отцом-основателем» академиком Н.В. Калачовым в качестве временного компромисса, продиктованного невозможностью на государственном уровне быстро и на основах централизации осуществить реорганизацию архивного дела¹. Возникавшие во многих исторических центрах страны ученые архивные комиссии со временем превращались в «малые академии» на местах, ведавшие совокупностью вопросов выявления, изучения, охраны памятников старины – письменных, вещественных, фольклорных и т. п.²

Специфика деятельности архивных комиссий как историко-археологических обществ широкого профиля отражала потребности времени в освоении историко-культурного наследия российских регионов и запросы в этом научно-просветительском направлении провинциального общества. Постепенное вовлечение комиссий в процесс обсуждения проектов государственной архивной реформы, происходивший в рамках всероссийских и областных археологических съездов, для многих из них означало решение вопроса «жизни и смерти»³. Бедственное материальное положение и вопиющая бесправность архивных комиссий, сказывавшиеся в конечном счете на результатах их деятельности, побуждали одних их представителей искать улучшения в изменении законоположений о самих комиссиях, других – в коренном пересмотре всей памятникоохранительной системы в стране.

Автором такого единственного в своем роде «государственно-го» проекта, рожденного в недрах Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ЯГУАК), был ее архивариус Иларион Александрович Тихомиров (1861–1933)⁴. Обращаясь к научному и документальному наследию ЯГАУК, первое заседание которой состоялось 15 (27) ноября 1889 г., уместно вспомнить не только это значительное по своим культурным свершениям в крае общественное учреждение, давшее жизнь современным Государственному архиву Ярославской области (ГАЯО) и Ярославскому государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику, но и самого ее скромного труженика, сумевшего подняться на уровень размышлений о судьбах древлеведения в России.

Почти 30 лет своей жизни И.А. Тихомиров посвятил служению делу ЯГУАК – от первых шагов ее существования до роспуска уже при советской власти. Не имея специального исторического и архивоведческого образования, как, впрочем, и подавляющее большинство увлеченных и бескорыстных подвижников архивных комиссий, он в декабре 1890 г. был «принят на службу» и утвержден общим собранием ярославской комиссии в должности архивариуса. Прозорливость членов комиссии, разглядевших в молодом человеке не только чрезвычайно полезного для нового архивного дела работника, но едва ли не самого авторитетного и известного в будущем деятеля ЯГУАК, достойна уважения. Простой архивариус со временем превратится в «архивариуса Тихомирова»; эти два слова в обиходе ярославцев – современников и потомков – окажутся нераздельными, а почтительное «архивариус» при этом будет звучать как высокое ученое звание.

На долю И.А. Тихомирова выпала сложная и ответственная миссия – комплектование исторического архива, заключавшееся в тщательном отборе, приведении в порядок и должную систематизацию документов, подготовленных во многих учреждениях губернии к уничтожению. Созданный многолетними трудами ученого бесценный архив до сих пор продолжает свою жизнь в фондах государственного архивохранилища Ярославской области. В 1895 г. при ЯГУАК открывается «Древлехранилище» – историко-этнографический музей, активно пополнявшийся различными предметами бытовой, церковной, археологической старины, произведениями живописи и народно-прикладного искусства. И вновь в этом заслуга И.А. Тихомирова – основателя и хранителя музея – была первейшая. На плечах архивариуса лежала забота и по организации этнографических экскурсий – экспедиций в отдаленные уголки губернии, осуществлению на ее территории археологических раскопок, ежегодно доставлявших в музей сотни новых находок, и по проведению ознакомительных экскурсий уже по залам самого древлехранилища. Здесь внимательными слушателями Илариона Александровича нередко становились самые разные экскурсанты – от учащихся приходских школ, гимназистов и студентов до маститых профессоров, известных ученых и политических деятелей⁵. Собранные И.А. Тихомировым или под его руководством памятники местной старины ныне составляют основу археологической, этнографической, нумизматической, книжно-рукописной коллекций Ярославского музея-заповедника⁶.

Широкий универсализм, присущий деятельности И.А. Тихомирова в ЯГУАК, сполна проявился и в его научно-исследовательском наследии. Наряду с публикациями – статьями и книгами, посвященными археологическому изучению края, разнообразным темам ярославского исторического прошлого, проблемам сохранения и реставрации архитектурных памятников, заметное место в творчестве ученого краеведа занимали вопросы архивной практики, выявления, изучения и публикации письменных источников⁷. Уже в 1894 г. он разработал для ярославской комиссии образец «печатной» обложки архивного дела, утвержденный членами комиссии и растиражированный наряду с формальными характеристиками документа, содержащий, в частности, и такой немаловажный пункт, как «Значение дела»⁸. Активная архивная и археографическая практика, приобретенный на этом поприще значительный опыт привели И.А. Тихомирова к мысли о формулировании собственных архивоведческих идей, изложенных им сначала в выступлениях на заседаниях комиссии, а затем в программных статьях на страницах

«Трудов ЯГУАК»: «По поводу разбора архивов и отбора из них дел для хранения» (1898), «Об издании и программе “Трудов” Ярославской ученой архивной комиссии» (1898), «Общая архивная опись» (1902)⁹. Тех же насущных вопросов молодой тогда науки архивоведения касалась и более широкая программа, впрочем, озаглавленная автором весьма скромно: «Несколько соображений по охране памятников древности» (1898)¹⁰. Компетентно высказываясь прежде всего по проблемам сохранения памятников старинного зодчества, архивариус довольно эмоционально «вступается» и за письменное документальное наследие: «Что сказали бы про того, кто вздумал бы, например, в древнем свитке подправить, ну, хотя бы только буквы на современный лад? “Неуч, варвар”, – вот чем наградили бы такого смельчака наиболее снисходительные. И с ними нельзя не согласиться, и согласится каждый, занимающийся древней письменностью. Да и в самом деле, – переписывайте как хотите и каким угодно шрифтом, но до подлинника не дотрагивайтесь, и именно потому, что он *подлинник*, т. е. непреложное свидетельство о многом таком, чего, кроме как в нем, не найти нигде и ни за какие сокровища»¹¹.

До сих пор совершенно не изученными и не известными в исследовательской литературе остаются «замечания» И.А. Тихомирова на проект архивной реформы Д.Я. Самоквасова и альтернативный ему проект «учреждения центральных губернских архивов» А.В. Селиванова, направленные по решению ЯГУАК в адрес XI археологического съезда в Киеве¹². На съезд, состоявшийся в августе 1899 г., был доставлен и оригинальный проект И.А. Тихомирова положения о местных ученых обществах – «Необходимое и желательное для более правильной постановки вопроса о губернских ученых архивных комиссиях». Все три рукописи архивариуса в черновых копиях сохранились в фонде ЯГУАК в Государственном архиве Ярославской области и еще нуждаются в более внимательном рассмотрении¹³. Однако уже сейчас ясно, что именно здесь прозвучали те первые «выстраданные» мысли, которые получают дальнейшее развитие и корректировку в его проекте масштабного переустройства древлеведения в России: «Нужно сделать архивные комиссии первой и притом неминуемой ступенью той небольшой лестницы, по которой должны двигаться все дела об исторически-археологических предметах, будет ли то дело правительственного или общественного учреждения, печать его, портрет, храм, курган и т. д., – безразлично»¹⁴.

Свою программу «К вопросу об устройстве древлеведения в России» И.А. Тихомиров обнародовал на III областном ис-

торико-археологическом съезде, проходившем во Владимире 20–26 июня 1906 г. Судя по переписке с А.В. Селивановым, в ту пору деятелем Владимирской ГУАК и главным координатором организации и проведения съезда, Тихомиров уже летом и осенью 1904 г. готовил свой проект: «Теперь вопрос решен, – я буду иметь честь представить в III областной археологический съезд свое сообщение: “О некоторых ярославских гербах”. Если же время позволит, то, быть может, и еще два: “О типе архивной описи” и “Проект постановки охраны и изучения памятников древности”»¹⁵. Однако назначенный первоначально на июнь 1905 г., съезд так и не состоялся, крайне напряженная социально-политическая обстановка в стране не позволила его провести. Серьезные трудности в своей работе испытывали и ученые архивные комиссии, некоторые из них, в частности ярославская, и вовсе находились «под запрещением» властей. Делегат съезда В.Е. Рудаков откровенно сообщал в печати о настроениях, витавших на археологическом форуме: «Большинство членов комиссий, участников съезда, из которых до 6 или 7 человек было председателей комиссий, с чисто патетическим чувством отзывались о родных своих детищах – комиссиях, ярко рисовали их тяжелое, а по временам и прямо безобразное, положение от произвола губернаторов (как, например, бывшего ярославского губернатора г. Роговича, разогнавшего комиссию с первых же дней своего управления губернией и в 1905 г. охотившегося с громилами за местной интеллигенцией и студентами), которым подчинило их высочайше утвержденное “Положение об архивных комиссиях” 1884 г., их полнейшую материальную зависимость от местных городских и земских учреждений и полное бесправие и беспомощность членов их, особенно обнаруживаемые при нередких случаях уничтожения ценных предметов старины или при ознакомлении с местными правительственными архивами»¹⁶. Малоизвестный факт подобной «опеки» в Ярославле ученой архивной комиссии со стороны губернатора А.П. Роговича, пребывавшего на этом посту с августа 1902 г. по ноябрь 1905 г., подтверждается и отчетами ЯГУАК, в которых «глухой» строкой осталась запись: «За вторую половину 1904 г. по 1906 г. комиссия, по независимым от нее внешним обстоятельствам, лишенная возможности даже собраний своих членов, усиленно занимается разборкой старых дел – вязок и книг...»¹⁷. Кроме того, на протяжении целого года, с 28 ноября 1905 г. по 26 ноября 1906 г., после смерти председателя ярославской комиссии Л.Н. Трефолева все это время у нее не было своего избранного руководителя¹⁸. Выходит, что на владимирский съезд И.А. Тихомиров, не будучи делегированным

членами ЯГУАК¹⁹, отправлялся по своей личной инициативе, а подготовленный им «революционный» доклад был актом сугубо его личного мужества.

Выступление И.А. Тихомирова стоялось 22 июня на утреннем заседании шестого «отделения» съезда, на котором обсуждались вопросы архивоведения. Помимо доклада ярославского делегата здесь также прозвучали сообщения В.Е. Рудакова «Об архиве департамента герольдии», Н.М. Спилиоти «Архивные порядки (вопрос об изменении условий архивной работы)» и Л.М. Савелова «О семейных архивах»²⁰. Как можно заключить уже из материалов съезда, доклад Тихомирова, предлагавший к рассмотрению не частные вопросы архивной практики, а проект серьезной реформы всей памятникоохранительной системы, не был воспринят участниками собрания и на том основании никакого его обсуждения не произошло. Председательствовавший в заседании А.П. Воронов, дабы сгладить возникшую очевидную неловкость, нашел выход из положения. «Вопросы, затронутые докладчиком, – читаем в отчете съезда, – касаются больше предмета, отнесенные к отделу VII – архивные комиссии и их современное положение. На основании этого, по предложению председателя, постановлено передать для рассмотрения и обсуждения в следующем собрании»²¹.

Однако и в следующем заседании, происходившем на другой день под председательством А.В. Селиванова, ожидаемого обсуждения доклада И.А. Тихомирова также не случилось. Заранее намеченное «закрытое» собрание было посвящено единственному вопросу – реформе архивных комиссий, о чем основное выступление сделал представитель Симбирской губернской ученой архивной комиссии В.Н. Поливанов. В основу его доклада был положен проект преобразования ученых архивных комиссий, выработанный на Тверском областном историко-археологическом съезде (1903) и дополненный с учетом замечаний, полученных от ряда архивных комиссий. В обсуждении доклада приняли участие многие признанные ученые и деятели архивных комиссий – М.В. Довнар-Запольский, И.А. Иванов, С.Ф. Платонов, Н.В. Покровский, А.В. Савелов, А.С. Синявский, А.А. Титов, Н.И. Троицкий, С.Д. Яхонтов и другие. По итогам прений, как отмечено в протоколе заседания, «в виду сложности и трудности вопроса», собрание постановило просить директора Археологического института Н.В. Покровского о созыве в Петербурге специального съезда представителей архивных комиссий для выработки окончательного варианта проекта реформы. Вот тут-то и «вспомнили» про «несвоевременный» проект ярославского архивариуса, который попросту «подшили к делу»: «В распоряжение

такого будущего съезда постановлено передать доклад В.Н. Поливанова, доклад, сделанный в настоящем съезде по тому же предмету, И.А. Тихомирова, и все относящиеся сюда материалы»²².

Что же такого необычного в своей программе «К вопросу об устройстве древлеведения в России» выдвигал И.А. Тихомиров? И почему коллеги ярославца из других архивных комиссий предпочли его проект не заметить или, как он сам выражался, «замять и замолчать»?

Государственная система древлеведения И.А. Тихомирову представлялась в виде единой централизованной сети специализированных учреждений, в ведении которых должны были находиться исторические памятники всех видов. Для этого он предлагал учредить государственную («Русскую») и губернские (по названию соответствующих городов) «древностейные управы» (т. е. управы археологические, для правления древностями). Функционально на эти учреждения возлагалась обязанность рассмотрения всего спектра специальных вопросов, связанных не только с охраной (как это нередко предлагалось, и в частности правительством, вынашивавшим идею учреждения «Комитета по охране древностей» при Министерстве внутренних дел), но и с изучением, хранением, перемещением, реставрацией памятников старины. Причем вся сеть этих учреждений выделялась в самостоятельное и «самоуправляющееся» ведомство во главе с председателем «Русской древностейной управы», статус которого уравнивался с правами министра. Однако назначение «министра» и всего личного состава государственной управы – это отнюдь не дело правительства, а выбор «съезда ученых всей России».

Государственная управа руководит губернскими управами и утверждает их членов. Состав управ – и центральной, и областных – должен являть собой «общество» (коллегию) различных специалистов по числу отраслей древлеведения: зодчество, монументальная живопись, иконопись, археология, археография, архивоведение и т. д. (или актуальных для каждой местной управы). Все дела в управах решаются общим собранием их членов. В сфере компетенции государственной управы, посредством ее «особых правлений», «состоят все государственные хранилища по предмету древлеведения, архивы, галереи и т. п., из которых всё, имеющее преимущественно местное значение и интерес, передается в местные хранилища; своих собственных хранилищ, кроме книжного, государственная древностейная управа не имеет». Что же касается губернских управ, то они должны иметь свои хранилища, «в которых сосредотачиваются все и всякие как вновь открываемые, так

и хранящиеся уже в других музеях, библиотеках, архивах и т. п., памятники данной губернии, все местные и иноместные, – касающиеся губернии издания и другие пособия (книги, картины, карты, модели и проч.); в их ведении и управлении находятся все местные хранилища по древлеведению и памятники прошлого»²³.

Готовя свой проект как «ряд ответов» на «жгучий и мучительный вопрос» о судьбах исторических памятников в России, И.А. Тихомиров намеревался предложить коллегам теоретический экстракт из личного практического опыта, итог многолетних размышлений над памятникоохранительной ситуацией в провинции и в целом государстве, который, как он старался до них донести, был «не высижен», а «выстрадан и выношен и стоил не малого количества горьких и тяжелых минут»²⁴. Опираясь на многотрудный опыт работы в архивной комиссии и душой болея за общее дело отечественного древлеведения, которому самозабвенно служил, он приглашал всех заинтересованных и причастных к этому делу лиц к беспристрастному диалогу: «Разумеется, излишне говорить о том, что изложенным выше я не намеревался не только исчерпать этот обширный и сложный вопрос, но даже и очертить его сколько-нибудь полно; я только наметил те, на мой взгляд, желательные и полезные, основные положения, без которых (опять-таки, на мой взгляд) правильной и удовлетворительной постановки вопроса о древлеведении в России не может быть»²⁵.

Однако съезд в целом остался безучастным к идеям И.А. Тихомирова. Очевидно, смущала и новизна проекта (его своего рода радикализм), и масштабность задуманного, а может быть, и сложность для восприятия на слух нарисованных автором тяжеловесных конструкций (попытка подобрать емкое и благозвучное название для будущих учреждений также оказалась не слишком удачной). Обсуждая, как он сам с очевидностью понимал, частный вопрос о реформе архивных комиссий («хлопотать об улучшении нескольких винтов при негодности всей машины, – тратить попусту время и обманывать себя»²⁶), участники съезда оказались не способными к формулированию главной проблемы, без решения которой будущее и самих комиссий оставалось весьма неопределенным и туманным. С грустью и досадой он вспоминал заседание 23 июня: «На нем проглянуло и непонимание дела (на мой взгляд), и недостаточная беспристрастность, и недостаточная заинтересованность, и желание поскорей отделаться от неприятного вопроса...»²⁷ Когда через год в печати появился обзор «действий» владимирского съезда В.А. Нарбекова, в нем лишь одной строкой фигурировал «анонимный» доклад, сделанный «по VI отделу», – «К вопросу о

постановке архивоведения в России» (так! – Я. С.)...²⁸ Участник съезда и сотрудник «Исторического вестника» В.Е. Рудаков, вслед за выступлением которого И.А. Тихомиров докладывал ученому собранию свою программу, и вовсе считал возможным не упоминать о нем в своем довольно обстоятельном обзоре итогов областного археологического съезда на страницах журнала²⁹.

Исследовательница отечественного архивоведения Н.В. Бржостовская, впервые в 1971 г. в научной литературе обратившая внимание на «один довольно интересный проект» – ярославского архивариуса Тихомирова, констатировала, что «он (проект. – Я. С.) не имел никаких последствий и остался как интересный документ, отразивший чаяния провинциального историка. Смелость проекта отражает обстановку в годы первой русской революции, давшей толчок многим прогрессивным идеям»³⁰.

Публикуемые ниже документы, и прежде всего переписка председателя оргкомитета владимирского съезда А.В. Селиванова и И.А. Тихомирова (док. № 1–2), – яркое свидетельство той драматичной ситуации, которая сложилась вокруг тихомировского проекта после его обнародования на археологическом форуме. Не удовлетворенный результатами своего выступления (напомним, одного из трех!) по поводу предлагаемой реформы, И.А. Тихомиров уже по возвращении в Ярославль сочиняет особое предисловие «От составителя» к тексту проекта, намеченному устроителями съезда к публикации в его «Трудах». В нем нашла отражение непосредственная реакция ученого на то, в основном учтиво-молчаливое, отношение к его идеям со стороны ученых коллег, желание еще что-то прояснить или уточнить и наконец убедить их «отказаться, насколько доступно, от всего условного, частного и навеянного минутой, забыть о составителе настоящего проекта и о самом себе и, словом, взглянуть на предлагаемое мною возможно беспристрастнее». Также включенный в документальную подборку текст предисловия (док. № 3), кажется, так и не появился в «Трудах» съезда. Во всяком случае те их экземпляры, с которыми нам довелось работать, его не содержат. Из нескольких просмотренных отдельных оттисков проекта «К вопросу об устройстве древлеведения в России»³¹ лишь только в одном оказался текст авторского предисловия³². Данное «библиографическое» недоразумение наводит на мысль о далеко не простой случайности этого издательского казуса.

Рукопись предисловия И.А. Тихомирова и сопровождавшее ее письмо, отправленные одному из организаторов владимирского съезда, А.В. Смирнову, впоследствии попали в руки Алексея Васильевича Селиванова (1851–1915). Имя этого известного

провинциального ученого, оставившего после себя многочисленные труды в области энтомологии, истории, археологии, археологии, библиографии, искусствоведения, философии, – одно из центральных в истории двух архивных комиссий – Рязанской и Владимирской³³. Видный научный и общественный деятель, он многое делал для развития этих учреждений, прилагал немало усилий к совершенствованию архивного дела, предложив в 1899 г. собственный проект устройства центральных губернских архивов. И, естественно, будучи организатором съезда и председателем того самого заседания, в котором был «замят и замолчан» доклад Тихомирова, Селиванов не мог не отреагировать на подобные суждения ярославца. Его письмо от 28 ноября 1906 г. сохранилось в фонде архивариуса в ГАЯО (док. № 1)³⁴. Дипломатично оценивая проект Тихомирова как «в высшей степени целесообразный», он, тем не менее, видел в нем «сплошную утопию», и в первую очередь из-за отсутствия к достижению его целей необходимых «средств и рабочей силы». Тем самым А.В. Селиванов выражал позицию большинства участников съезда, озабоченного, главным образом, судьбами своих архивных комиссий. В ответном письме от 8 декабря (док. № 2) И.А. Тихомиров горячо и убежденно пытался отстоять свою точку зрения, говоря о проекте: «Утопичности в нем нет, он только беспристрастен». А далее и вовсе выдвигал новое «несвоевременное» требование: «Дело не в деньгах, а во власти; дайте нам власть, дайте нам право, и $\frac{3}{4}$ дела будет сделано». Тут-то, очевидно, и крылась принципиальная неподъемность всего массива возникавших в свете данного проекта задач.

Способный видеть далеко на перспективу, быть неизменно выше интересов текущего момента, И.А. Тихомиров, в жизни и общении с людьми очень скромный и даже застенчивый человек, не боялся, если того требовали обстоятельства, идти наперекор мнению большинства и до конца отстаивать свою позицию. Эту внутреннюю убежденность и гражданскую смелость ему придавали огромная любовь и преданность своему делу, значение которого для саморазвития общества он прекрасно понимал. Болея душой за дело отечественного древлеведения, размышляя о его широкой, «правильной и удовлетворительной постановке», он готов был, «не считаясь с существующим положением вещей», «отстаивать до последней возможности» свои взгляды и убеждения. Практичность и трезвость ума, «прозаичность» жизненных позиций не мешали Илариону Александровичу быть пылким и страстным в стремлении к его мечте. История нереализованного проекта ярославского архивариуса и публикуемые об этом документальные материалы –

яркое тому подтверждение. Они рассказывают о том, что И.А. Тихомиров и в жизни, и в профессиональном деле никогда не боялся быть «неудобным человеком».

Именно об этом он, вспоминая прожитое уже в другую эпоху, писал в феврале 1926 г. своему юному ярославскому ученику-краеведу, впоследствии известному историку и профессору МГУ Сергею Сергеевичу Дмитриеву (1906–1991): «Я для многих был неудобным человеком (это один из многих трагизмов моей жизни), кое-что видел, знал и по своей дурости и грубости всегда мог “брякнуть” какую-нибудь “вяху” в самый неподходящий момент. Желаю вам от души быть неудобным: правда, чистая совесть (конечно, относительно, безусловно чистой не было еще) – большая, очень большая сила!..»³⁵

Примечания

- ¹ См.: *Автократова М.И., Самошенко В.Н.* Н.В. Калачов и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. // Советские архивы. 1985. № 5. С. 28–31; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 135–136.
- ² См., например: *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т. 5. С. 79–116; *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433; *Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 187–198; *Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991; *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; Издания губернских ученых архивных комиссий 1884–1923 гг.: [В 5 вып.] / Сост. Л.Ф. Писарькова. Отв. ред. С.О. Шмидт. New York: Norman Ross Publishing Inc., 1994–1995. Вып. 1–3.
- ³ См.: *Бржостовская Н.В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89–105.
- ⁴ См.: Там же. С. 104; *Ваганова И.В.* И.А. Тихомиров об устройстве архивов в России // Советские архивы. 1989. № 2. С. 78–80.
- ⁵ Тысячи имен посетителей «Древлехранилища» ЯГУАК зафиксировала книга его посетителей; см.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 44.
- ⁶ См. подробнее: *Ваганова И.В.* Деятельность И.А. Тихомирова в Ярославской губернской ученой архивной комиссии // К 100-летию Ярославской губернской

- ской ученой архивной комиссии: Тез. выступ. на расширенном заседании Науч. совета архивного отдела облисполкома. Ярославль, 1990. С. 11–20; *Землянская Н.С.* И.А. Тихомиров – хранитель музея при Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7. С. 24–31; *Дубов И.В.* Роль И.А. Тихомирова в археологическом изучении Ярославского Поволжья // Там же. С. 31–39; *Смирнов Я.Е.* «Ярославский старожил» Иларион Тихомиров // Тихомиров И.А. Граждане Ярославля. Из записок ярославского старожила / Вступ. ст. и коммент. Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1998. С. 5–40; «...Сохранить память о минувшем...» Архивариус И.А. Тихомиров о назначении и деятельности ЯГУАК / Публ. и предисл. Я.Е. Смирнова // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 98–103.
- 7 См.: *Севастьянова А.А.* И.А. Тихомиров – архивист, археограф и источниковед // Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века: (К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии): Сб. документов / Сост. В.Н. Козляков. Ярославль, 1989. С. 91–95.
- 8 См.: Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии (далее – Труды ЯГУАК). Ярославль, 1900. Кн. 3. Вып. 1. С. 51, 57.
- 9 См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 50. Л. 30–33об.; Д. 187. Л. 1–8об.; Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6. Вып. 1. С. 38, 40, 51, 59, 233–236, 297–304.
- 10 См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–9об.; Труды ЯГУАК. Кн. 6. Вып. 1. С. 277–288.
- 11 Там же. С. 281.
- 12 Там же. С. 64–65.
- 13 См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 31. Л. 43–70об.
- 14 Там же. Л. 61.
- 15 ГАРО (Гос. архив Рязанской обл.). Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 3об. (письмо от 30 окт. 1904 г.). Это был ответ И.А. Тихомирова на информационное письмо А.В. Селиванова от 10 июля 1904 г. о предстоящем владимирском съезде (см.: ГАЯО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 51. Л. 4). В марте 1906 г. темы выступлений были уточнены: «В ответ на Ваше письмо от 5 прошлого февраля за № 1 имею честь уведомить Вас, что я имею намерение быть, если ничто не помешает, на III областном археологическом съезде в г. Владимире и сделать следующие три доклада: 1) О некоторых ярославских гербах, 2) Кто насыпал ярославские курганы, – дополнение к докладу под тем же заглавием на Тверском съезде, 3) К вопросу о постановке дела древлеведения в России. Первые два доклада довольно большие (75–80 полулистовых страниц), третий – небольшой» (ГАРО. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 7; из письма И.А. Тихомирова А.В. Селиванову от 8 марта 1906 г.).

О том, что вопросы охраны памятников в связи с областными съездами И.А. Тихомирова интересовали и раньше, свидетельствует печатная программа II археологического съезда в г. Твери (1903), сохранившаяся в фонде ЯГУАК, в которой, кроме записи рукой архивариуса: «К протоколу 56 общ[его] собра-

- ния Яр[ославской] арх[ивной] ком[иссии]. 22/1. 1903 г.», в пункте 7 сделаны подчеркивания (выделено нами курсивом. – Я. С.): «Архивные комиссии и их современное положение. Вопросы, связанные с деятельностью архивных комиссий *по охранению местных древностей*, устройству музеев, изданию исторических документов и *по археологическим исследованиям края*» (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 50. Л. 25).
- ¹⁶ Рудаков В.Е. Третий областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире // Исторический вестник. 1906. № 8. С. 579.
- ¹⁷ Общий обзор деятельности Ярославской ученой архивной комиссии за 1900–1914 гг. // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 2. С. 8.
- ¹⁸ См.: Протокол 60-го собрания Ярославской ученой архивной комиссии, 26-го ноября 1906 года // Труды ЯГУАК. Кн. 7. Вып. 1. С. 1.
- ¹⁹ В личном письме к А.В. Селиванову от 28 марта 1906 г. И.А. Тихомиров сообщал: «Что касается извещения Ярославской архивной комиссии о владимирском съезде, то считаю нужным уведомить, что комиссия едва ли соберется до съезда, почему едва ли будут на съезде и ее официальные депутаты» (ГАРО. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 6об.).
- ²⁰ См.: Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. С. 25.
- ²¹ Там же. С. 60.
- ²² Там же. С. 71.
- ²³ Тихомиров И.А. К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир, 1908. С. 7–8.
- ²⁴ Письмо И.А. Тихомирова А.В. Селиванову от 8 дек. 1906 г. (док. № 2).
- ²⁵ Тихомиров И.А. Указ. соч. С. 8.
- ²⁶ Письмо И.А. Тихомирова А.В. Селиванову от 8 дек. 1906 г. (док. № 2).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Нарбеков В.А. Третий областной историко-археологический съезд во Владимире 1906 г. 20–26 июня. Казань, 1907. С. 19
- ²⁹ См.: Рудаков В.Е. Третий областной историко-археологический съезд... С. 563–585.
- ³⁰ Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела... С. 104.
- ³¹ Причем с датой – 1908 г., в то время как «Труды» владимирского съезда датированы 1909 г. Некоторое отличие наблюдается и в оформлении публикации проекта: в конце текста, воспроизведенного в «Трудах», содержится авторская датировка – «Ярославль. 1906 6/VI», в отдельных оттисках – ее нет.
- ³² Экземпляр брошюры из научной библиотеки Ярославского музея-заповедника.
- ³³ См. о нем, например: Толстов В., Трибунский П. Ученый-энциклопедист А.В. Селиванов // Рязанские ведомости. 1999. 29 янв. С. 4. («Рязанская старина». Вып. 5). Благодарю П.А. Трибунского, любезно сообщившего копии документальных материалов из рязанского архива.

- ³⁴ Впервые документ был опубликован в статье И.В. Вагановой в журнале «Советские архивы» в 1989 г. (см.: *Ваганова И.В.* И.А. Тихомиров об устройстве архивов в России. С. 79–80). Сопоставление подлинника письма с его журнальной публикацией выявило многочисленные неточности прочтения и неоговоренные пропуски. В настоящей публикации все эти недостатки устранены.
- ³⁵ *Смирнов Я.Е.* Краеведческие материалы в архиве профессора С.С. Дмитриева и их историко-культурное значение // Архивы: история и современность: Материалы конференции, посвященной 80-летию архивной службы Российской Федерации. (Углич. 28–29 мая 1998 г.) / Отв. ред. Я.Е. Смирнов. Ярославль, 1999. С. 46.

Приложение

№ 1

Письмо А.В. Селиванова И.А. Тихомирову

28 ноября 1906 г.
г. ВладимирМилостивый государь
Иларион Александрович.

Ал. Вас. Смирнов¹ мне сообщил Ваше письмо к нему по поводу Вашего доклада об устройстве древлеведения в России. Так как в этом письме выражается сильное неудовольствие 3-м обл[астным] съездом², на котором Ваш доклад был будто бы замят и замолчан, а я, как Вам известно, состоял председателем в том заседании, которое было посвящено вопросу о реформе архивного дела, стало быть, являюсь ответственным лицом за причиненную Вам съездом неприятность, – то позвольте мне ответить на Ваше письмо и хоть немного оправдать перед Вами и себя и съезд. Кстати, я постараюсь высказать и свое мнение о Вашем докладе. Простите меня, если я буду вполне откровенен с Вами. Отчасти Вы правы. Ваш доклад был замят и замолчан, но не потому, что доклад не понравился или страдал серьезными недостатками по существу затронутого вопроса. Нет. Я во многом, и притом самом существенном, разделяю Ваше мнение и относительно существующей неурядицы в деле архиво- и древлеведения, и относительно тех мер, которые Вы предлагаете в своем докладе в видах упорядочения этого серьезного дела. Но вот в чем заключается большое «но». Все, что Вы предлагаете в высшей степени целесообразно, *но* совершенно неосуществимо при существующих условиях. Ваши предложения представляют собою идеал, а стало быть, как и всякий идеал, они не достижимы. Почему? Да просто потому, что наша современная действительность лишена двух необходимых для осуществления Вашего проекта условий: средств и рабочей силы. Вы сами пишете, что денег надо немало, но потом ниже совершенно бездоказательно добавляете, что нужные деньги найдутся. Откуда же? Разве Вы не знаете, что мы нах[одимся] на границе государств[енного] банкротства, что все ресурсы страны совершенно истощены и все кредиты, ассигнуемые на самые насущные надобности, безжалостно обрезаются. Стало быть, об изыскании средств на архиво- и древлеведение в настоящее время нечего и думать. Да и едва ли в б[олее] или м[енее]

близком будущем можно будет об этом мечтать. Думаю, что едва ли и внуки наши с Вами этого дождутся. Это о средствах. А затем люди. Откуда взять людей, в особенности в провинции, которые были бы пригодными для этого дела?

Вы пишете, что в каждой губернии нужен не один специалист, а целые общества, целая комиссия. Люди эти, кроме того, должны любить свое дело, а не относиться к нему формально, из-за денег, и получ[ать] вознаграждение. Далее Вы пишете: «Нужно основательное образование и развитие масс, действительное, истинное просвещение и воспитание народа» и пр. Где все это мы найдем в настоящее время? Не только в провинции, но и центрах нашего просвещения слишком мало людей, пригодных для осуществления Вашего проекта. За деньги можно, конечно, отыскать специалистов, но едва ли таких найдется достаточно даже для столиц. А Вы проводите мысль о губернских древностейных управах. Вот почему я и считаю весь Ваш проект сплошной утопией. Стоит ли, стало быть, рассуждать о нем, спорить, обсуждать по пунктам и пр. Конечно, нет. Этим объясняется и то, что на съезде не только Ваш проект, но и доклад Поливанова был замят и замолчан³. Заседание наше, где обсуждалась архивная реформа, действительно было из рук вон как плохо. Не Вы одни вынесли от него тягостное впечатление. Я сам был подавлен им, но что же делать, если неизменно хотели, чтобы заседание состоялось. Конечно, лучше было бы совершенно снять его с очереди. Что касается Петербургского архивного съезда⁴, то и в этом отношении я с Вами вполне солидарен: я не жду от него ничего путного. Причина та же: несвоевременность всякого рода подобных проектов. Теперь не до того.

Вот если бы наступило время, когда возможно было бы приступить серьезно к реформе древлеведения, если бы Госуд[арственная] Дума сама возбудила этот вопрос и решила бы ассигновать на это необходимые средства – тогда другое дело. Тогда Ваш проект сослужил бы свою службу, об нем стоило бы говорить и обсуждать его. А в настоящее время, повторяю, это очень хорошо обдуманная Вами и заманчиво составленная утопия, не более.

Печатать, конечно, Ваш доклад мы будем, но не ранее начала будущего года. Если успеем, то он будет, конечно, отослан в Петербург к февралю, хотя обещать наверное не можем.

Искренне преданный Вам А. Селиванов.

№ 2

Письмо И.А. Тихомирова А.В. Селиванову

[8 декабря 1906 г.]

Ваше превосходительство
милостивый государь
Алексей Васильевич.

Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за Ваше письмо, а затем попросить извинение за причиненную Вам против моей воли и всякого желания неприятность. Я несколько не понимаю поступка А.В. Смирнова, сообщившего Вам, видимо, все письмо; если бы это входило в мои виды и желания, то я и обратился бы непосредственно к Вам, между тем, я отнесся к нему, и притом частным образом, и именно для того, чтобы сделать дело, никого не беспокоя. Разумеется, он мог сообщить Вам из моего письма то, что касалось дела непосредственно, об остальном же говорить было, по-моему, излишне и бесполезно, как об обращенном лично к нему. Но раз дело сделалось, остается только извиниться и уверить Вас в том, что я не имел никакого намерения причинить Вам и малейшего неудовольствия.

Что касается III областного археологического съезда, состоявшегося при Вашем ближайшем и главном участии, можно сказать, даже именно благодаря Вам, то я от съезда вынес, говоря вообще, наилучшее впечатление и, кроме глубокой благодарности к его организаторам, ничего иного не питаю. Грустное и неприятное впечатление оставило только одно заседание съезда, – посвященное обсуждению вопроса об архивных комиссиях. Этого я не скрывал и не скрою. На нем проглянуло и непонимание дела (на мой взгляд), и недостаточная беспристрастность, и недостаточная заинтересованность, и желание поскорей отделаться от неприятного вопроса, или излишняя сдержанность, нежелание помочь, предубежденность и т. д. Обнаружилось все это очень скоро и действовало, понятно, подавляющим образом. Это правда, но винить во всем этом только Вас, как председателя заседания, я никогда не думал и не буду. Я не имею против Вас даже только больше, чем против кого-либо другого из принимавших участие в прениях. Мы все виновны. Ведь, кроме г. Воронова⁵, никто и ничего не сказал о моем докладе, не исключая и самого меня. Зачем, почему? – вопрос другой, но факт остается фактом. Из моего поведения Вы, возможно, заключили, что я чем-то не доволен, но это ошибка. Мое поведение объясня-

ется просто: я был на съезде лишь как частный человек, только как член съезда и, как таковой, считал за самое лучшее, по возможности, меньше надоедать с собою кому бы ни было, а тем более Вам, у которого было и без меня и столько забот, и хлопот, и столько людей, требующих внимания; оттого я и держался в стороне. Кроме того, я поклонник личной свободы и придерживаюсь на этот счет взглядов англичан. Вследствие сказанного прошу мое поведение не считать не уважительным, не невежливым.

Теперь относительно большого «но». Я не думаю, чтобы предлагаемое мною было так недостижимо, как утверждаете Вы. Правда, при проведении этого предлагаемого в жизнь, придется натолкнуться на много препятствий и противодействий, но это еще не достаточно уважительная причина для сложения оружия. Говоря вообще, я гляжу на жизнь достаточно трезво, прозаично и практично, а не чрез увеличивающие или розовые очки, и в своем проекте я не идеальничал. Он не высижен, не сочинен и не представляет собою работы на заданную или поставленную себе тему; он – ряд ответов, подсказанных самою жизнью и практикою на поставленные ими же вопросы. И писался этот проект не день и не два, а несколько лет, конечно, отрывочно, – по мере накопления материала, по мере возникновения вопросов, недоразумений и т. п. Поэтому можно сказать, что он до известной степени выстрадан и выношен, и стоил не малого количества горьких и тяжелых минут. Оттого-то в нем и отсутствует, как мне кажется, личный элемент, личные симпатии и антипатии, и оттого-то я в нем не считаю с существующим положением вещей, частными заслугами и т. п. Я сам кое-что делал и делаю в затронутой области, тем не менее, постарался отодвинуть себя, как и все стороннее и временное, в сторону, и иметь в виду только одно, и только самое дело древлеведения. Хорошо понимаю, что эта тактика многим не понравится и вызовет явное и, особенно, тайное противодействие, но во 1), полагаю, что это обстоятельство не дает ни права, ни основания служить не делу, а лицам и их слишком коротким и временным интересам, а во 2), думаю и уповаю, что найдется достаточно число людей, которые окажутся способными видеть несколько дальше своего носа, и хотя отчасти отрешатся от своих интересов, тщеславия, самолюбия и т. п. мелких и ничтожных побуждений; не все живут под девизом: после нас хоть потоп, для многих вопрос – что будет после нас? – жгуч и мучителен. Конечно, в своем проекте я пытался проводить наиболее совершенные, как казалось мне, положения, но так как я сам очень несовершенен, то, несомненно, и проект мой страдает многими

недостатками, которые нужно исправить, а для этого заняться им, обсудить его. Но недостатка идеальности и потому утопичности в нем нет, он только беспристрастен. А это если и недостаток, то не из тех, которые нужно карать, и который я лично не могу признать даже только непрактичным. Вы спрашиваете, – где деньги и рабочая сила – люди? Я отвечаю: деньги в тех учреждениях, которые заменяют ныне (очень несовершенно) предлагаемые мною управы. Одна Археологическая комиссия получает 80 000 р[уб.] в год⁶. Если эти деньги передать в государственную древностейную управу, то на них можно оплатить 10 специалистов по 5000 р[уб.] и 30 000 [руб.] – на остальное. Я не говорю, что этого достаточно, но в крайности и на эти деньги (при готовой квартире) можно открыть управу, а ей действовать. Время парадоксальных окладов и бесконтрольного хозяйничанья бесповоротно отходит, колоссальные траты на полицию, стражников, казаков и пр. – временны и непродолжительны, Дума не вторая, так третья или четвертая их упразднит. Деньги будут, об этом нечего и говорить. Да, наконец, – живем же мы сейчас уж вовсе без гроша и работаем, неужели, когда будет хоть несколько грошей, так мы отступимся от того дела, которое стоило нам стольких жертв, сил, чуть не слез?! Дело не в деньгах, а во власти; дайте нам власть, дайте нам право, и $\frac{3}{4}$ дела будет сделано. Кроме того, применяясь к обстоятельствам, можно предпринятое осуществлять не сразу, и с некоторыми уступками и сноровками. Пусть вопрос будет сперва лишь предрешен и санкционирован, пусть будет «быть по сему» и «осуществление по возможности». И возможность откроется, поруками Вам в этом 22 бесправные архивные комиссии, которых никто знать не хочет, и которые не могут заставить знать себя. Было бы чего ждать, а подождать можно, мы привыкли к этому. Что касается людей, то они уже есть и теперь, – при отсутствии спроса на них. Ведь война родит героев. У нас есть университеты, есть Археологический институт⁷, в котором ныне учатся от нечего делать, из любви к искусству кое-как и чему-нибудь, и в котором могут учиться очень основательно даже и теперь, а тем более при улучшении положения. Много еще хотелось бы мне высказать Вам всего, но уже места нет более, и потому, прося Вас пособить тому делу, которому мы оба служим, имею честь быть искренно преданным и глубоко уважающим Вас

И. Тихомиров. 8/XII 1906 г.

Я кончил свое письмо, но, пробегая еще раз Ваше, не вытерпел и пишу еще. Я ни сколько не в претензии на Вас за то, что Вы весь мой проект считаете «сплошной утопией», – это Ваше личное дело, Ваше личное убеждение, сложившееся в силу известных оснований (из которых приведенные в Вашем письме не могу признать убедительными и вескими), но я ропщу на Вас за то, что Вы, как председатель заседания по вопросу о реформе архивных комиссий (их положения я не отделяю и не могу отделять от положения вообще древлеведения, ибо очевидно, что хлопотать об улучшении нескольких винтов при негодности всей машины, – тратить попусту время и обманывать себя) оказались не вполне беспристрастным, поддались этому своему убеждению, т. е. в общее дело ввели личный элемент. Между тем, можете ли Вы поручиться, что Ваш взгляд безусловно верен, что Вы совершенно правильно понимаете положение вещей? Разве Вы безгрешен? Разве Ваши представления не слагались, как и мои, и всякого другого, под влиянием известных обстоятельств и условий? Разница лишь в том, что на Вас более действовали одни влиятели, на меня другие, почему и углы наших зрений разные. Попробую уверить Вас, что свой доклад я составлял и решился прочесть не «здорово живешь», а подумав над ним прежде и многое взвесив, причем, ни правительство – бюрократию, ни общество я не представлял себе ангелами хранителями или добрыми духами. Я знаю и то, и другое очень, очень хорошо, даже только, но знаю также и то, что бывают такие положения, в которых и медведь пляшет. Что мой проект не утопия, следует из того, что близкое к нему предлагалось не только Довнар-Запольским⁸, но и самим правительством в лице его особой комиссии по пересмотру законоположений об охране памятников древности⁹. Разве, в сущности, не те же губернские древностейные управы предлагала эта комиссия, но лишь, по обыкновению бюрократии, «применительно» к местным, современным, финансовым и всяким другим условиям, и «принимая во внимание», т. е. попросту желая и капитал нажить, и невинность сохранить, а больше всего себя не обидеть? Оттого-то ей и понадобились уже существующие ученые учреждения, до естественно-исторических включительно, и бессмысленные археологические округа.

Не могу с Вами согласиться и в том, что нужно ждать, когда сама Госуд[арственная] Дума вспомнит о древлеведении. У нее, понятно, теперь на первом плане не то. Но я полагаю, что если Думе представить готовый проект, хорошо продуманный, обоснованный и разработанный, при хорошо, т. е. умело и соответствующим настроению образом составленном и обстоятельно мотивированном

представлении, если под этим представлением собрать подписи уважаемых и известных наших ученых и даже учреждений (отчего бы даже и не Академии наук, университетов и пр.), и если, наконец, подготовить почву в Думе чрез подходящих депутатов и заручиться их содействием, как и в Государственном Совете, то дело может выгореть без особых затруднений. Очевидно, все дело в тех людях, которые будут его делать. Если в них найдется достаточно любви к этому делу и веры в себя и других, – оно обеспечено: вера и любовь горами качают; если же мы начнем с «как да что» и «ничего не будет», так дальше их, конечно, не уйдем. Во имя общего дела я прошу Вас, зову Вас – помогите чем можете, между пр[очим], и заблаговременной рассылкой моего проекта (с предисловием к нему, высланным А.В. Смирнову¹⁰) не одному архивному съезду, а во все архивные комиссии, всем участникам Владимирского съезда, всем заинтересованным лицам и учреждениям с горячим призывом откликнуться и помочь. Положите первый камень в этом важном деле, словом, сделайте то, что подскажут не расчет и выкладка, а душа и чувство. Захотите, многое сможете, и потому не говорите: может быть, успеем. Взываю к Вам как к человеку и только как к человеку, без всяких приложений, искажающих его лучшее и высшее представление. Как видите, я избрал путь беседы с Вами неофициальной, это, при нашем почти полном незнакомстве, может быть, будет шокировать Вас несколько, покажется неуместным. Что в том? Как хотите, но я привык относиться к людям, а не к их мундирам, и, кроме того, верую в завет Христа: стучите, и отворят вам. Простите, что утомил Вас, но ведь не о себе хлопочу, и надеюсь увидеть ясные дни, хотя и немного осталось жить.

И. Тихомиров

ГАРО. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 8–9об., 2 л. б/н. Подлинник.

№ 3

Предисловие И.А. Тихомирова к проекту
«К вопросу об устройстве древлеведения в России»

От составителя

Убедительнейше прошу читателей во имя самого того дела, о котором веду речь, отнестись к нему с возможною добросовестностью, и при чтении и оценке предлагаемого мною материала для решения вопроса о постановке древлеведения в России отказаться, насколько доступно, от всего условного, частного и навеянного минутой, забыть о составителе настоящего проекта и о самом себе и, словом, взглянуть на предлагаемое мною возможно беспристрастнее, вчитаться и вдуматься в каждый пункт изложенного, сличить со своими собственными предложениями по тому же предмету, если таковые имеются, сделать возражения против неприемлемого и пополнить то, что будет признано подходящим, холодно взвесить положительное и отрицательное, – не только не придираясь к мелочам и отдельным словам, но вовсе не обращая на них (именно, как на таковые) внимания, – и, только подведя итог всему, сказать уже «да» или «нет», пояснив то или иное свое заключение.

Я прошу помнить и подчеркиваю, что, составляя свой проект, я имел в виду только самое дело, и большинство пунктов, включенных мною в этот проект, подсказано самою жизнью и текущею практикою, а не выдумано в кабинете за столом; я не поддельвался ни к лицам, ни к обстоятельствам, не «соображал», не «соглашал», не «приноравливал», а высказывал только назревшую и наболевшую нужду. Разумеется, что сказанное касается сущности, а не подробностей, мелочей и внешней стороны предмета. Понятно, что я не буду непременно настаивать, например, на сохранении предложенных мною названий предполагаемым учреждениям и должностям, на подробностях устройства первых, на объеме и качестве прав и обязанностей вторых и т. п.¹¹, но я буду и прошу и других, преданных делу древлеведения, отстаивать до последней возможности тот взгляд, что древлеведение должно быть выделено из всяких других ведомств в особую самостоятельную и самоуправляющуюся единицу с постоянным главным центральным органом, и что эта единица-ведомство должно обладать правом, властью и средствами не меньшими, чем всякие другие ведомства, и, во всяком случае, вполне достаточными для правильного отправления предмета своего ведения.

На III областном археологическом съезде во Владимире М.В. Довнар-Запольский предлагал осуществить такой централь-

ный орган в виде повторных очередных (а равно, и по мере надобности) съездов представителей местных органов древлеведения (нынешних архивных комиссий). Но первым и притом чрезвычайно важным неудобством такого центрального распорядительно-наблюдательного органа является его непостоянность, прерывность и временность его действия, тогда как во всякий данный момент может возникнуть надобность в неотложном решении представившихся вопросов. Переменный и случайный состав такого органа, зависящий от настроения на местах, также представляет его крупный недостаток. Кроме того, непрерывность действия центрального органа настоятельно необходима для успешного хода самого дела, ибо этого дела, накопленного многими веками, столько, и оно так быстро и так постоянно все увеличивается, что когда посмотришь на него сознательно, ясно и вполне отдавая себе отчет в видимом, то невольно проникает в душу отчаянье за возможность правильного и желательного разрешения этого дела. Для такого разрешения его нужна целая и притом сплоченная, хорошо устроенная и подготовленная, преданная делу армия тружеников, приставленная исключительно к этому делу, а не та ничтожная горсточка профессионалов и любителей, которая, тщетно напрягая все усилия, пытается ныне что-то сделать в этой огромнейшей области, да еще вразброд, ссорясь и вздоря. Один я перебрал сотни тысяч дел и отобрал из них тысячи для «вечного хранения». От уничтожения эти тысячи пока спасены (да и спасены ли? Своего помещения Ярославская архивная комиссия не имеет), но когда они будут использованы, кем, как? И даже, – когда они будут только приведены в тот порядок, о котором так много и столь многие так часто говорят везде? Надеяться на любовь к науке двух-трех, даже пусть 10–15 местных деятелей, да еще бесправных (в данной области), безвластных и не имеющих средств, разве это не ребячество, разве это не преступное закрывание глаз? Или, может быть, следует надеяться на помощь и сочувствие общества, как это предложил один из участников Владимирского съезда? Но кому же не известно, что общество, как общество, т. е. в своем целом, живет только настоящим и будущим, а не прошлым, особенно столь мало развитое общество, как наше русское? Иначе у народов были бы не жалкие отрывки и клочки случайных известий о былом, а прекрасные, обстоятельные истории. Кому также не известно, что не только такая с точки зрения общества (повторю, особенно нашего, обнищавшего, забитого, темного и голодного) крошечная, ничтожная нуждишка и даже просто «баловство»¹² как знание прошлого, но и более неотступные и более очевидные и понятные надобности

вроде образования, государственной защиты и т. п., и те находят в обществе самый слабый, еле заметный отклик? Много ли жертвуют (даже за награды) на училища, библиотеки, хранилища, даже на флот и т. п.?

Меня обвиняли (на съезде) еще в том, что я будто бы намерен создать новую бюрократическую область в нашем государственном механизме и тем нанести огромный вред всему делу, на защиту которого выступил. На это нелепое обвинение я могу ответить только одно: имеющий уши слышать да слышит. Разумеется, предлагаемое мною не представляет совершенства (почему и представлялось на обсуждение съезда, хотя и было замято), но не страдает и бюрократизмом. Выборное самоуправляющееся начало не может или, по крайней мере, не должно быть бюрократическим, особенно же при условии действия этого начала в среде ученых и непосредственно причастных к науке, заинтересованных ее успехами лиц. Конечно, при желании всякое благое и самое лучшее начинание можно изуродовать, но от этого нет пока иных средств спасения, кроме самого общества. Если оно в лице его членов, наиболее заинтересованных делом древлеведения, т. е. в данном случае ученых, тщательно и ревниво будет оберегать органы, ведущие это дело, от всяких отрицательных посягательств на него, то эти посягательства и не осуществляются. Если же этого не будет, если не будет любви и преданности к делу, а лишь чиновничье, «казенное» отношение к нему, если это дело для его деятелей не будет частью их души, а только средством существования, источником дохода, тогда никакая постанова не спасет от его упадка. Последнее замечание. Меня обвиняли еще в том, что я в своем проекте постановления древлеведения ввожу в дело канцелярское начало. Верно, канцелярия так уронила себя в глазах общества, что при одном намеке на нее, оно уже настораживается и становится недоверчивым. Но с другой стороны, не менее верно и то, что ни одно сколько-нибудь значительное дело не может обойтись без канцелярии или конторы, ибо во всяком деле для его развития прежде всего требуется порядок, распорядительность, быстрота и аккуратность. Нельзя же, в самом деле, требовать, чтобы ученые люди (стоящие во главе ведения древностями) углублялись во все мелочи делопроизводства, составляли и писали сотни бумаг, подшивали наряды и т. д. И нельзя уже потому, что, заставив их это делать (если только они когда-нибудь согласятся на это), мы тем самым неизбежно превратим их в бюрократов-чиновников и, отвлекши от живого, нужного и действительного дела, утопим в чернильном море. Говорить же о том, что без бумаг, без канцелярской переписки нельзя обойтись, мне думается, даже и не

следует: это самоочевидно; все архивные комиссии, несмотря на все убожество всяких их средств и на ничтожество области ведения и власти, не обходятся без канцелярий, хотя, благодаря неимуществу, ведают и ведет эти канцелярии само правление комиссий.

В заключение я убедительнейше прошу тех, кто возьмет на себя смелость обсуждать и решать судьбы архивных комиссий, не забывать, что не одни они болят душою и думают об их судьбе, и потому прошу их не говорить своего окончательного слова до тех пор, пока не выслушают и меня, т. е. пока не прочтут внимательно моего проекта постановки дела древлеведения в России, с которым (т. е. древлеведением) судьбы архивных комиссий связаны неразрывно. В основу этого проекта положены: *общество-коллегия, собрания, выборы, самоуправление и постоянный контроль всех над одним и одного над всеми*, т. е. такие начала, при которых менее всего возможно ожидать зарождения бюрократизма. Без порядка же, без системы и твердых оснований не может существовать никакое дело.

Тихомиров И.А. К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир: тип. Губ. правления, 1908. С. I–IV.

Комментарии

- ¹ Смирнов Александр Васильевич (1854–1918) – земский врач, общественный деятель, краевед, археограф, библиограф, действительный член Владимирской ученой архивной комиссии, хранитель ее музея, архива и библиотеки. См. о нем: *Тельчаров А.Д.* Об архиве А.В. Смирнова // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 298–303; *Он же.* История в человеке. (А.В. Смирнов и его время). Ярославль, 1990.
- ² Третий областной историко-археологический съезд состоялся во Владимире 20–26 июня 1906 г. Информационные письма за подписью А.В. Селиванова о подготовке съезда и его программа содержатся в отдельном деле архивного фонда И.А. Тихомирова, см.: ГАЯО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 51; см. также: Программа Третьего Областного историко-археологического съезда, созываемого в губ. гор. Владимире в 1905 г. с 20 по 30 июня // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. С. 218–219; *Рудаков В.Е.* Третий областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире // Исторический вестник. 1906. № 8. С. 563–585; *Горталов Н.К.* Доклад о деятельности III-го областного историко-археологического съезда в г. Владимире 20–26 июня 1906 года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. Казань, 1906. Т. 22. Вып. 4. С. 280–290; *Нарбеков В.А.* Третий областной историко-археологический съезд во Владимире 1906 г. 20–26 июня.

Казань, 1907; Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909.

- 3 Поливанов Владимир Николаевич (1848–1915) – дворянин, историк, археограф, общественный и государственный деятель. Инициатор создания в 1895 г. и председатель Симбирской губернской ученой архивной комиссии, основатель первого в губернии частного музея. Член-корреспондент французского и бельгийского обществ археологии, почетный член Петербургского археологического института.

Доклад В.Н. Поливанова на владимирском съезде состоялся в «закрытом» заседании (23 июня), посвященном реформе ученых архивных комиссий. Концепция их преобразования готовилась по поручению собрания председателей архивных комиссий, состоявшегося на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе в 1905 г. В основе предлагавшейся реформы лежал проект, выработанный делегатами областного историко-археологического съезда в Твери (1903) (см.: Труды Третьего областного историко-археологического съезда... С. 71).

- 4 Вопрос о необходимости созыва съезда ученых архивных комиссий поднимался еще на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе. Итогом обсуждения доклада В.Н. Поливанова на съезде во Владимире явилось следующее постановление: «Ввиду сложности и трудности вопроса, собрание в заключение рассуждений постановило: просить директора Археологического института Н.В. Покровского созвать в Петербурге не позже весны будущего года специальный съезд из представителей архивных комиссий для обсуждения их положения и выработки проекта реформы. Директор Института принял это предложение и обещал оказать со своей стороны всякое содействие к устройству съезда» (Труды Третьего областного историко-археологического съезда... С. 71; см. также: *Рудаков В.Е.* Указ. соч. С. 580). На деле же созданное Археологическим институтом совещание членов Археологической комиссии с участием представителей от архивных комиссий в Петербурге состоялось только 17 апреля 1908 г. Плодом его работы явился «Проект положения о губернских архивно-археологических комиссиях» (см.: Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 452–456). Выработанный документ был разослан во все архивные комиссии для его последующего обсуждения. Замечания на проект от ЯГУАК были составлены товарищем председателя комиссии, приват-доцентом Демидовского юридического лица Ф.В. Тарановским и архивариусом И.А. Тихомировым (см.: Протокол 64-го собрания, 11 мая 1908 г. // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 1. С. 17; Протокол 66-го собрания, 20 апр[еля] 1909 г. // Там же. С. 27–28); см. сравнительный текст проекта: От правления Ярославской ученой губернской архивной комиссии // Ярославские губернские ведомости. 1909. № 28. С. 2–4.

- 5 Воронов Андрей Петрович (1864–1912) – историк, архивист, краевед. Уроженец г. Петрозаводска, выпускник историко-филологического фа-

культета Петербургского университета. Автор многочисленных исследований по истории Карелии, в том числе публикаций по этой тематике в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Профессор Петербургского археологического института, составитель одного из первых теоретических курсов «Архивоведение» (1904), на основе которого читались студентам лекции. См. о нем: *Шайжин Н.С.* А.П. Воронов (некролог) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск, 1912. С. 85–88. По инициативе А.П. Воронова, председательствовавшего 22 июня на заседании секции «Вопросы архивоведения», где слушался доклад И.А. Тихомирова, его «рассмотрение и обсуждение» было перенесено на следующий день – в секцию «Архивные комиссии и их современное положение». Об итогах дискуссии в собрании этого «отдела» съезда см. в примеч. 4.

⁶ Императорская археологическая комиссия – научный и организационный центр, занимавшийся выявлением и изучением исторических древностей на территории Российской империи. Основана была в 1859 г. в Петербурге, находилась в ведении Министерства императорского двора. С 1889 г. обладала исключительным правом разрешать и контролировать археологические раскопки, участвовала в рассмотрении проектов переделки и реставрации монументальных памятников древности. После 1901 г., с момента появления при Археологической комиссии реставрационной комиссии, являлась ведущим учреждением в деле экспертизы проектов и методики реставрации архитектурных памятников.

⁷ Петербургский археологический институт – частное высшее учебное и научное заведение. Основан в 1877 г. академиком Н.В. Калачовым на его личные средства и пожертвования. Предназначался для подготовки специалистов в области архивного дела. На двухлетнее обучение зачислялись лица при условии наличия высшего образования. Помимо палеографии, археографии и архивоведения здесь читались курсы археологии, нумизматики, метрологии, истории права, этнографии и других дисциплин. В сфере деятельности Археологического института находились ученые архивные комиссии, состав которых формировался по согласованию директора института с губернаторами на местах. Всю отчетность о своей научной деятельности архивные комиссии должны были предоставлять в институт. См.: *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачов как историк-архивист. (Из истории русского архивоведения. 1860 – 1880-е гг.) // Труды Историко-архивного института. М., 1948. Т. 4. С. 161–177.

⁸ Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – историк, общественный деятель. В 1894 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. С 1896 по 1901 г. жил в Москве, работал старшим помощником архивариуса в Московском архиве Министерства юстиции, преподавал историю в частных женских гимназиях и в качестве приват-доцента (с 1899 г.) в Московском университете. Являлся одним из создателей Археографической комиссии при Московском археологическом обществе.

Будучи секретарем комиссии, находился в постоянном контакте с археографами и учеными архивными комиссиями по различным вопросам архивоведения. См. о нем: *Михальченко С.И.* М.В. Довнар-Запольский: Историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 162–169. О проекте реформы в деятельности ученых архивных комиссий М.В. Довнар-Запольского, предполагавшего создание центрального органа в виде периодически созываемых съездов, см. в предисловии И.А. Тихомирова «От составителя» к его программе древлеведения (док. № 3).

- ⁹ Речь идет о специальной межведомственной комиссии при Министерстве внутренних дел, созданной в 1905 г. для разработки вопросов охраны исторических памятников – как письменных, так и вещественных. Составленный комиссией проект предполагал учреждение особого руководящего органа – «Комитета по охране древностей». За ним закреплялась функция объединяющего и направляющего центра в деятельности всех учреждений и лиц, причастных к памятникоохранительной работе. Согласно проекту, губернским ученым архивным комиссиям, действовавшим в этом направлении на местах, отводилась подчиненная роль. См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 292–293; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 168.

В своем докладе на владимирском съезде И.А. Тихомиров особо отмечал, что появление его проекта было «ближайшим образом» продиктовано деятельностью этой министерской комиссии: «“Основные положения, выработанные комиссией (министерства внутренних дел) по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 года” и разосланные на обсуждения архивных комиссий и других подходящих учреждений, насколько мне известно, встретили тоже холодный прием и подверглись суровой критике» (*Тихомиров И.А.* К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир, 1908. С. 9).

Показательной явилась реакция деятелей Ярославской губернской ученой архивной комиссии, с которой они в 1909 г. восприняли известие о решении комиссии создать при МВД «Комитет по охране древностей». «Возмутителем спокойствия» здесь, как зафиксировали протоколы заседаний ЯГУАК, вновь оказался И.А. Тихомиров: «9. Доклад г. Тихомирова о “проекте устава архивно-археологических комиссий”, обсуждавшемся на Костромском областном археолог[ическом] съезде в заседании 28 июня, где из доклада проф. Покровского и из беседы с членами Императорской археологич[еской] комиссии выяснилось, что в настоящее время предполагается учредить при Департаменте общих дел по М[инистерст]ву ВД не Совещание, а Комитет по охране древностей, которому не только подчинить существующие арх[ивные] комиссии, но и передать всю охрану всяких русских древностей, находящихся сейчас в ведении Имп[ераторской]. археол[огической] ком[иссии].

Последняя, как известно, состоит в ведомстве М[инистерст]ва Импер[аторского] двора, вследствие чего является вполне независимым и самостоятельным учреждением, благодаря чему здесь м[ожет] все б[ыть] направлено единственно в пользу науки, без счетов с к[акими]-л[ибо] посторонними соображениями. При переходе же охраны древностей в М[инистерст]во ВД положение изменится сущ[ественным] образом, так как на всякое м[инистерст]во возможно влияние и давление. Кроме того, Комитет будет носить случайный и переменный состав из лиц, занимающих особое от него служебное положение, и в Комитете участвующих приватно. К этим неудобствам присоединяется и самый устав, проектируемый для будущих арх[ивных] комиссий, многие статьи которого страдают недостатками и стеснениями.

На основании этих и др. соображений докладчик предложил бы со своей стороны: обратиться в Имп[ераторскую]. арх[еологическую] комиссию с ходатайством возбудить вопрос о зачислении архивных комиссий ее филиальными отделениями по местам, с переходом их из М[инистерст]ва ВД в М[инистерст]во Имп[ераторского] двора и обратиться к др. архивным комиссиям с просьбой возбудить и им такое же ходатайство. – *Постановили:* обратиться в архивные комиссии в виде сообщения о начинаниях Яр[ославской] арх[ивной] ком[иссии] с запросом их мнения по этому поводу» (Протокол 68-го собрания, 22-го сентября 1909 г. // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 1. С. 38).

¹⁰ См. док. № 3.

¹¹ Хотя нельзя не заметить, что в высшей мере желательно, чтобы названия были просты, ясны, кратки и доступны пониманию и простого народа, наравне с другими заинтересованного в деле если не прямо, то посредственно, – по исполнению устанавливаемого. Мы так отбились от этого народа, между прочим, и языком, что уже давно не понимаем друг друга, говоря совсем различными наречиями. Ведь нельзя же требовать от простолюдина, чтобы он носил при себе «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык», очень часто без всякой надобности. Всякое законодательное распоряжение, всякое узаконение и осуществляющие его органы должны быть всегда вполне доступны пониманию и представлению каждого; иначе нельзя, несправедливо требовать исполнения установленного.

¹² «Что было, то прошло и быльем поросло», – вот взгляд народа на рассматриваемый предмет.

В.Ф. Козлов

«ОГОСУДАРСТВЛЕННОЕ» КРАЕВЕДЕНИЕ.
ИСТОРИЯ И УРОКИ
(По страницам журнала «Советское краеведение».
1930–1936)

В статье прослеживается судьба отечественного краеведения в 1930-е гг. Показана прямая зависимость развития краеведения от общественно-политических процессов в стране. Чем больше государство вторгалось в управление краеведением, тем больше последнее теряло свои старые кадры и целые направления, в первую очередь историко-культурного характера. Многочисленные постановления и распоряжения высших органов власти и их подразделений, попытка превратить краеведение в массовое общественно-политическое движение значительно сузили и обеднили краеведческий потенциал, превратили это движение в винтик государственной машины. Несмотря на отдельные положительные моменты «огосударственное краеведение» так и не смогло найти свой путь и как организованное движение сошло на нет в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: «огосударствление» краеведения, государственное краеведение, краеведческие конференции 1920-х гг., ЦБК, краеведческое движение, Всероссийское общество краеведения, журнал «Советское краеведение», Общество краеведов-марксистов, Объединение советских писателей-краеведов, С. Толстов, И. Клабуновский, «классовая борьба в краеведении», «фронт советского краеведения».

Краеведение как яркий феномен современной жизни переживает сейчас ответственный этап. Последнее двадцатипятилетие прошло под знаком возрождения краеведческой жизни во всех регионах страны, восстановления старых и появления новых организационных форм и направлений в изучении края. Привычными стали многочисленные всероссийские и региональные конференции, почти в каждой области и республике появляются

периодические издания краеведческого характера. Если старое краеведение опиралось главным образом на местные музеи и общества, то уровень и активность сегодняшнего движения в значительной мере определяется высшими учебными заведениями и меньше музеями, обществами, архивами, библиотеками.

В материальном же отношении краеведение осталось в «первобытном» состоянии. Как правило, краеведческие объединения общественного характера не зарегистрированы в органах власти, и краеведы сами изыскивают деньги на издательские программы, на свои средства ездят на конференции, издают свои труды и т. д.

Между тем масштаб возрожденного краеведческого движения, его все возрастающая роль в общественной, культурной жизни регионов требуют новых организационных форм, наконец, внимания государства к этому феномену. В сопредельных с Россией государствах, имеющих общие с нами краеведческие традиции, на это уже обратили внимание. 23 января 2001 г. Президент Украины издал указ «О мерах по поддержке краеведческого движения на Украине». Другим указом президента от 13 марта 2002 г. была начата крупномасштабная работа по составлению на местах летописи народной памяти с привлечением широкого круга краеведов и их организаций, а через два месяца Кабинет министров Украины принял постановление об утверждении долговременной программы развития краеведения. По мнению многих украинских краеведов известное «огосударствление» краеведения пошло ему на пользу. Государственная поддержка движения выразилась в создании кафедр краеведения в вузах, учреждении региональных именных премий, студенческих и школьных олимпиад, принятии внушительной программы издания краеведческой литературы и др. Усилилась руководящая и координирующая роль Всеукраинского союза краеведов. Хотя, по публикациям видно, как государство активно использует украинское краеведение для решения своих пропагандистских, политических задач.

Размах краеведческого движения в России также привлек внимание государственных структур. Под эгидой Совета Федерации Федерального собрания и его председателя С.М. Миронова в 2004 и 2005 гг. в г. Зарайске Московской области и в Воронеже прошли всероссийские семинары краеведов. Однако дальше разовой организационной поддержки и издания материалов конференций дело не пошло. Сегодня краеведы России активно обсуждают вопросы дальнейшего развития краеведения. Каким путем пойдет краеведение: как в значительной мере общественное движение с недостаточно сильным (в организационном отношении) Союзом краеведов

России (СКР) или как динамично развивающаяся организация, финансово и организационно поддерживаемая центральными и местными органами власти?

В насыщенной событиями истории краеведения XX в. было все: и краеведение чисто общественного характера (дореволюционный период), и «полугосударственное» краеведение 1920-х гг., когда существовали центральные и региональные краеведческие аппараты, объединявшие и руководившие обществами, изучавшими край. Наконец после разгрома краеведения в 1930-е гг. краеведение стало частью государственной машины и было целиком переключено на обслуживание нужд социалистического хозяйства.

Период 1930–1936 гг., когда краеведение подверглось полному «огосударвлению», беден содержанием историко-культурной работы, но зато весьма интересен организационными формами. Попробуем проследить путь «закрепощения» краеведения государством, тем более что эта поучительная история имеет сегодня и практическое значение.

Краеведение 1920-х гг., конечно же, нельзя назвать явлением чисто общественным. В самом начале 1920-х гг. именно государство в значительной степени инициировало созыв I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края и поощряло его широкое изучение. Академия наук и Наркомпрос как государственные структуры имели аппарат Центрального бюро краеведения (ЦБК). После II Всероссийской конференции по краеведению (декабрь 1924 г.) ЦБК отделилось от Академии наук и превратилось в самостоятельный орган, находившийся в ведении Главнауки Наркомпроса РСФСР. На местах краеведением нередко руководили люди, работавшие в музеях, органах просвещения, организациях планового и экономического характера, также причислявшихся тогда к краеведческим. III Всесоюзная краеведческая конференция (декабрь 1927 г.) выдвинула требование включения краеведной работы в общую плановую работу социалистического строительства. Но все же в целом краеведение развивалось, прежде всего, как явление общественной жизни. В конце 1920-х гг. ситуация стала меняться, что нашло отражение в последнем номере журнала «Краеведение» (1929. № 10): «Краеведение – жизненное, мощное, все более и более развивающееся общественное движение, неумоимо работающее на социалистическое, плановое и массовое строительство»¹. В 1930 г., по сведениям ЦБК, краеведная сеть включала 2270 зарегистрированных организаций, насчитывавших 50–60 тыс. человек.

Характерной особенностью краеведения второй половины 1920-х гг. являлось многообразие организационных форм первичных ячеек и способов руководства их работой. Вот как писал об этом в 1930 г. представитель нового краеведения С.П. Толстов: «Низовые краеведческие ячейки могут возникнуть и возникают при школах, подчиняясь руководству органов народного образования, при избах-читальнях, при фабзавместках, при клубах, при правлениях колхозов, при студенческих организациях вузов и техникумов, при промышленных предприятиях и т. д. Одни из них финансируются и подчиняются соцвосу, другие – политпросвету, третьи – профсоюзной организации непосредственно, четвертые – правлениям клубов, пятые – бюро пролетстуда, шестые – колхозным центрам и т. д., и т. д. Каждая из этих ячеек представляет собой юридическое лицо со своим утвержденным соответствующими органами уставом, со своей отличной от других ячеек структурой, со своей финансовой отчетностью, идущей по разнообразнейшим линиям, и т. д.»².

В первом же номере «Советского краеведения» известные государственные деятели обозначили обязанности нового краеведения: «Советское краеведение является одной из форм содействия со стороны пролетарской общественности социалистическому строительству на местах путем всестороннего научного изучения данного региона или края» (А.П. Пинкевич); «Советское краеведение должно являться частью мероприятий по осуществлению пятилетнего плана» (Н.Ф. Преображенский)³. Коренной перелом во взаимоотношениях краеведения и государства был закреплен на IV Всесоюзной краеведческой конференции в марте 1930 г. Председатель ЦБК П.Г. Смидович (он же был в то время заместителем председателя ВЦИК) в докладе «Краеведение на путях социалистического строительства» наметил четыре главные краеведческие темы: реконструкция промышленности («промышленное краеведение»), процесс коллективизации сельского хозяйства, городское строительство и «культурная революция»⁴. Как видим, перед краеведами были поставлены четыре важнейшие государственные задачи. На конференции от краеведов потребовали положить конец «разнобойности краеведной работы, разнокалиберности краеведной сети». И хотя против единого организационного плана возражали многие краеведы, говоря, что общественная работа не укладывается в единую форму, после IV конференции старая краеведная сеть была по сути дела сломана, и вместо нее по образцу партийно-комсомольского строительства всюду возникли ячейки, окружные бюро краеведения. Оправдывая абсолютную унификацию, Смидович откровенно говорил с трибуны съезда: «Еди-

нообразии и единое содержание всей краеведной работы должно быть достигнуто, ибо в противном случае не будет надлежащего содействия плану социалистического строительства». И еще одна важная для понимания природы нового краеведения сказанная П.Г. Смидовичем фраза: «Мы действительно должны представлять одну армию, делающую одно дело, уничтожающую старое убожество человеческой жизни».

Другой известный государственный деятель, Г.М. Кржижановский, выступая на той же краеведческой конференции, рассматривал краеведческое движение как фактор «мобилизации сил» и ратовал за создание «пяtilетки по краеведению».

Основные положения выступления П.Г. Смидовича были зафиксированы и в резолюции, определившей: «Краеведение является совокупностью работ, ведущихся общественными силами, по всестороннему (комплексному) научному изучению данной территории. Советские условия выдвигают на эту работу широкие массы трудящихся города и деревни (советская общественность) и тем самым превращают советское краеведение в одну из форм содействия социалистическому строительству»⁵.

В одной из дискуссионных статей, опубликованных в 1930 г. в «Советском краеведении» (автор С. Толстов) предложил «оформление краеведческих организаций в единое Всероссийское общество краеведения с единым уставом по типу уставов Союза безбожников, Осоавиахима и других добровольных обществ, с единым членством и твердым руководством. В основу организации ляжет ячейка, существующая на равных правах с ячейками других добровольных обществ, как правило, при фабзавместкоммах предприятий, советских учреждений, вузов, научных институтов и т. д. Работа ячеек будет объединена райбюро краеведения, в свою очередь подчиненного облбюро и ЦБК»⁶. Для краеведов предлагалось также введение учетных карточек и единых членских билетов. Как видим, «добровольность» понимается здесь в духе 1930-х гг., то есть как форма, но по сути и содержанию Всероссийское общество краеведов, как и другие крупнейшие общественные организации, должно было бы выполнять роль придатка советского государства.

Закрепление новой роли краеведения в социальной и политической жизни государства и общества происходило в значительной степени и посредством специальных нормативных актов: постановлений, распоряжений и циркуляров государственных учреждений.

Сразу же после IV конференции ВЦСПС в специальном постановлении от 23 марта 1930 г., «...признавая большое обще-

ственно-полезное значение краеведческих организаций в связи с развертыванием социалистического строительства... предлагает всем профорганизациям оказать содействие работе краеведческих организаций...»⁷. 13 и 19 мая 1930 г. состоялось постановление коллегии Наркомпроса РСФСР, касающееся, в частности вопроса о привлечении «рабочих, трудящихся, крестьян и просвещенных масс» к работе краеведческих учреждений и организаций.

30 августа Сектор науки Наркомпроса РСФСР разослал циркуляр «Всем краевым и областным отделам народного образования, а также отделам народного образования автономных областей и республик РСФСР»⁸, в котором разъяснялось, что «краеведческая работа является одной из форм вовлечения и участия трудящихся масс в социалистическом строительстве <...> каждый активный участник социалистического строительства, как в области хозяйственной, так и культурной, должен обратить самое серьезное внимание на дело краеведения». В постановлении обращалось внимание на идеологические недостатки движения: «Отсутствует идеологическое руководство деятельностью краеведческих обществ и учреждений, в результате чего последние выпускают идеологически невыдержанную литературу, и организуемые экспедиции не всегда занимаются изучением актуальных вопросов социалистического строительства». Сектор науки предлагал всем отделам народного образования принять все меры для того, чтобы краеведческие учреждения и организации содействовали реконструкции промышленности, коллективизации деревни, городскому строительству, тесно увязывали свою работу с партийными, комсомольскими и общественными организациями. Намечалось увеличить отпускаемые Наркомпросом средства краеведческим учреждениям и организациям (обществам).

Руководитель Бюро П.Г. Смидович направил XVI Съезду ВКП(б) приветствие: «Центральное бюро краеведения, объединяющее восьмидесятитысячную армию краеведов... рапортует съезду, что оно... все свои силы, все свои знания отдает тому, чтобы опираясь на неисчерпаемую творческую мощь рабоче-крестьянских масс, направить краеведческую работу всецело и безраздельно на содействие великим задачам социалистического строительства»⁹. В 1930 г. краеведению стали приписывать абсолютно не свойственные ему функции; ЦБК принял развернутое постановление о работе в области содействия краеведения строительству обороны страны¹⁰.

К «огосударствлению» краеведения приложил свою руку и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР в лице своей

коллегии, принявшей 26 октября 1930 г. постановление об обследовании и чистке ЦБК. Коллегия НК РКИ обращалась уже ко всей стране: «Период реконструкции народного хозяйства и задачи культурной революции выдвигают с остротой необходимость организации широкой советской общественности вокруг вопросов краеведческого движения». Советские инспектора видели здесь основную проблему – «проблему массовости движения, вовлечения в краеведческую научно-исследовательскую работу самих строителей социализма рабочих и колхозников. Основной базой краеведения становятся фабрика, завод, колхоз, совхоз, машинно-тракторная станция. Изучение их в цепи процессов реконструкции силами самих рабочих предприятий или колхозников деревни является генеральным условием успешного развития советского краеведения»¹¹.

Постановление предусматривало «усилить состав ЦБК квалифицированными марксистскими силами... улучшить материальную базу ЦБК... поставить вопрос о практической помощи со стороны ВЦСПС, наркоматов и центральных общественных организаций краеведческому движению». ЦБК было предложено составить план краеведческой работы в соответствии с пятилетним планом развития народного хозяйства и культурного строительства. На 1931 г. был утвержден штат Бюро в количестве 28 сотрудников.

За столь необычным по целям и задачам постановлением влиятельного союзного наркомата стояло нечто гораздо большее, чем просто желание превратить краеведение в массовое движение (оно ведь таковым было и в 1920-е гг.). Пристальное внимание к краеведению объяснялось желанием властей превратить его в одно из (наряду с Осоавиахимом, Союзом безбожников, обществом «Друг детей», Обществом пролетарского туризма и экскурсий и др.) массовых общественно-политических движений, охватывающих сотни тысяч, а может, и миллионы людей по всей стране.

Как указывалось в передовой статье «Советского краеведения», «...путь для этого только один: включение краеведения в систему архипрактических, насущных задач наших строительных будней и создание такой людской базы, при которой краеведение перестанет быть делом любителей-одиночек и станет мощным революционным фактором движения масс за культуру, за социализм»¹².

Краеведение, с подачи властей, становилось весьма популярным, даже модным и конъюнктурным явлением советской жизни, и краеведческие секции стали возникать в различных учреждениях и организациях. Краеведческая секция еще в 1929 г. была образована в Коммунистической академии, более того, журнал «Совет-

ское краеведение» стал органом не только ЦБК, но и этой секции Комакадемии. В 1930 г. при ЦБК на правах секции было организовано Объединение советских писателей-краеведов (ОСПК). За первые десять месяцев существования объединения в него вошло 30 членов писателей-беллетристов, очеркистов, литературоведов и поэтов. В октябре 1930 г. в ОСПК влилась новая группа писателей, в их числе Вс. Иванов, Ф. Гладков, Л. Леонов, Б. Пильняк, Л. Никулин, А. Новиков-Прибой и другие¹³.

К началу 1931 г. перестройка краеведческого дела в целом завершилась, ее итогом стало принятое 30 марта 1931 г. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР № 396 «О мероприятиях по развитию краеведного дела». В постановлении краеведение рассматривалось как часть государственного дела и политики. В основу работы краеведческих организаций были положены следующие общегосударственные задачи: «Изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны, изучение, в частности, вопросов поднятия урожайности, внедрения новых культур, выявления новых предметов экспорта и прочее».

Строго регламентировались цели, задачи и организационная структура всей краеведческой сети: «Совет Народных Комиссаров РСФСР в целях улучшения и развития краеведения в соответствии с развернутыми темпами социалистического строительства постановляет:

1. Признать необходимым перестроить практическую работу краеведческих организаций в направлении, обеспечивающем: а) действительную увязку всей краеведческой работы с конкретным планом социалистического строительства каждого данного района, предприятия, совхоза, колхоза и т. д.; б) вовлечение в краеведческую работу широких масс рабочих, колхозников, комсомольцев, пионеров, туристского актива, учащихся.

2. Исходя из этого, установить следующую систему построения краеведческих организаций в РСФСР: а) краеведческие ячейки на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах и учреждениях; работа этих ячеек объединяется и направляется путем созыва местных конференций; б) республиканские (автономных республик), краевые (областные) бюро краеведения при органах народного образования; в) Центральное бюро краеведения при Наркомпросе с участием представителей государственных, профессиональных и общественных организаций. Для согласования и планирования

краеведческой работы в стране созываются периодические конференции с участием местных краеведческих организаций.

Поручить Наркомпросу разработать в месячный срок положение о центральном и местных бюро краеведения»¹⁴.

Целому ряду наркоматов и различных государственных учреждений постановлением предлагалось увязать конкретные свои планы с деятельностью ЦБК и местных краеведческих организаций. Задания получили Совнаркомы автономных республик, краевые (областные) исполкомы, Госплан РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомвоенмор, Огиз, Союзкино. Не были забыты и крупнейшие общественно-политические организации страны – ВЦСПС, ВЛКСМ, Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), получившие задание разработать директивы по участию их членов в краеведческом движении.

Правительственным постановлением краеведение было поднято на невиданную ранее высоту и поставлено почти на один уровень с крупнейшими общественно-политическими организациями страны. Уже один факт заслушивания доклада Центрального бюро краеведения в СНК РСФСР указывал на признаваемое правительством значение краеведения. С другой стороны, постановлением СНК РСФСР краеведение было целиком подчинено политическим и хозяйственным интересам тоталитарного государства. В комментариях по поводу принятого документа ЦБК указывалось: «В своем постановлении СНК подчеркивает значение советского краеведения, именно советского, как движения, с одной стороны, направленного на удовлетворение нужд различных отраслей социалистического строительства, с другой стороны, движения массового, построенного на широкой общественной основе»¹⁵. Теперь почти в законодательном порядке краеведение вовлекалось в различные хозяйственно-политические компании – большевистский сев, уборочную кампанию, лесосплав, путину и т. п. Вместе со старыми кадрами и организационными формами краеведение потеряло и всю историко-культурную составляющую. «Вопросы производительных сил и природных богатств» отныне стали определяющими вплоть до ликвидации ЦБК.

Радикальные изменения, происходившие в краеведении в 1929–1931 гг., требовали коренного пересмотра и официального определения краеведения. Напомним, что на VI сессии ЦБК (январь 1926 г.) в докладе А.П. Пинквича «О сущности и задачах краеведения» была дана следующая формулировка: «Краеведение есть метод синтетического научного изучения какой-либо определенной, выделяемой по административным, политическим или

хозяйственным признакам, относительно небольшой территории, изучения, подчиненного жизненно-наущным хозяйственным и культурным нуждам этой территории и имеющего своей основой производительные силы края». Через четыре года тот же А.П. Пинкевич в докладе «Предмет советского краеведения», который он сделал в январе 1930 г. на заседании краеведческой секции Комкадемии, заявил, что формулировка 1926 г. его не удовлетворяет, так как «недостаточна... не дает определенной ориентации на современность... неисторична, внеклассова». Взамен прежней Пинкевич предложил уже иную формулировку: «Краеведение является одним из путей содействия со стороны советской общественности делу социалистической реконструкции СССР на местах путем всестороннего, синтетического, можно сказать, диалектического изучения относительно небольшого района, изучения, всецело подчиненного задачам диктатуры пролетариата вообще и задачам социалистического строительства в частности»¹⁶.

Через два года один из активнейших представителей нового советского краеведения А. Большаков в дискуссионной статье «Об определении краеведения» подверг ревизии и формулировку 1930 г. Для А. Большакова краеведом является только тот, кто «вступит на путь производственной в тех или иных формах работы по претворению в действительность своих мыслей и выводов». Большаков, кстати, опирался на слова будущего председателя ЦБК А.Ф. Вангенгейма, сказанные им в 1930 г.: «Краеведение должно быть активным не только краезнанием, краеизучением, но должно быть краестроительством в той мере, в какой это возможно»¹⁷.

Сам А. Большаков предложил свою формулировку того, что представляет собою краеведение: «Краеведение – это общественное движение, объединяющее местное трудовое население, принимающее активное участие в соцстроительстве своего края на основе всестороннего, синтетического и строго марксистского его изучения»¹⁸. Как видим, представители старого краеведения вряд ли могли развивать такое понимание «краеведения».

Впрочем, в советском краеведении было немало и таких активистов, которые отрицали пользу дискуссий о сущности краеведения. Так, известный своими «разоблачительными» статьями член краеведческой секции Комкадемии В.Ф. Карпыч в 1930 г. заявил: «Бесконечные споры о сущности краеведения: “наука” ли оно или “движение”, “метод” или еще что, должны быть отброшены, как казуистические споры, отвлекающие нас от практических задач содействия перестройке страны»¹⁹.

С начала 1930-х гг. официальное краеведческое движение постоянно сверяло свой курс с линией партии. Вся работа ЦБК и местных организаций, методы и направления работы строились во исполнение решений пленумов и съездов ЦК ВКП(б). Так, например, после июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б), принявшего решения об итогах сева и задачах уборочной кампании, о задачах железнодорожного транспорта, о городском хозяйстве СССР и хозяйстве г. Москвы, ЦБК немедленно мобилизовал всех краеведов на выполнение и этих задач. В передовой июльского номера главного органа ЦБК указывалось: «Краеведение – один из важнейших каналов участия масс в соцстроительстве, и его перестройка по директиве июньского Пленума и на основе последней речи тов. Сталина на совещании хозяйственников явится залогом превращения краеведения в массовое движение рабочих и колхозного крестьянства за активное участие в строительстве социализма»²⁰. Принял XVI партсъезд директиву о необходимости в период развернутого социалистического наступления усиления антирелигиозной пропаганды, и тут же все краеведение бросается на помощь «безбожной работе» (так называется статья в сентябрьском номере «Краеведения») ²¹. А ЦБК и центральный совет Союза воинствующих безбожников (СВБ) вслед за этим рассылают циркуляр «Всем республиканским, краевым и областным советам СВБ, всем республиканским, краевым и областным бюро краеведения». В этом документе краеведческая работа направлялась «на борьбу с религией»: в краеведных музеях создавались антирелигиозные уголки, в краеведческих организациях организовывались ячейки СВБ и т. д.

Иногда вовлечение краеведческих организаций в исполнение партийных и государственных директив приносило все же известную пользу. Так, выполняя решения Постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, Бюро привлекло краеведов к созданию школьных программ на краеведческой основе, организации школьных музеев, изучению прошлого школы и т. д.²² Таким образом, элементы исторического краеведения присутствовали и в новом школьном краеведении, точно так, как краеведы участвовали в направляемом государством написании истории фабрик, заводов, совхозов и колхозов.

Государственно-партийный характер краеведения все более усиливался. Классовая и внутрипартийная борьба, жертвами которой становилось все больше организаций и конкретных деятелей, естественным образом проецировалась и на краеведение. Своеобразный контроль за выполнением линии партии в краеведении вы-

полняло в первую очередь Общество краеведов-марксистов Комкадемии (ОКРАМ). Президиум ОКРАМ принял ставшее директивным для всех краеведных организаций постановление, первый пункт которого гласил: «Считать основной задачей краеведения в борьбе за генеральную линию партии на данном этапе создание массовых краеведческих организаций из рабочих и колхозников и подчинение их задачам социалистического строительства и классово-вой борьбы пролетариата...»²³. По признанию лидеров краеведения, ОКРАМ было тогда «идеологическим центром по руководству краеведным движением в СССР».

Однако к началу 1932 г. стало ясно, что радужные планы двухлетней давности о быстром превращении краеведения в массовое движение оказались несостоятельны. И это несмотря на колоссальный административный ресурс и поддержку государства. В литературе появился термин «краеведный фронт», что свидетельствовало, в том числе, о разжигании классовой борьбы и в краеведческом движении. Так или иначе, в февральском номере «Краеведения» за 1932 г. констатировалось, что «ни ЦБК при Наркомпросе, ни ОКРАМ при Комакадемии не сумели создать массовую широкую организацию, опирающуюся на низовые ячейки на предприятиях и в колхозах <...> Много сделал для ликвидации прежних, антипролетарских по существу своей политики и по социальному своему составу “обществ” по изучению края, Центральное бюро краеведения не создало взамен их прочих областных и краевых организаций, в силу чего движение краеведных масс организационно не оформлено и идет самотеком». По данным ЦБК, охватывающим половину областей и три республики РСФСР, на 1 сентября 1931 г. имелось 12 областных, 308 районных бюро, 790 ячеек краеведения с общим числом членов всего около 25 тыс., что, конечно, не соответствовало грандиозным планам развития краеведения, разработанным в 1929 и 1930 гг.

Причину неудач руководство ЦБК видело в том, что «установление тесной связи краеведных организаций с планирующими органами и получение от последних конкретных заданий по изучению природных богатств, согласно постановлению СНК, не получило на практике осуществления за исключением некоторых областей», а также тем, что материальная помощь краеведным организациям со стороны обл- и крайисполкомов оказывалась в мизерных размерах.

Но дело было не только и не столько в отсутствии средств. Уже тогда даже новые советские краеведы видели опасность сращения краеведения с государственными органами. А. Канчеев в первом номере «Советского краеведения» за 1932 г. критиковал директив-

ные указания ОКРАМа краеведам «включиться в работу по обмену, распределению, снабжению и торговле, развитию кооперативной сети, мобилизации средств, социалистическому накоплению кооперации, реализации займов, сельхозналогу, по строительству газозубежищ, по созданию научно-исследовательских краеведческих пунктов, и, наконец, краеведы должны определить, сколько инженеров, техников, агрономов, финансово-счетных работников, учителей, исследователей нужно этому району, чтобы он развил свою работу максимально быстрыми темпами»²⁴. Таким образом, важнейшие лозунги и директивы партии становились главными и для советского краеведения, что было, конечно же, не по силам реформированным краеведческим учреждениям, тем более новым ячейкам на производстве и в сельском хозяйстве.

Новое краеведение активно вовлекалось и в политическую жизнь, изобиловавшую в 1930-е гг. резкими нападками на тех, кто не сумел или не захотел подстроиться под новый партийно-государственный курс. Термины и фразы типа «краеведческий фронт», «краеведческий штаб», «классовая борьба в краеведении», «классовая выдержанность краеведческих работ», «преодоление внутреннего саботажа и очищения президиума и аппарата ЦБК от контрреволюционных элементов», «оппортунистические установки краеведческих организаций» и т. д. заполнили страницы краеведческой литературы. Труды всех старых заслуженных краеведов были подвергнуты беспощадной, граничившей с угрозами и оскорблениями критике. Вот, например, как был охарактеризован только в одной статье «Краеведения» известный переяславский краевед М.И. Смирнов: «махровый буржуазный краевед», «монополист по истории Переславль-Залесска», автор «черносотенной книжки», «проповедник кулацкой идеологии... с ярко выраженной черносотенной идеологией и религиозностью», «приверженец религии и ненавистник атеистов», «махровый черносотенец», «стосковавшийся по царю заядлый контрреволюционер»²⁵ и т. д., и т. п.

Подобные политические ярлыки были навешены практически на всех краеведов 1920-х гг. Таким образом, лексика, свойственная общественно-политической жизни страны, стала нормой языка и нового краеведения.

Слом старого академического краеведения и его перестройка привели, по признанию самих же функционеров ЦБК и ОКРАМа, к «тяжелому организационному состоянию всей краеведческой сети». Прежняя политика ЦБК и ОКРАМа в политической и организационной областях была подвергнута острой критике на XI Пленуме

ЦБК (март 1932 г.). Были разоблачены «левацкие, прожектерские установки», выразившиеся прежде всего в «беспредметном универсализме», то есть в попытке возложить на краеведов все местные хозяйственные задачи. Выход из этой ситуации пленум ЦБК видел прежде всего в развитии широкого краеведного движения. Пленум постановил добиваться от Совнаркома РСФСР принятия постановления об организации районных бюро краеведения во всех без исключения районах с одним по крайней мере платным работником в районных бюро краеведения. В 1930-е гг. в области (крае) насчитывалось от 75 до 200 районов²⁶, поэтому армия платных краеведов-функционеров предполагалась более чем внушительной по численности (в РСФСР в то время насчитывалось 1849 районов, из которых в 506 были организованы райбюро краеведения).

В постановлении XI пленума содержался и весьма важный, девятый пункт: «Принимая во внимание необходимость создать прочную центральную базу краеведного движения, дающую возможность объединить в одном помещении родственные краеведные организации, развернуть вспомогательные краеведные учреждения и центральный научно-исследовательский институт, пленум поручает президиуму добиться создания в Москве Центрального дома краеведения»²⁷.

Несмотря на эти и другие важные решения пленума, преодолеть «беспредметный универсализм» краеведения, дальнейшее движение в сторону полного огосударствления краеведения оказалось невозможным. Тот же XI пленум принял пространные резолюции «Задачи краеведных организаций в изучении естественных ресурсов СССР»; «Задачи краеведных организаций в области укрепления обороноспособности страны»; «Задачи краеведов в строительстве второй металлургической базы СССР»; «Вторая пятилетка социалистического строительства и задачи краеведных организаций». Именно в последней резолюции были сформулированы основные установки краеведов на вторую пятилетку – изучение производительных сил и естественных ресурсов. Краеведы мобилизовывались на изыскание и точный учет полезных ископаемых, изучение природных богатств сельского хозяйства и природных условий строящихся городов. Пленум поставил перед краеведами и политические задачи. Наконец, в решениях XI пленума ЦБК прозвучала и очень важная для понимания задач краеведения цифра: «Краеведные организации должны охватить к концу второй пятилетки не менее одного миллиона краеведов по всему Союзу, не считая членов школьных организаций». Таким образом, несмотря на неудачи, задача сделать краеведение

массовым движением, нацеленным на помощь в выполнении пятилетки, рассматривалась как важнейшая.

Краеведческие органы буквально копировали многие направления общественно-политической и хозяйственной жизни страны: делегаты XI пленума в полном составе объявили себя «ударниками краеведения». Был создан Центральный штаб ударников краеведения, а «каждый ударник должен был организовать следующие ударные краеведные работы и активно в них участвовать: работу по изучению естественных богатств или оборонную работу, в частности сбор на самолет “Краевед”». В массовый всесоюзный поход по изучению и пропаганде природных богатств СССР вслед за ЦК ВЛКСМ, Госпланом СССР, Союзгеоразведкой и ОПТЭ включилось и ЦБК. Согласно выпущенному ЦБК циркуляру создавались «местные краеведные поисковые группы для поисков и разведок полезных ископаемых в РСФСР».

Значительной вехой в окончательном теоретическом и практическом оформлении нового советского краеведения стало издание в 1932 г. учебного пособия С.П. Толстова «Введение в советское краеведение». Как точно заметил один из восторженных рецензентов этой книги М. Брянский, «...книга С. Толстова завершает ту работу по разгрому буржуазно-академического краеведения, которая проведена краеведами-марксистами в 1930–1931 гг. Это первое марксистское общее руководство по краеведению»²⁸. С. Толстов, конечно же, предложил и свое отвечающее политическому моменту классовое определение содержания и методологии нового краеведения: «Советское краеведение является одним из каналов, по которому направляется творческая активность масс, штурмующих прежде недоступные вершины культуры, разбивающих стену между физическим и интеллектуальным трудом, одним из путей, по которым партия и советское государство мобилизуют массы для творческого участия в социалистическом строительстве»²⁹. Следом за этим С. Толстов считает нужным напомнить и определение сущности советского краеведения, данное краеведной комиссией Комакадемии: «Советское краеведение является одной из форм активного участия масс в социалистическом строительстве СССР путем всестороннего научного изучения данного района советской власти и путем использования результатов этого изучения для социалистического переустройства края».

Исходя из задач и сущности нового краеведения, С. Толстов дает свою трактовку определения «краеведы»: «Как само краеведение создается самим ходом социалистического строительства, так и кадры краеведов не приходят в это строительство извне. Краеве-

ды – не замкнутая цеховая организация “любителей-специалистов” краеведного дела – это сами рабочие, колхозники, советская интеллигенция, работающие каждый на своем участке строительства и сами приводящие в жизнь те результаты, которые дает исследование. Краеведы завода, исследовавшие причины брака или перебоев в снабжении сырьем или текучести и недостатка рабочей силы на предприятии, не ждут, когда результаты их работы кто-то другой проведет в жизнь. Они сами делают это или в своей непосредственной работе, или через производственные совещания, через участие в составлении встречного плана и т. д., и т. п. Но в наших условиях краевед не должен и не может быть “одиночкой”. Советское краеведение коллективно»³⁰.

К 1932 г. в целом закончились поиски новой модели краеведения. С 1933 г. на страницах журнала «Советское краеведение» и сборников в целом прекратилась публикация дискуссионных материалов о сущности, цели, задачах нового краеведения. Необходимости в этом уже не было, отныне краеведение стало придатком советского государственно-партийного аппарата и целиком было подчинено интересам социалистического строительства.

Споры о сущности советского краеведения попытался подытожить в последнем номере главного печатного органа ЦБК один из лидеров краеведения 1930-х гг. И. Клабуновский. Многолетние споры вокруг определения «краеведение», его содержания и задач, является ли краеведение особой наукой, частью какой-либо науки или особым методом исследования, автор назвал «бесплодными». Он привел в пример старого работника краеведческого движения, собравшего коллекцию определений в 150 вариантов. И. Клабуновский утверждал, что законченной формулой является определение советского краеведения как научно-общественного движения, как «формы активного участия трудящихся масс в социалистическом строительстве». И далее И. Клабуновский добавил: «По своей природе краеведение не есть, конечно, ни наука, ни метод; это – общественно-научное движение трудящихся – рабочих, колхозников, крестьянства, учащихся и рабочей молодежи, передовой советской интеллигенции, задачей которого является организация масс на всемерное и активное личное участие в великой социалистической стройке путем всестороннего изучения нашей страны»³¹. Автор статьи констатировал, что советское краеведение – «организация широких слоев трудящихся на изучение страны строящегося социализма...». «Пока еще массового краеведного движения нет, ибо те 60–80 тыс., которые этим заняты в большей или меньшей мере, сейчас, конечно, массового движения не образуют»³².

Поставил точку И. Клабуновский и в теме содержания краеведческого исследования, которое «от изучения природных богатств до изучения сохранившихся еще в отсталых нацреспубликах родовых отношений должно быть подчинено классовым интересам пролетариата, интересам социализма. Мы уже не можем допускать “аполитичного” историка к изучению общественных и имущественных отношений населения какой-нибудь шуваловщины Московской области в эпоху крепостного права или к историческому анализу богатейших архивов Трехгорной мануфактуры. Эти работы должны вестись на основе марксистско-ленинской методологии истории. Мы не можем также мириться с “объективными” методами беспристрастного фотографирования явлений общественной жизни...» Клабуновский строго предупредил тех, кто хотел заниматься тем, что ему нравится, например историей прошлого края: «...попытки увлечь краеведение, например, только в старину, только в область археологии или этнографии – мы решительно осуждаем как антипролетарские тенденции в краеведении <...> Мы не можем мириться с тем, что краеведы Ярославля или Тулы будут изучать (лишь бы что-нибудь изучать!) памятники древности, когда под боком разворачивается гигантское строительство Бобриковского комбината или Ярославской гидроэлектростанции»³³.

Как видим, краеведение в конце 1932 г. И. Клабуновский понимал и объяснял в теснейшей связи с развитием советского государства, его политикой и экономикой.

К середине 1930-х гг. стало ясно, что превращение краеведения в мощное народное движение неосуществимо. Изгнание действительных старых специалистов, постоянные кадровые перемены, зачисление в краеведы по политическим мотивам, а не по знаниям и деловым качествам, конечно же, не способствовали развитию краеведения.

Тотальные кадровые чистки привели к исчезновению многих краеведческих организаций, резко снизился научный уровень краеведения. С конца 1933 г. руководство ЦБК, ориентируясь на партийную линию, стало созывать ошибки в кадровой политике. В октябрьском номере «Советского краеведения» упоминавшийся выше И. Клабуновский неожиданно большое внимание уделил необходимости повышения научного уровня краеведения и, что особенно важно, истории местного края. Наконец-то, после нескольких лет невнимания к этим проблемам, И. Клабуновским было сказано: «Краеведение, прежде всего, научно-общественное движение масс, а без деятелей науки, без специалистов такое движение научным стать не может. Без крепкого постоянного научного

актива, все наши дела будут идти на холостом ходу, и краеведение в лучшем случае останется на ролях голой агентуры науки»³⁴. Однако заметим, что эти слова автор статьи осмелился написать лишь после цитаты из речи И. Сталина, в которой была высказана мысль о необходимости изменения отношения к специалистам старой школы и привлечения их к работе. Подняты были И. Клабуновским и остававшиеся несколько лет в забвении задачи изучения краеведами проблем культуры: «Таковы: этнография... вопросы изучения процессов культурной революции в быту рабочего и колхозного населения, многочисленные вопросы теории и практики музейного краеведения и краеведения в школе...»³⁵ Отрыв от краеведения научно-исследовательских учреждений и организаций назван в статье «серьезной болезнью».

В условиях постоянных неудач в деле организации массового краеведческого движения Бюро пытается обосновать необходимое сближение краеведения с большой наукой. После долгого перерыва появляется дискуссионная статья Р. Гельгардта «ЦБК и Всесоюзная академия наук», в которой очень подробно проанализирована история взаимоотношений краеведов с Академией наук с 1921 по 1924 г. Автор осторожно, но критикует то время, когда связи Академии наук с краеведением ослабли и когда «упускался существенный признак краеведной работы как массовой научно-исследовательской работы», а максимальное вовлечение в краеведную деятельность рабоче-крестьянского актива «не могло обеспечить нормальный рост и развитие краеведного движения». Более того, автор констатирует, что «деятельность краеведных организаций в настоящее время искусственно выпадает из генерального плана научной работы»³⁶, а краеведение превратилось для академических учреждений и широких кругов специалистов в «неизвестную или малоизвестную область». Доказательством этого печального факта, по мнению Р. Гельгардта, служит, например, то, что в «Малой советской энциклопедии» даже отсутствует статья о краеведении. Достается здесь и Наркомпросу, который с 1924 г. возглавил краеведческое движение, но не смог обслужить его в научном и методическом отношении. Р. Гельгардт значительную часть вины за плачевное состояние краеведного дела в стране и отрыв от большой науки прямо возлагает на ОКРАМ. Заканчивается статья словами о том, что «организационный и производственный отрыв (краеведения. – В. К.) от Академии является вредным пережитком»³⁷.

Смелая в условиях 1930-х гг. публикация Р. Гельгардта имела продолжение. В последнем номере «Советского краеведения» за 1934 г. была опубликована часть открытого письма академика

А.Е. Ферсмана на имя председателя ЦБК. Известный ученый, один из влиятельных членов старого краеведения, выражал полное сочувствие высказанным в статье Р. Гельгарда соображениям. Ферсман, в частности, считал, что «надо положить решительное начало широкой связи Академии наук с краеведческим движением». Как писало «Советское краеведение», «Ферсман высказывает готовность полностью помочь реальному осуществлению этого пожелания и считает от имени ЦБК поставить этот вопрос в президиуме Академии наук и выяснить реальную форму его осуществления»³⁸.

Конечно же, это предложение академика не могло осуществиться, так как шло вразрез с тенденцией трансформации краеведения в массовое и послушное власти, оторванное от большой науки движение.

Краеведение, растерявшее за несколько разгромных лет свой былой авторитет и кадры, все же пыталось вернуть часть своих старых организационных форм. В августовском номере «Советского краеведения» появилась передовая статья с призывом организованно провести очередные конференции, созываемые после длительного перерыва. Решено было вместо навязываемых с начала 1930-х гг. краеведческих бюро вернуться к Обществам изучения края, типовой устав которых, наконец, был утвержден Наркомпросом. Было признано, что «сложившиеся за последние 2–3 года бюро краеведения с официальным представительством в них от местных партийных, советских, профессиональных, научных и иных учреждений и организаций стали очевидным препятствием на пути развития краеведения». Райбюро, «замкнувшись в рамках ведомственного представительства и увлекшись работой по договорам с хозяйственными организациями, не только не стали массовыми объединениями краеведов-трудящихся, но растеряли и ту здоровую часть вполне советских работников из среды специалистов и знатоков своего края, которая осталась верна принципам советского краеведения. Бюро краеведения тем самым превратились в свою противоположность...»³⁹

Здесь же провозглашалось, что «краеведное общество – добровольная организация трудящихся, из которых каждый участвует в изучении края в той лишь части и той степени, которая соответствует его интересам, знаниям и умению». На заседании расширенного президиума ЦБК с участием представителей с мест было принято решение о форсированном переходе краеведческих организаций на систему добровольных обществ. В уставе республиканских и областных обществ изучения края ставилась цель:

«Вовлечение трудящихся масс: рабочих, колхозников, специалистов, красноармейцев, учащихся и других в активную борьбу за успех социалистического строительства путем изучения своего края. Непосредственной задачей общества является организация естественноисторических, экономических, исторических, географических, культурно-бытовых и других исследований; научная разработка вопросов изучения края (области, АССР) в указанных направлениях»⁴⁰. Однако все эти замечательные благие посылы к известной реабилитации некоторых принципов старого краеведения не могли быть реализованы, прежде всего по политическим причинам. Краеведение дореволюционное и 1920-х гг. по-прежнему именовалось «гробокопательским», о возвращении в движение старых кадров не было и речи.

Возвращение краеведения к некоторым старым организационным формам и традиционным направлениям работы было вызвано крахом планов превращения краеведения в массовую организацию, а также общей для страны тенденцией по восстановлению некоторых упраздненных на рубеже 1920–1930-х гг. форм общественно-культурной жизни. В начале 1934 г. «Советское краеведение» напечатало большую статью Н. Коробкова с резкой критикой состояния краеведения. Автор, в частности, признавал крах организационной стороны движения: «Развитие краеведения все еще остается неудовлетворительным, а по многим районам и даже областям почти вовсе отсутствует. <...> Фактически же бюро зачастую оказывается организацией мертвой, бездеятельной, совершенно не авторитетной и не популярной». Н. Коробков с огорчением пишет о том, что краеведческие организации стали заниматься преимущественно изучением естественно-производительных сил, выявлением полезных ископаемых, игнорируя вопросы экономики, истории, быта, искусства. Фактически критика состояния обществ косвенно направлялась и против безудержного в первой половине 1930-х гг. «огосударствления» краеведения⁴¹.

В 1933–1934 гг. в Наркомпросе РСФСР был восстановлен музейный отдел, в вузах вновь появились исторические факультеты, а в школах вновь стали преподавать историю. Генеральная партийно-государственная линия на известное возрождение преподавания истории проводилась в жизнь и в краеведении. Изгнанная из краеведения этнография отвоёвывала свои позиции. В передовой статье ноябрьского 1934 г. выпуска «Советского краеведения» проф. Н. Маторин откровенно пишет, что именно решения партии и правительства о преподавании истории и географии выводят из тупика и этнографические исследования <...> Этнография – пол-

ноправный член краеведческой семьи...»⁴². Заслуживает внимания и довольно смелое для 1930-х гг. определение Н. Маториным некоторых ранее забытых краеведческих задач: «Краеведение, понимаемое как комплексное изучение района, охватывает и изучение человека, то есть проблемы антропологические, экономические и исторические. Историческое изучение края базируется на всестороннем привлечении источников: вещественных, речевых (язык, фольклор) и письменных (документ). Привлечение этих источников требует совокупной работы археологов, историков в узком смысле этого слова, лингвистов, фольклористов и этнографов»⁴³. Это высказывание, конечно же, свидетельствовало о повороте краеведения действительно к комплексному изучению края. Правда, автор тут же оговаривается, что «характерной особенностью краеведческого изучения является воссоздание исторического процесса именно на определенной территории (район, край) в увязке с общей концепцией исторического процесса, на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. <...> Поэтому историческая работа советских краеведов должна быть заострена в соответствии с задачами классовой борьбы пролетариата, с задачами социалистического строительства»⁴⁴.

Прошло всего четыре года «краеведческой перестройки», а в итоговой статье за 1934 г. заявлялось, что «...организационные формы краеведной работы изжили себя и само краеведение нуждается в широком пересмотре организационных установок в четком определении его форм и содержания»⁴⁵. Робкий поворот краеведения в сторону исторического краеведения не мог, конечно, в условиях тоталитарного государства привести к возрождению краеведения. На деятельность ЦБК по реорганизации краеведческой сети накладывало отпечаток и инициированное государством обострение классовой борьбы. Так, убийство в декабре 1934 г. С.М. Кирова отрицательно сказалось и на краеведении. Все краеведы призывались к бдительности. Как указывалось в передовой статье январского номера главного органа ЦБК, «...краеведческое движение является одним из участников классовой борьбы и поэтому лозунг о революционной бдительности имеет к нему непосредственное отношение». А важнейшими задачами краеведных организаций объявлялись «...тщательное изучение, проверка краеведческих кадров, выдвижение на руководящую работу преданных делу партии людей, которые могли бы распознать и дать решительный отпор классовому врагу»⁴⁶. В 1935 г. продолжился затянувшийся на несколько лет переход краеведческих бюро на общественную

структуру. В том же году предполагалось провести долгожданную Всероссийскую краеведную конференцию (ее предполагалось созвать еще в 1932 г.).

Руководство ЦБК признавало, что «развитие районных отделений и первичных ячеек шло крайне медленно. Нарастание темпов массовой краеведческой работы идет явно неудовлетворительно». Причиной такого положения, по признанию руководителей ЦБК, были «недостаточная и неумелая организационная работа, неумение объединить десятки тысяч людей, интересующихся краеведческой работой и изучающих самостоятельно свои районы, отсутствие квалифицированных кадров...»⁴⁷ Последней причине придавалось особое значение, так как лозунг И.В. Сталина «Кадры решают все» «должен быть положен в основу всей краеведческой работы в центре и на местах».

В середине 1930-х гг. в политической жизни страны произошли изменения, немедленно сказавшиеся на деятельности общественных организаций. И.В. Сталин, выступая 4 мая 1935 г. на выпуске специалистов Красной армии, заявил, что страна из «отсталой и нищей страны превратилась в страну с высокоразвитой социалистической промышленностью, партия разгромила все враждебные силы и социалистический строй победил в нашей стране бесповоротно». Под влиянием растущей военной угрозы вожди государства стали вспоминать о патриотизме (слово потеряло бранное значение и вновь появилось в лексиконе государственного языка), о памятниках военной истории старой России, которые до недавнего времени всячески шельмовались и безжалостно уничтожались. На появление новых тенденций в политике партии и правительства немедленно отреагировали немногочисленные общественно-государственные организации, в том числе комсомол и краеведение.

По всей видимости, начавшаяся дискуссия в краеведческой печати о необходимости вернуться к некоторым академическим основам и старым организационным формам краеведения была прекращена указанием сверху. Судя по печати, с середины 1935 г. краеведение должно было превратиться в близкое к комсомолу чрезвычайной широкой массовое движение воспитательно-познавательного характера. Серьезные статьи (по уровню 1930-х гг.) из журнала «Советское краеведение» исчезают, уступая место бодрым, политизированным, лозунговым и художественно-познавательным материалам. Государство полностью подчиняло краеведение своим идеологическим целям.

Показательная с точки зрения этого нового направления государственной политики статья появилась 11 июня 1935 г. в

«Комсомольской правде». Секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев в речи о перестройке работы комсомола в частности указал и на развитие среди молодежи исследовательских краеведческих интересов. Июльский 1935 г. номер «Советского краеведения» довольно неожиданно для читателей открылся передовой статьей с непривычным для советских краеведов названием «Познаем свою родину», которая начиналась словами: «Наша родина – богатая страна». В этой статье-перепечатке из «Комсомольской правды» присутствовали ранее ругательные слова «родина», «патриот», правда, с прилагательным «советский».

Вот слова о краеведении из «Комсомольской правды», которые прочитали в июле 1935 г. советские краеведы: «Мы должны узнать свою страну [советское краеведение]... – могучий рычаг воспитания советского патриота. Молодой краевед получает подробный наглядный материал для сравнения прекрасного настоящего своей страны с мрачным, суровым прошлым. Путешествуя в лодке, пешком, на велосипеде по своему району и краю, молодой краевед закаляется физически, приобретает необходимую инициативу и выносливость, зоркий глаз и острый слух следопыта. <...>

Нам нужно подлинно массовое краеведческое движение, которым бы вплотную прежде всего занялись комсомольские организации»⁴⁸.

Важным было то, что в статье звучал не только старый призыв к краеведам идти в «краеведческих партиях» на поиск полезных ископаемых, но краеведы приглашались собирать «народные песни, сказки, былины», изучать «нетронутые документальные богатства», заниматься музейным делом. И главное – прозвучали очень знаменательные слова: «Комсомолец-краевед должен быть так же в почете, как комсомолец-парашютист!

Дело краеведения должно быть отдано в руки живых инициативных людей, энтузиастов и организаторов»⁴⁹.

Из комментариев того времени можно понять, что государство (именно в первую очередь государство, а не ЦБК) и его верный помощник комсомол увидели в краеведении и форму, и метод воспитания всей молодежи страны. Нельзя не согласиться с оценкой, данной руководством ЦБК: «В нем, в краеведении, заложены широчайшие возможности культурного подъема для молодежи, оно дает первые навыки самостоятельной исследовательской работы, расширяет кругозор, дает богатейшие знания во всех отраслях науки и техники. Оно, краеведение, воспитывает любовь к нашей великой родине. Познание своего края, района, изучение растительного и животного мира, поиски полезных ископаемых, изучение истории края, боевых дней борьбы рабочих и крестьян

со своими угнетателями, открывают перед краеведом замечательные страницы из истории нашей страны. Вот почему советское краеведение является могучим рычагом воспитания советского патриотизма»⁵⁰.

ЦБК, так и не сумевшее самостоятельно после разгрома старого краеведения и его кадров создать массовое движение, конечно же, ухватило за новую государственную инициативу и откликнулось на призыв комсомола. Сразу же приступили к разработке совместно с ЦК ВЛКСМ ряда мероприятий по вовлечению молодежи в краеведческое движение. ЦБК призывало: «Каждая краеведческая организация теперь же должна составить вместе с комсомолом конкретный план работы с молодежью. В этом плане должны быть предусмотрены: лекции для молодежи по вопросам истории своего края, по изучению природных богатств, по этнографии, фольклору и прочему; географические, природоведческие, культурно-исторические экскурсии, походы по поискам полезным ископаемым и т. д.»⁵¹.

То, что краеведение активно привлекалось к новым политико-культурным планам государства, к возрождению патриотизма, подтвердилось очень скоро: 24 июля 1935 г. главная газета страны «Правда» опубликовала передовую статью «Знать прекрасную нашу родину», в которой повторялись и усиливались патриотические идеи, высказанные в июне 1935 г. «Комсомольской правдой»: «Советские люди жаждут ближе, глубже познакомиться со своей прекрасной страной, стремятся познать свою обновленную, цветущую родину! Растет страстное желание узнать природные богатства, климат, экономику, культуру, обычаи и нравы многочисленных народов, населяющих Советский Союз. В каждом крае Вы встретите сотни людей, с большим усердием изучающих свои родные места. Они пылливо заглядывают в их историю, неутомимо роются в памятниках и архивах, настойчиво стремятся раскрыть их недра.

Прошло уже то время, когда на краеведческую работу смотрели как на чудачество. Сейчас почти все понимают, что дело это серьезное, полезное. В нашей необъятной стране, где идет невиданное социалистическое строительство, изучение природных богатств немислимо без привлечения широких народных масс»⁵².

«Правда» попыталась объяснить суть и содержание советского патриотизма. Вот какими словами заканчивалась передовая статья: «Любовь к родине – чувство не отвлеченное. Оно находит свое выражение в глубокой привязанности к городам и селам, колхозам и предприятиям, школам и музеям нашей страны. Моря и горы, долины и реки, изумительные пейзажи, разнообразная флора и фауна, богатейшие недра – все это дорого сердцу советского человека. Лю-

бовь к социалистической родине будет еще во сто раз сильнее, если мы будем знать свою прекрасную страну»⁵³. Как известно, любовь к родине, большой и малой, воспитывает именно краеведение, поэтому многим старым краеведам могло показаться, что для краеведения настал звездный час, наиболее благоприятный период развития.

Знаменательно, что в том же номере «Советского краеведения» вслед за статьей из «Правды» редакция напечатала информационно-аналитическую статью «К созыву V конференции краеведов». Объявлялось, что через пять лет после четвертой, в январе 1936 г., собирается V Всероссийская конференция по краеведению. Указывалось, что за истекшие пять лет содержание краеведческой работы отвечало задачам, которые «стояли в центре внимания партии, советов, хозяйственных и научных центров страны», а именно вопросам изучения естественных задач, поиска полезных ископаемых и строительных материалов. Статья отмечала заслуги краеведов и в области строительства каналов, организации геологических походов, составлении описаний фабрик и заводов, собирании новых материалов по фольклору и этнографии.

В статье давалась и политическая оценка линии краеведения за прошедшие пять лет: «Длительная, не в меру затянувшаяся дискуссия о задачах советского краеведения закончилась переключением всей краеведческой работы в сторону разрешения вопросов естественноисторического исследования в сторону изучения природных богатств. Сюда было направлено главное внимание краеведов, под знаком борьбы с «этнографическим», «гробокопательским» краеведением, по сути дела проходила и вся организационная перестройка краеведческого движения. <...>

Споры о путях советского краеведения больше нет; задачи его определены, пути и формы работы указаны»⁵⁴.

Перечислялись заслуги советского краеведения и в очищении своих рядов от «вредителей», «буржуазных реставраторов», «леваков», «оппортунистов» и «всякой иной агентуры классового врага». Актуальной признавалась и борьба с «беспредметным универсализмом». Таким образом, «патриотическое» краеведение середины 1930-х гг. вело, по словам руководителей ЦБК, упорную борьбу как с «академическим» краеведением 1920-х гг., так и с новым реформаторским советским краеведением начала 1930-х. В этом плане становится понятным отказ от дискуссионных тем, дискутирования различных теоретических проблем в краеведении. Это было крайне опасно в середине 1930-х годов.

Большое место в статье занимало перечисление недостатков. Даже подчеркивался «тот печальный факт, что краеведение

по-прежнему является у нас отсталым и запущенным участком культурно-общественного движения»⁵⁵. Указывалось на то, что «непомерно долго затянулись реорганизация краеведческих объединений, ликвидация краевых (областных) и районных бюро краеведения и создание обществ изучения края», свертывание деятельности многих новых низовых краеведческих ячеек, чрезмерное увлечение работой по договорам с хозяйственными органами и т. д. Сами лидеры краеведения называли и основную причину неблагополучного положения «на фронте советского краеведения»: «Нет главного: нет живых инициативных людей, владеющих техникой этого дела, могущих поднять интерес к краеведению в широчайших массах трудящихся, увлечь их перспективами исследовательской работы на основе всестороннего изучения и познания страны». То есть главную причину неблагополучия, отсталости и в общем-то плачевного состояния нового краеведения его руководители видели в том числе в разгроме кадрового руководящего состава старого краеведения. Намеченные же V конференцией мероприятия по укреплению краеведческой работы вряд ли могли коренным образом изменить ситуацию, так как идеология нового советского краеведения ставила непреодолимый заслон старым специалистам.

В конце статьи ЦБК в преддверии конференции предлагает и откорректированное видение целей и задач краеведения: «Мы твердо убеждены, что... конференция поможет советскому краеведению стать еще более мощным рычагом воспитания масс в духе советского патриотизма и верным помощником советских и хозяйственных органов в деле изучения наших необъятных просторов и несметных богатств нашей Родины»⁵⁶. Таким образом, краеведение, несмотря на новую патриотическую риторику, становилось еще более политизированным, превращаясь в «мощный рычаг воспитания масс и в верного помощника советских и хозяйственных органов».

Государственная идеология с середины 1930-х гг. стала активно использовать и патриотическую терминологию. Привычный лозунг титульной страницы «Советского краеведения» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» с конца 1935 г. был заменен лозунгом «Изучайте нашу прекрасную родину!», номера стали тематическими (в основном посвященными национальным республикам), материалы в них приобретали все более журналистский, публицистический, очерковый характер, совсем исчезли материалы о деятельности ЦБК⁵⁷. Несмотря на несомненную ценность ряда статей, где поднимались вопросы изучения истории и культуры, даже охраны памятников, журнал «Советское краеведение» стал очень похож на многие массово-политические издания тех лет.

Краеведение, несмотря на активную государственную поддержку, а может, даже благодаря ей, превращалось в массовое движение по обслуживанию партийных, комсомольских организаций, советских и хозяйственных органов.

С 1936 г., казалось бы, начался новый период в истории отечественного краеведения. Читатели получили первый номер «Советского краеведения», удивились увеличению его объема (с 75 страниц в 1935 г. до 115 страниц в 1936 г.). Бодро и уверенно излагалась новая программа журнала – «методического и пропагандистского органа советского краеведения». Редакция обещала читателям очерки, рассказы, зарисовки о краях, областях, национальных республиках, городах, а также материалы о развитии стахановского движения, экспедициях, туристических маршрутах, школьном краеведении. В редакционной статье указывалось, что «краеведение становится движением широких масс Советской страны. В него все более мощным потоком вливаются массы молодежи – комсомольцев, юннатов. Стремление познать свою прекрасную родину все более охватывает широкие круги рабочих, колхозников, новой советской интеллигенции из рабочих и крестьян»⁵⁸. Как видим, главный вектор нового этапа развития краеведения был направлен прежде всего на массовость и популяризацию знаний о крае.

«Советское краеведение» 1936 года по жанру стало напоминать известные географическо-туристические журналы «Вокруг света», «Следопыт». Главный краеведческий журнал был наполнен художественно написанными очерками о самых разных уголках страны: Сибири, Урале, Севере, Дальнем Востоке, Средней Азии. И хотя сохранялись и статьи методического характера «Практика краеведной работы», «Хроника краеведного движения», «Техника краеведного дела», «Книжная полка», это было, конечно же, массово-популярное издание, совсем не похожее на печатные органы ЦБК 1920-х гг. – «Краеведение» и «Известия ЦБК». Чистой политики, как это было в начале 1930-х гг., в журнале было мало, хотя некоторые передовицы отличались крайней политизированностью.

В десятом номере «Советского краеведения» была напечатана передовая статья «Выше классовую бдительность!», которая началась словами «Преступный путь фашистской троцкистско-зиновьевской шайки предателей и убийц закончен», а заканчивалась программной для краеведения фразой: «...проверить людей, поставить перед ними актуальные для социалистического строительства на данном этапе задачи, усилить классовую бдительность, очистить краеведческие организации от врагов партии и правительства, от чуждых для социализма людей – вот задачи, стоящие сейчас

перед краеведческими организациями»⁵⁹. Содержание передовицы изобиловало не только угрозами и разоблачениями типа «Краеведческие организации не раз служили теми углами, где укрывались, маскируясь под строителей социализма, лютые враги социализма, последыши разгромленных эксплуататорских классов и прямые контрреволюционеры для своей вредительской деятельности». Вновь началась чистка функционеров краеведения на местах, были распущены руководящие органы Ивановской краеведческой организации, Общества изучения Азово-Черноморского края.

ЦБК доживало последние месяцы. Его новый председатель А. Ширямов в последнем номере «Советского краеведения» за 1936 г., ставшим последним и в истории общесоюзного периодического журнала, указывал, что «существование и жизненная необходимость краеведческих организаций оправдываются постольку, поскольку они являются массовой общественной базой для государственных организаций, поскольку эти последние могут опираться на краеведческие организации в деле привлечения широких народных масс к изучению природных богатств страны в первую очередь»⁶⁰.

Целью работы краеведов в 1937 г. А. Ширямов назвал расширение массовой организационной базы – краеведческих организаций на предприятиях, в колхозах, школах и т. п. Краеведы призывались к всестороннему описанию своих районов.

Увы, советское краеведение не преодолело трагический для страны 1937 г. Превратившись полностью в зависимую от государства организацию, растеряв свой кадровый потенциал и научный авторитет, краеведение организационно как массовая, ставшая из-за этого аморфной организация была ликвидирована самим же государством, в том числе и как дублирующая многие общественные, советские и хозяйственные организации.

Опыт превращения краеведения первой половины 1930-х годов в придаток тоталитарного государства может быть весьма поучителен для сегодняшнего выбирающего свой путь краеведения. Государство может быть великим помощником в деле стимулирования краеведческого массового движения, но чрезмерное, навязчивое и грубое вмешательство государственных органов в деятельность общественной организации может просто его убить.

10 июня 1937 г. Совнарком РСФСР выпустил постановление «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», по которому существование ЦБК и местных органов краеведения признавалось нецелесообразным. Все краеведческие организации должны были быть ликвидированы в течение двух месяцев. А ме-

нее чем через год, в апреле 1938 г., Наркомпрос РСФСР, создавший и курировавший более полутора десятилетий краеведческую сеть, по указке свыше в письме «О постановке и организации краеведческой работы» заявил, что «для краеведческой работы нет никакой необходимости создавать специальные и особые организации». Краеведческая работа разрешалась лишь на уровне музеев, учебных заведений, культпросветучилищ и т. д.⁶¹

Так драматически закончилась жизнь организованного краеведческого движения, бывшего в 1920–1930-е гг. заметным явлением в общественной жизни СССР. История взаимоотношения отечественного краеведения с государством, его органами, крупнейшими общественно-политическими организациями имеет не только значительный историографический, но и чисто практический интерес, особенно для развития краеведения в XX веке.

Примечания

- ¹ Краеведение. 1929. № 10. С. 607.
- ² Толстов С. Вопросы организационной структуры в краеведческом движении // Советское краеведение. 1930. № 10. С. 9.
- ³ Смидович П.Г. Краеведение на путях социалистического строительства // СК. 1930. № 1. С. 3–5.
- ⁴ Краеведение на путях социалистического строительства // Социалистическое строительство и краеведение. М., 1930. С. 12.
- ⁵ Социалистическое строительство и краеведение: Доклады П.Г. Смидовича, Г.М. Кржижановского на IV Всесоюзной конференции по краеведению 22 марта 1930 г. М., 1930. С. 36.
- ⁶ Толстов С. Вопросы организационной структуры... С. 9.
- ⁷ Вихерт Ю.О. Участие профсоюзов в краеведении // СК. 1930. № 3–4. С. 2–3.
- ⁸ СК. 1930. № 10. С. 36–37.
- ⁹ Там же. № 7–8. С. 1.
- ¹⁰ Там же. С. 37–39.
- ¹¹ На борьбу за массовое краеведение (к постановлению коллегии НК РКИ о Центральном бюро краеведения) // СК. 1930. № 11–12. С. 1–3.
- ¹² Постановление коллегии НК РКИ РСФСР об обследовании и чистке ЦБУ (от 26 декабря 1930 г.) // Там же. С. 55–56.
- ¹³ Ларина А.Н. Организационный опыт краеведения 1930-х гг. (по материалам журнала «Советское краеведение») // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 10–11 декабря 1998 г. г. Москва. М., 1999. С. 252; КВД. Объединение писателей-краеведов // СК. 1930. № 11–12. С. 47.

- 14 Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР № 396 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведного дела» // СК. 1931. № 4. С. 62.
- 15 *Вайнгейм А.* По поводу постановления СНК РСФСР 30 марта 1931 г. // Там же. С. 1–2.
- 16 СК. 1930. № 6.
- 17 Цит. по: *Большаков А.* Об определении краеведения (в дискуссионном порядке) // СК. 1931. № 1. С. 11.
- 18 Там же. С. 10.
- 19 *Карпич В.Ф.* Задачи краеведческой секции Комакадемии // СК. 1930. № 3–4.
- 20 Июньский пленум ЦК ВПК(б) и задачи краеведения на новом этапе // СК. 1931. № 7–8. С. 1–4.
- 21 *Дунаевский Л.* Краеведение на помощь безбожной работе // Там же. № 9. С. 4–8.
- 22 Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе и задачи краеведов // Там же. С. 1–4.
- 23 *Канчев А.* За четкие установки в краеведении // СК. 1931. № 1. С. 6.
- 24 Там же. С. 5.
- 25 *В.Г.* За большевистскую бдительность в краеведении // СК. 1932. № 1. С. 8–9.
- 26 Особые постановления XI пленума ЦБК 25–28 марта 1932 года // Там же. № 5. С. 36–37.
- 27 Там же. С. 37.
- 28 *Брянский М.* Первый курс советского краеведения (Сергей Толстов «Введение в советское краеведение») // Там же. № 10. С. 15.
- 29 *Толстов С.* Введение в советское краеведение. М., 1932. С. 12–13.
- 30 Там же. С. 18–19.
- 31 *Клабуновский И.* В борьбе за принципы советского краеведения // СК. 1932. № 11–12. С. 6–7.
- 32 Там же. С. 7.
- 33 Там же. С. 12, 14.
- 34 *Клабуновский И.* Краеведение и научные работники [Доклад, прочитанный в Доме ученых 25 октября 1933 г.] // СК. 1933. № 10. С. 7.
- 35 Там же.
- 36 *Гельгардт Р.* ЦБК и Всесоюзная академия наук // СК. 1934. № 8. С. 4–5.
- 37 Там же. С. 12.
- 38 Там же. № 12. С. 7.
- 39 Организовано провести краеведные конференции // Там же. № 8. С. 1.
- 40 Там же. С. 2–3.
- 41 *Коробков Н.* К материалам краеведной работы // Там же. № 1. С. 33–44.
- 42 *Маторин Н.* Этнография в краеведческой работе // Там же. № 8. С. 2, 4.
- 43 За повышение революционной бдительности // Там же. № 1. С. 3.
- 44 Там же.
- 45 Некоторые итоги и перспективы // Там же. № 12. С. 2–7.

- 46 За повышение революционной бдительности // СК. 1935. № 1. С. 3.
- 47 *Канцеев А.* Усилим подготовку новых краеведческих кадров // Там же. № 6. С. 2.
- 48 Цит. по: Познаем свою родину // Там же. № 7. С. 1–2.
- 49 Там же. С. 2.
- 50 Там же. С. 3.
- 51 Там же. С. 4.
- 52 Знать прекрасную нашу родину // Там же. № 8. С. 1.
- 53 Там же. С. 2.
- 54 К созыву V конференции краеведов // Там же. № 8. С. 3.
- 55 Там же. С. 4.
- 56 Там же. С. 5.
- 57 *Козлов В.Ф.* Вопросы исторического краеведения в краеведческой периодике 1930-х гг. (журнал «Советское краеведение») // Историческое краеведение в СССР. Вопросы теории и практики: Сб. научных статей. Киев, 1991.
- 58 К читателям нашего журнала // СК. 1936. № 1. С. 1–2.
- 59 *Ширямов А.* Выше классовую бдительность // СК. 1936. № 10. С. 1–4.
- 60 *Ширямов А.* Краеведческие организации в 1936 г. // Там же. № 12. С. 7.
- 61 *Ларина А.Н.* Организационный опыт краеведения 1930-х гг. С. 257.

ИЗ ИСТОРИИ ДОМОВЫХ ХРАМОВ МОСКВЫ XVIII в.: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ (на примере храмов в домах князей Вяземских и Мещерских)

В статье исследуется проблема изменения положения домовых церквей в Москве в XVIII в. Анализируется новое законодательство и его влияние на характер домовых церквей по сравнению с предыдущей эпохой. Использование архивных дел из фонда Московской духовной консистории позволило автору продемонстрировать применение новых указов на примере храмов в домах князей Вяземских и Мещерских.

Ключевые слова: домовая церковь, указы, прошения, митрополит Платон, Петр I, создание церквей, упразднение церквей.

Начало XVIII в. – эпоха перемен во многих сферах жизни Российского государства. Петровские реформы, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие страны, не могли не коснуться и православной церкви. Упразднение патриаршества, создание Святейшего правительствующего синода, учреждение поста обер-прокурора – все эти меры были призваны полностью изменить систему управления церковью. Однако иным немало важным процессом церковной истории России XVIII в. стали трансформации в повседневной жизни православных христиан. В данном вопросе необходимо исследование ряда аспектов, ранее практически не подвергавшихся анализу. Среди таковых особо стоит отметить домовые церкви – явление, претерпевшее в XVIII в. коренные изменения, полностью регламентированное государственной властью. Ряд указов 1720-х гг. был призван поставить

создание и бытование домовых церквей под полный контроль государства. Представляется ценным не только рассмотреть соответствующее законодательство, но и проследить процесс его применения на практике в границах Москвы. При этом необходимо разграничивать домовые церкви, находящиеся в частных домах, и располагающиеся при больницах, богадельнях, гимназиях, институтах и других учреждениях. В данной статье анализируются храмы, основывавшиеся в частных домах.

Тенденция возведения домовых церквей, создававшихся представителями элиты государственной власти для себя, членов своих семей и домочадцев, наметилась еще в XVII в. Ряд выходцев из боярских родов, обладавших высоким положением при царском дворе, возводили свои собственные храмы, куда широкому кругу людей вход был воспрещен; тем самым прежня традиция «соборной» молитвы, предполагавшей пребывание на богослужении совместно со всеми членами прихода, независимо от социального положения, уступала место индивидуалистской позиции. Соответственно, такие домовые храмы находились полностью на содержании ее создателя, который также выплачивал денежное довольствие священнику. Архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший Антиохийского патриарха Макария в его путешествии в Россию в 1656 г., в своих записках сообщал следующие сведения: «В доме каждого из них (государственных сановников. – *Н. Б.*) есть чудесная, изящная церковь, и каждый тщеславится перед другими её красотой, и наружным, и внутренним ее росписанием; при всякой церкви три или четыре священника, кои состоят исключительно при боярине и его семействе, получая от него жалование и одежду. <...> У всякого в доме имеется бесчисленное множество икон, украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями, и не только внутри домов, но и за всеми дверями, даже за воротами домов»¹.

Процесс создания домовых церквей продолжался и после середины XVII в. Так, например, в 1687 г. была освящена церковь св. Параскевы Пятницы в Охотном ряду, выстроенная на средства князя В.В. Голицына и имевшая два яруса: если внизу располагался общедоступный придел во имя св. Параскевы Пятницы, то наверху – придел Воскресения Христова, бывший домовою церковью князя и соединенный с его палатами длинным переходом. Схожим образом имела статус домовою и церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневке, чьим храмоздателем был думный дьяк Аверкий Кириллов. Его богатые палаты, сохранившиеся до наших дней, так же сообщались с церковью с помощью перехода. Лишь после смерти Аверкия Кириллова храм стал приходским. Наконец еще один яркий пример –

сохранившаяся церковь Успения на Никольской улице, выстроенная боярином Михаилом Салтыковым. Таким образом, к началу XVIII в. домовые церкви не были редким явлением для Москвы.

В первые годы правления Петра I положение домовых церквей оставалось прежним. Однако в 1721 г. наряду с созданием Святейшего правительствующего синода как постоянного органа церковного управления и введения в действие Духовного регламента государственная власть уделила внимание и домовым храмам. 12 апреля 1722 г. вышел указ об их упразднении: «Обретающиеся в Москве у знатных персон в домах церкви велено весьма упразднить, дабы ходили господа, как Духовным регламентом определено, к церквам приходским, а ежели которые престарелые персоны до церкви ходить не могут, а литургии слушать требуют, тем иметь с благословения синодального в собственных палатах антимины, с потребным к священнослужению убранством, токмоб верхи тех палат никакой от прочих отмены не имели, и в прочее время, по отсутствию или по преставлении те персон, когда антимины имеют быть к Синоду взяты, были оные палаты к домовому употреблению свободны»².

Данный указ полностью изменил положение домовых церквей: его целью было сведение их количества к минимуму и существенное понижение в статусе. Если ранее факт наличия такого храма считался для его создателя весьма почетным и свидетельствовал о его высоком положении и достатке, то теперь мог демонстрировать лишь физическую немощ создателя, неспособность ходить в приходскую церковь и передвигаться на дальние расстояния. Более того, домовая церковь не должна была каким-либо образом выделяться во владении храмоздателя, она даже не могла быть увенчана главой; соответственно, терялся смысл украшения такой церкви, она более не являлась частью пространства города (как, например, церковь Параскевы Пятницы или церковь Знамения в Романовом переулке), превратившись лишь в одно из внутренних помещений дома. Наконец, домовый храм по новому указу провозглашался явлением временным: в случае минования надобности в нем у хозяев владения (в первую очередь в связи со смертью лица, инициировавшего устройство храма, или его переездом в другое место, или продажей участка) он подлежал упразднению, а его прежнее помещение могло быть использовано любым иным образом.

Указ от 12 апреля 1722 г. был в русле общей политики Петра I в отношении церкви, направленной на ограничение храмоздательства. Так, в то же время происходило полное упразднение московских часовен: деревянные постройки предписывалось

разобрать, а каменные использовать под торговлю (лишь после смерти Петра I этот указ был отменен).

Итак, положение домовых храмов в 1722 г. коренным образом изменилось. Однако воплощение соответствующего указа в жизнь происходило медленно. Об этом можно судить по указу из Святейшего правительствующего синода от 16 ноября 1722 г., в котором отмечалось, что назначенные к упразднению домовые церкви «и донныне не упразднены», в результате чего «согласно приговорили оные церкви упразднить, тем да будут всякого священнослужения и церковного пения праздны, того ради оное церкви синодальною печатью запечатать неотложно»³. Позднее, по указу от 13 марта 1723 г., хозяева запечатанных церквей получили право разобрать их и самостоятельно распорядиться полученным материалом, а церковную утварь передать в любой приходской храм или монастырь.

В дальнейшем происходило уточнение и некоторая корректировка ранее принятых указов. Принципиальных изменений не последовало, однако новая система существования домовых церквей получила более завершённый облик. Так, по указу от 5 октября 1723 г. было подтверждено право «знатных персон» на создание домового храма в случае болезни, не позволяющей посещать приходскую церковь. Тем не менее запрещалось учреждение самостоятельного причта при домовых церквей: проводить богослужения в ней имел право только священник приходской церкви, к которой домовая официально приписывалась⁴. Позднее это правило было ужесточено: в 1725 г. службы в домовых церквях были разрешены только в праздничные и воскресные и только священниками из приходской церкви, у которых были свои замки и печати для домового храма⁵. Тем самым без их ведома и разрешения попасть в домовый храм было невозможно. Таким образом, создавалась система полного контроля за домовыми церквями Москвы со стороны государственной власти.

Данные указы действовали на протяжении всего XVIII в. Однако на практике были возможны отклонения от сухой буквы закона. Рассмотрим подробнее несколько случаев применения указов 1722–1725 гг. в Москве. В частности, обратим внимание на владение князей Вяземских на Тверской улице и их домовую церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Ее создание относится к 1741 г., когда хозяйка дома, княжна Мария Федоровна Вяземская, подала соответствующее прошение в адрес императора Иоанна VI. Мотивация полностью соответствовала указам Петра I: княжна, находясь «в болезни и в летах престарелых», не могла посещать приходскую церковь, но желала слушать литургию в своем доме,

для чего просила выдать ей подвижный антиминос (неподвижный антиминос могли иметь только приходские и монастырские церкви), обязуясь при этом обеспечить священника соответствующим довольствием «без всякого недостатка»⁶. Наблюдается частичное возвращение к допетровской практике: владелец домового храма самостоятельно содержит священника, совершающего богослужения в его доме. Прошение было подано 27 февраля 1741 г., а уже 2 марта появился императорский указ из Московской Синодальной правления канцелярии с положительным решением вопроса⁷.

Следующее упоминание о церкви Покрова в доме Вяземских на Тверской улице относится к 1756 г., когда просительница, Мария Федоровна, уже скончалась. Несмотря на ее смерть, церковь продолжала существовать. Как же это произошло, если по указу 1722 г. домовый храм подлежал упразднению после смерти просителя? Объяснение вытекает из указа Святейшего правительствующего Синода от 5 июня 1756 г.: храм вместе со всем домом был передан племяннику Марии Федоровны князю Ивану Андреевичу, который и озаботился дальнейшим его существованием. Можно утверждать, что домовая церковь со временем стала рассматриваться как часть наследства, получаемого после смерти ее создателя. Соответственно обязательство ее упразднить уже не было таким жестким, наследники имели право просить Святейший синод о ее сохранении для себя или других своих родственников. Именно так и поступил князь Иван Андреевич. Более того, в своем прошении он обратил внимание на то, что «в доме ево церковь весьма стала ветха и за тою ветхостию священнослужение исправляется с нуждою», отчего просил перенести ее в другое помещение в своем владении. Прошение оказалось удовлетворено: домовую церковь в том же 1756 г. перенесли в другую часть дома, переосветили во имя Св. Троицы и сохранили для престарелого князя Андрея Вяземского, имевшего чин действительного камергера⁸. Храм бы упразднен лишь в 1787 г. в связи с продажей владения на Тверской улице Е.И. Козицкой (позднее этот дом будет перестроен и превратится в знаменитый Елисейевский магазин)⁹. Таким образом, налицо тенденция передачи домового храма из поколения в поколение, превращение ее в часть наследства. В этом можно увидеть и некоторое приближение к положению домового храма допетровской эпохи: она становится не храмом одного человека, а вновь превращается в семейное владение. Тем не менее контроль со стороны государственных органов власти не снижается, все изменения в домовом храме по-прежнему необходимо согласовывать со Святейшим правительствующим синодом.

В ряде случаев по вопросу существования или упразднения домово́й церкви между ее создателем и представителями духовенства мог произойти конфликт. Яркий пример – история церкви в доме князя Мещерского в приходе церкви Св. Николая Чудотворца в Столпах. После смерти князя Василия Мещерского московской митрополит Платон, в полном соответствии с законодательством, постановил его домовую церковь упразднить и забрать антиминс. При этом утварь было разрешено не отдавать в приходскую церковь, так как наследник, князь Петр Васильевич Мещерский, намеревался строить храм в одном из своих сел в Тверской губернии и просил разрешить использовать утварь из упраздняемой церкви. Соответствующий указ датируется 29 марта 1776 г.¹⁰ Однако в дальнейшем священник приходской церкви несколько раз являлся в дом Мещерских, чтобы забрать антиминс, однако каждый раз он либо не мог застать дома хозяина владения, либо его не пропускали в домовый храм. Сам князь Петр Васильевич объяснял недопущение священника тем, что имущество его покойного отца еще не до конца разделено между сыновьями, а также необходимостью посоветоваться со своей теткой – штатс-дамой графиней Марией Андреевной Румянцевой¹¹.

Однако в следующем объяснении, направленном в Московскую духовную консисторию, князь Петр Васильевич выдвинул совершенно иное объяснение, почему его домовую церковь необходимо сохранить. Он объявил, что исторически эта церковь на самом деле была приходской и называлась «Троица на пивоварнях» (хотя встречается и наименование «Троица на поварне»¹², что, скорее всего, ближе к реальности). Более того, князь в своем объяснении отметил, что именно в его доме проживала царица Наталья Кирилловна, «из которого дому и супружество свое с царем Алексеем Михайловичем возымела», в результате чего царь отдал владельцу дома, Артемону Сергеевичу Матвееву (прадеду князя Мещерского), приходскую церковь в качестве домово́й. В дальнейшем, по мнению князя Мещерского, церковь сохранялась сыном Матвеева Андреем Артемоновичем, а царь Петр I разрешил оставить в ней неподвижный антиминс и продолжить совершать богослужения, несмотря на статус домово́й. Таким образом, церковь, по мнению хозяина дома, должна быть сохранена в силу своего особого происхождения, в качестве исторического памятника¹³.

Убедительных доказательств князь Петр Васильевич представить не смог: копий с именных указов Петра I у него не обнаружилось, только список с чернового письма графа Андрея Артемоновича Матвеева к Петру I от 16 ноября 1720 г., а прочие документы

он просил поискать в Патриаршем приказе. Изображений церкви Троицы до наших дней не сохранилось, однако указание «с главой», встречающееся в источниках при ее характеристике, позволяет говорить о том, что она действительно была основана до выхода петровских указов о домовых церквях. Согласно им, как уже отмечалось, домовый храм не мог иметь никаких внешних признаков, особенно главы. Здесь же глава была, что косвенно подтверждает версию о древнем происхождении церкви. В результате, так и не получив убедительных доказательств особого значения Троицкой церкви, митрополит Московский Платон указом от 28 апреля 1777 г. все-таки позволил приходскому священнику храма Св. Николая Чудотворца в Столпах служить в ней¹⁴. Это разрешение было дано даже несмотря на то, что князья Мещерские сами не жили в доме, где была церковь. Однако в 1785 г., когда и князь Петр Васильевич, и его брат князь Сергей Васильевич скончались, вдова последнего, Александра Ивановна Мещерская, к которой перешел дом и все владение, сообщила, что домовая церковь во имя Св. Троицы пришла в ветхость, и просила в связи с этим разрешить ей церковь разобрать, а утварь и иконостас перевезти в имение Мещерских в селе Лотошино Тверской губернии в новую каменную церковь. Данное прошение было удовлетворено митрополитом Платоном¹⁵. Так церковь Св. Троицы «в поварнях» оказалась уничтожена. При этом указы о домовых церквях 1722–1725 гг. были фактически проигнорированы: храм сохранялся в течение 9 лет, несмотря на отсутствие немощных и больных представителей рода Мещерских, для которых он был бы необходим. В то же время присутствует попытка со стороны владельцев сохранить церковь в соответствии с новой мотивацией – культурно-исторической. Однако четкого законодательства об охране памятников культурного наследия в то время еще не существовало, что не позволило защитить здание Троицкого храма от разборки.

Проанализировано лишь два случая из истории бытования домовых церквей в Москве XVIII в., на практике их было гораздо больше. Однако данные сюжеты красноречиво демонстрируют, каким образом петровское законодательство о домовых церквях применялось в реальной жизни. Далекое не везде наблюдается полное следование букве закона, возможны отклонения в зависимости от воли церковного священноначалия. Одновременно прослеживается некоторое возвращение к допетровской практике; в частности, домовые храмы в ряде случаев превращаются в своего рода наследство, передаваемое из рода в род и сохраняемое потомками. Тем не менее полной свободы создания домовых церквей, характерной

для XVII в., более не было, большинство ограничений оставались в силе вплоть до 1917 г. Домовые церкви перестали быть предметом «соревнования» между именитыми фамилиями Москвы, а представители дворянства стали больше уделять внимания своим приходским храмам. В то же время полного уничтожения домовых церквей не произошло, они сохранились в новой форме и в новых условиях. Таким образом, XVIII в. следует считать временем становления домовых церквей как неотъемлемой части духовной жизни дореволюционной Москвы.

Примечания

- ¹ *Павел Алепский (архидиакон)*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2005. С. 287.
- ² ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. VI. СПб., 1830. № 3964. С. 652–653.
- ³ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 3. Д. 110. Л. 3.
- ⁴ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. VII. СПб., 1830. № 4320. С. 130.
- ⁵ *Никольский К.* Об антиминсах Православной русской церкви. СПб., 1872. С. 73.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 3. Д. 110. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸ Там же. Л. 7–11.
- ⁹ *Скворцов Н.А.* Уничтоженные церкви в местности Никитского сорока // Московские церковные ведомости. 1897. № 27. С. 361–366.
- ¹⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 126. Д. 8. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 3–4, 7.
- ¹² *Розанов Н.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 1. Кн. I. Примечания. С. 17.
- ¹³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 126. Д. 8. Л. 9–10.
- ¹⁴ *Скворцов Н.А.* Уничтоженные церкви в местности Сретенского сорока // Московские церковные ведомости. 1897. № 41. С. 544–546.
- ¹⁵ *Розанов Н.* Указ. соч. С. 101.

М.В. Артюшенко

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ
В ПЕРИОД НАСТОЯТЕЛЬСТВА
АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА (АЛЕКСАНДРОВА).
1832–1850 гг.

В статье анализируется повседневная жизнь московского Донского монастыря в 1830–1840-е гг. Рассмотрены вопросы иерархического, социального и образовательного состава насельников. Анализируется монастырское богослужение, церковное пение и братская трапеза. Особенное внимание уделяется роли архимандрита Феофана (Александрова) в руководстве Донским монастырем.

Ключевые слова: Донской монастырь, архимандрит Феофан, церковное пение, Донское духовное училище, братия, послушания, трапеза.

История Русской Православной Церкви, в частности история монастырей, в последние десятилетия неоднократно привлекала внимание исследователей. Предметом изучения были их роль в общественной жизни, экономическое положение, правовой статус, их культурные, литургические и исторические традиции. Однако один из самых известных в XIX в. монастырей – московский первоклассный ставропигиальный Донской монастырь – до сих пор остается недостаточно изученным. Дореволюционных авторов он интересовал прежде всего как историко-архитектурный памятник¹. В историческом описании Донского монастыря И.Е. Забелина² довольно подробно излагается история монастыря в XVII в., тогда как XVIII–XIX вв. рассматриваются лишь обзорно. В XX в. документы архива Донского монастыря использовались лишь частично при изучении крепостной промысловой деревни, положения монастырских крестьян во второй половине XVII в.³ Ряд работ посвящен архитектуре и некрополю Донского монастыря⁴. Между тем совершенно неисследованной осталась повседне-

ная монастырская жизнь: сословный, образовательный, возрастной состав насельников, монастырский устав, послушания, распорядок дня, трапеза, богослужение, особенности управления, взаимоотношения между монахами.

В Центральном историческом архиве г. Москвы сосредоточена основная часть архива Донского монастыря⁵. Документы, относящиеся к XIX – началу XX в., дают довольно полное представление о повседневной жизни обители. Это послужные и исповедные ведомости монашествующих и послушников, дела об увольнении, отпусках, книги записей прихода и расхода денежных сумм, рапорты настоятелей в Московскую Святейшего синода контору, входящие указы из Синодальной Конторы, описи имущества умерших монахов, прошения монахов и донесения наместника, ризничего и казначея настоятелю, расписания богослужений, дела о принятии в монастырь и переводе из него, книги записи ежедневного меню братской трапезы, дела о смерти монахов и описи оставшегося после них имущества и др. Одним из самых интересных периодов в истории Донского монастыря является настоятельство архимандрита Феофана (Александрова) – известного проповедника, церковного композитора, благочинного ставропигиальных монастырей. Архимандрит Феофан управлял Донской обителью с 1832 по 1850 г. Для внутренней жизни монастыря это был один из самых благополучных периодов, когда монастырь был внешне и внутренне благоустроен и часто посещаем москвичами и приезжавшими паломниками.

Архимандрит Феофан (в миру Феодор Александров) родился в 1785 г. в семье сельского дьячка Московской епархии. Учился вместе с Василием Дроздовым, будущим Филаретом, митрополитом Московским, сначала в Троице-Сергиевой духовной семинарии. По окончании учебы (1807) преподавал в Троице-Сергиевой семинарии, а затем в Александро-Невском духовном училище в Санкт-Петербурге. После принятия пострига (1812) и возведения в сан архимандрита (1813) последовательно назначался настоятелем нескольких монастырей. С июля 1817 г. – ректор Казанской духовной академии, с 1819 г. – профессор богословия Казанского университета. В Донской монастырь архимандрит Феофан был переведен 14 ноября 1832 г. Вскоре по представлению митрополита Филарета он был назначен членом Московской Синодальной конторы и благочинным ставропигиальных монастырей. Он управлял Донским монастырем на протяжении 18 лет. 6 июля 1850 г. он был удален на покой в Нежинский монастырь Черниговской епархии, а в конце того же года переведен в Ка-

лязинский Макариево-Троицкий монастырь, где и скончался 23 октября 1852 г.

Как свидетельствуют послужные списки, сохранившиеся за 1834 г., при архимандрите Феофане монастырское братство состояло из 31 человека: настоятель, 1 игумен, 12 иеромонахов (3 больничных), 5 иеродиаконов, 4 монаха (2 больничных), 8 послушников (3 рясофорных). Братия в основном была старше среднего возраста. Старшим среди братии был иеромонах Ириней (81 год), «из выходцев молдавских», постриженник Волтовского Тизлинского монастыря, переведенный в Донской монастырь в 1810 г., переживший в войну 1812 г. пытки и издевательства со стороны французов, расположившихся в монастыре на постой. Он нес наравне со всеми чреду священнослужения и клиросное послушание. Самыми молодыми послушниками были братья Федор и Алексей Афанасьевы, 18 и 16 лет, дети московского дьячка Афанасия Михайлова, с довольно похожей судьбой: оба в отроческом возрасте поступили в Синодальный певческий хор, откуда были уволены «за спадением голоса»⁶. В Донском монастыре они исполняли клиросное и другие послушания.

Послужные списки раскрывают также социальный состав насельников. Больше половины братии происходили из духовного сословия. В основном постригались вдовые диаконы и священники. Интересно, что все они, в разное время поступив в монастырь, прежде служили во Владимирской епархии. На втором месте были мещане Московской епархии (4 человека). 2 человека происходило из крестьян, 1 купеческий сын, 1 отставной военный. В послужных списках ряда насельников указывалось не сословие, а только прежняя должность, например «отставной губернский регистратор», «сын синодального типографщика», «отставной канцелярист». Скорее всего их следует отнести к мещанам. В послужных списках также указывалось, закончил ли насельник духовное учебное заведение. Видимо, все выходцы из духовного сословия (17 человек) были грамотны. 9 человек обучались в духовных учебных заведениях, хотя лишь трое из них окончили курс наук. Рясофорный послушник Иван Козмин получил образование в Славяно-греко-латинской академии. Образование монашествующих из мещан вовсе не указывалось. Возможно, светское образование не фиксировалось в послужных списках братии.

Как следует из перечневой ведомости монашествующих, послушания распределялись следующим образом: «1 настоятель архимандрит, 1 наместник архимандрит, 1 казначей иеромонах, 8 иеромонахов, 4 иеродиакона, 2 пономаря, просфоряк 1, ключ-

ник, он же и хлебодар 1, чашник 1, монахов служебных и прочих рядовых 8, больничных 5»⁷. Послушание наместника было вторым после настоятеля. Наместник контролировал исполнение распоряжений настоятеля, списывался с ним по всем важным вопросам жизни обители, в отсутствие настоятеля он выполнял его обязанности. Наместник Донского монастыря иеромонах Владимир происходил из духовного сословия, окончил Владимирскую духовную семинарию, был диаконом во Владимирской епархии. Овдовев, он поступил в 1814 г. в Донской монастырь. В 1834 г. ему был 51 год. Он регулярно совершал богослужения и пел на клиросе. Монастырский духовник исповедовал братию. В 1834 г. монахи единодушно избрали духовником обители игумена Мартиниана, 62 лет. Он поступил в Донской монастырь в 1803 г. также из вдовых диаконов Владимирской епархии. Однако монахи могли исповедоваться у любого иеромонаха обители. Некоторые члены монастырского братства имели духовников в других монастырях Москвы. Например, в архиве сохранилось «свидетельство» об исповеди, данное в Успенский пост 1850 г. иеромонаху Мелетию от его духовного отца иеромонаха Знаменского монастыря Иоанникия⁸. Послушание ризничего было связано с наблюдением за порядком в монастырской ризнице, что включало в себя уход за облачениями, богослужебной утварью, обеспечение ее сохранности. В Донском монастыре была одна из богатейших монастырских ризниц, поэтому послушание ризничего было очень ответственным. Его нес иеромонах Смарагд (45 лет в 1834 г.). Он происходил из мещан г. Карачева Орловской губернии, духовного образования не имел. Также нес череду священнослужения и пел на клиросе. В послужном списке архимандрит Феофан охарактеризовал его так: «Поведения и духа истинно монашеского, к должности довольно усерден и впредь надежен»⁹. Казначей занимался ведением монастырского бюджета, учетом доходов и расходов. Казначей иеромонах Илиодор, 49 лет, происходил из вдовых диаконов, окончил Спасо-Вифанскую семинарию. В 1832 г. по болезни был устранен от должности казначея, после чего стал нести послушание уставщика и петь в храме.

В послужных списках указывалось, что все иеромонахи совершают службы и поют на клиросе, а иеродиаконья еще и читают в церкви. Богослужение в Донском монастыре, как и полагается в любой обители, было ежедневным. Мы не можем сказать, во сколько ежедневно вставала братия, но в 4 часа утра уже служилась утренняя¹⁰, а в 6 утра – ранняя Божественная литургия. Особенностью было служение утрени утром, а не вечером, как сейчас повсеместно принято. Каждый день совершались три Божественные литургии:

в Малом соборе в честь Донской иконы (в 6 ч утра), в храме Архангела Михаила (в 8 ч утра) и в Большом соборе (в 10 ч). В прочих церквах служили только в храмовые праздники¹¹. Для сравнения: в Даниловом монастыре в это время совершались ежедневно две литургии¹². Помимо литургий в течение дня постоянно служились панихиды: ведь на территории Донского монастыря располагалось действующее кладбище, и родственники умерших ежедневно заказывали по ним заупокойные службы. Вкладчики и жертвователи часто заказывали молебны, иногда с участием нескольких иеромонахов и настоятеля (соборные молебны). Поэтому иеромонахи занимались в основном совершением богослужений. Простые монахи и послушники несли также «другие послушания»: послушники продавали свечи во время богослужений, трапезные монахи накрывали на стол. Просфорное послушание было особенно тяжелым, требовало физических усилий. Для совершения литургии в месяц шло 450 богослужебных просфор. Каждые два дня в монастыре выпекалось от 100 до 200 просфор¹³, что в месяц составляло 1500–3000 просфор (столь значительное число требовалось в связи с большим количеством церковных служб). Кроме того, в монастыре ежедневно читалась неусыпаемая псалтирь. Так, в 1848 г. братья читала псалтирь по часу или больше, например, Иван Петров читал псалтирь с 5 до 6 часов пополудни, с 13-й по 20 кафизму, а Петр Прохоров читал два часа: с 4 до 6 часов «без свечей»¹⁴. «Монах Иосиф читал псалтирь с начала канона до конца всенощной»¹⁵.

Молящихся привлекал в Донской монастырь особый чин служения архимандрита, близкий к архиерейскому¹⁶; ежегодный крестный ход 19 августа с Донской иконой из Благовещенского собора московского Кремля в Донской монастырь, двухдневное празднование (19 и 20 августа) Донской иконе Божией Матери. Обитель особенно славилась своей благолепной службой и прекрасным хором. Архимандрит Феофан был известным церковным композитором¹⁷. Он занимался переложением древних напевов на четыре голоса, а также сам сочинял церковные песнопения. По свидетельству С. Доброумова, четырехголосное пение впервые появилось в Москве именно в Донском монастыре при архимандрите Феофане: «Здесь все богослужение отправлялось при участии хора, тщательно и стройно певшего на 4 голоса, и при этом, большею частью, воспроизводившего церковные напевы, – чего еще не было в других церквах столицы»¹⁸. Монастырские богослужения, за которыми исполнялись произведения преимущественно самого архимандрита Феофана, привлекали внимание москвичей: «В праздничные дни, в дни Великого Поста,

особенно первой и последней седмицы, в Донской монастырь собиралась вся аристократия Москвы»¹⁹. А.В. Смирнов, беседовавший в начале XX в. с монахами Донского монастыря, писал, что они сетовали на архимандрита Феофана за то, что он тратил слишком много средств на певчих, считая, что это серьезно подорвало финансовое положение обители²⁰. Однако приходно-расходные книги Донского монастыря периода настоятельства архимандрита Феофана, не подтверждают этих слов монахов²¹. Он не тратил монастырские средства на певчих, и если доплачивал им, то за счет своих личных, а не монастырских средств.

Смирнов отмечает, что «не одним только пением Феофан привлекал в свой монастырь москвичей: многие являлись сюда, чтобы слушать его проповеди, которые за их простоту ценились не ниже проповедей митрополита Филарета»²². После него осталось четыре тома поучений²³. Заботился он и о комфорте молящихся во время совершения богослужений. До 1842 г. Большой собор был холодным²⁴. Под надзором архитектора А. Тона в нем были устроены три духовые печи. Таким образом, храм стал отапливаться по самому современному для того времени способу, а для большего удобства посетителей пол в соборе был покрыт коврами. К сожалению, при устройстве печей была закрашена живопись в нижнем ряду стен, а также сняты устроенные еще при Петре I резные иконостасы, располагавшиеся вокруг столбов. По благословению настоятеля галерея Большого собора была расписана сюжетами из евангельской истории²⁵.

Архивные источники позволяют также осветить отношения архимандрита Феофана с братией и его методы управления монастырем. Он советовался со «старшей братией» по всем важным вопросам жизни обители. При нем продолжается традиция избрания «старейшей братией» кандидатов на ответственные послушания – ризничего, казначея, кружечного²⁶. В 1839 г. к «старейшей братии» относились: наместник иеромонах Рафаил, казначей иеромонах Павел, иеромонах Владимир, духовник игумен Мартиниан, иеромонах Смарагд, иеромонах Никанор, иеромонах Иннокентий, иеромонах Феодот, иеромонах Пафнутий, ризничий иеродиакон Вонифатий. По случаю болезни кружечного иеромонаха Иринея старейшая братия избрала на эту должность иеромонаха Порфирия, предварительно заручившись его согласием. Он согласился, но при условии, чтобы по окончании поздней литургии чередные иеромонах, иеродиакон и послушник были готовы служить панихиды и молебны, а также и в течение всего дня, «особенно к отправлению соборных с настоятелем или с кем-либо панихид»²⁷. Скорее

всего, иеромонах Порфирий поставил такое условие, потому что некоторые монахи уклонялись от служения молебнов и панихид, несмотря даже на то, что за их совершение заказчики часто платили лично братии. (Интересно, что в начале XX в. не надо было никого уговаривать или заставлять служить молебны и панихиды: едва заканчивалась литургия, как 2–3 иеромонаха уже стояли в облачениях, готовые к служению треб.) Архимандрит Феофан утвердил предложение иеромонаха Порфирия, предписав для лучшего порядка сделать расписание, в какой очередности иеромонахи и иеродиаконы будут служить панихиды и молебны²⁸. В течение 10 лет иеромонах Порфирий исполнял должность кружечного, а в 1850 г. попросил увольнения, жалуясь на болезненное состояние. Последовала следующая резолюция настоятеля: «Почтенного старца отца Порфирия уволить от должности кружечного с моею непременною признательностию за его труды и попечение в сборе братских доходов в продолжение десяти лет»²⁹. После смерти духовника игумена Мартиниана в 1840 г. по благословению архимандрита Феофана братия «с общего согласия» избрали духовником иеромонаха Феодота. Настоятель приказал объявить ему об этом в трапезе, «чтобы он мог приступить к исполнению христианских обязанностей исповедовать братию и послушников»³⁰. В выборах духовника участвовали все иеромонахи и иеродиаконы. На должность трапезного в январе 1848 г. избрали иеродиакона Поликарпа, «способного к понесению оного послушания»³¹. Его избирали только наместник со «старшей братией».

Архивные документы фиксируют немало сведений о болезнях насельников Донской обители. И поэтому монахи часто отказывались даже от ответственных и почетных послушаний, не чувствуя в себе сил понести оные. (Не в пример братии начала XX в., соперничающей друг с другом в занятии административных должностей.) Так, в 1848 г. иеромонах Никодим отказывался от должности казначея «по слабости в памяти»: «Не смея противиться воле вашего Высокопреподобия, хотя и принял оную, однако испытав в продолжение месяца, к дальнейшему исполнению таковой нахожу себя неспособным»³². Иеромонах Аркадий «по нервическим болезням»³³ отказался от должности ризничего. Ему был дан в помощники иеродиакон Игнатий, проявивший «в исполнении сего послушания довольно усердия, расторопности и успеха»³⁴. Архимандриту Феофану так это понравилось, что он решил сделать должность помощника ризничего постоянной, что давно и часто представлялось ему нужным: «По обширности в сем монастыре богослужения, ибо ежедневно совершается три литургии, и часто бывают соборные

служения, я особенно считаю нужным имеющему быть постоянно-му осмотру ризницы»³⁵.

Надо сказать, что архимандрит Феофан брал в монастырь всех желающих, в том числе людей со слабым здоровьем и даже очень больных, которые прямо ему говорили об этом при принятии в монастырь. Настоятель по доброте душевной не мог никому отказать. Рассмотрим в качестве примера принятие в Донской монастырь в 1840 г. иеромонаха Авраамия из Костромского кафедрального первоклассного Троицкого Ипатьева монастыря. В тот момент в обители не хватало трех иеромонахов из положенных по штатам десяти. Иеромонахам приходилось чередоваться в служении чаще обыкновенного в связи со смертью духовника обители игумена Мартиниана и переводом двух иеромонахов на больничный оклад. Можно подумать, что, принимая иеромонаха Авраамия, архимандрит Феофан руководствовался прагматическим интересом (а ведь именно так он писал в отношении в Московскую Синодальную контору), но нет! Из прошения иеромонаха Авраамия о принятии его в монастырь мы узнаем, что тот был тяжело болен и желал поступить в Донской монастырь, «имея нужду во врачебном пособии, коим весьма удобно могу воспользоваться во вверенном Вашему управлению монастыре – от прилежащих ко оному Больничных заведений»³⁶. Помимо этого, иеромонах Авраамий писал в прошении, (что видно и по почерку) что он уже преклонных лет и «чувствовал ослабление в силах телесных»³⁷. Пытаясь убедить Синодальную контору принять иеромонаха Авраамия, архимандрит Феофан добавлял: «проситель известен мне по своим хорошим качествам»³⁸. Также архимандрит Феофан принимал в монастырь синодальных певчих, уволенных из синодального хора в связи с потерей голоса. Принял в 1850 г. и иеродиакона Черниговской епархии Виктора, который по причине холодной зимней погоды не мог продолжать далее свое паломничество в Ростов³⁹. По болезни монахи иногда отправлялась в паломничество, на лечение минеральными водами на Кавказ⁴⁰.

Архимандрит Феофан прививал братии любовь к людям, приучал их к молитве за всех просящих помощи. В ответ на просьбу протоиерея Федора Александровича Голубинского⁴¹ помолиться за новопреставленную Анну, архимандрит Феофан 7 апреля 1841 г. написал ему, что не постеснялся просить помолиться братию, и «они начали поминать рабу Божию Анну попросту, по своему обычаю, или, лучше сказать, по чиноположению Церкви: с местным изменением или прибавлением: так например: в Донском монастыре с давних времен введено – поминать усопших и на

преждеосвященной литургии после сугубой эктении». «Некоторые из братии лично видали Вас, – писал архимандрит Феофан протоиерею Федору, – другие по одному слуху, из уважения к полезному Вашему для святой Церкви служению, приняли на себя такой достохвальный труд, по чистому усердию, без всяких видов на какое-нибудь вознаграждение. Какой скромный ответ на поговорки мира, что наши обители наполняются тунеядцами и алтынниками! Но может быть, в числе чистых, благородных и бескорыстных душ нашлись бы и ропотники: то Бог послал доброго человека, который узнавши о сем деле, внес сумму, потребную для поминовения, да с радостью сие творят вси, а не въздыхающе. Впрочем, добрых братия не лишаются мзды своей у Бога, ибо они приняли приношение из послушания»⁴².

Сохранились документы, позволяющие реконструировать стол монахов и затраты на него: ведомости и книги записи расхода денежных сумм на трапезу, ежедневное меню, дела о закупке провизии и др. Меню братской трапезы составлялось в соответствии с уставом Русской Православной Церкви. Помимо соблюдения всех постов и постных дней (среда и пятница), в Донском монастыре, в соответствии с монастырским уставом, пост держался также в понедельник. Братская трапеза в изучаемый период значительно более разнообразна и изысканна, чем в предыдущем столетии. В XVIII в. практически каждый день подавался борщ (со сметками или без), гречневая каша (с маслом или без масла), соленые огурцы, горох. В XIX в. появляются разнообразные первые блюда (свекольник, ботвинья, перловый суп, похлебка с грибами, суп гречневый, суп белого пшена, уха). Борщ заменяется щами, которые подаются ежедневно помимо супа. На трапезе подается жареная рыба, жареный картофель, гречневая каша, белая каша, протертый картофель, протертый горох. Братия принимала пищу два раза в день. На ужин доедали то, что осталось от обеда: щи, суп и кашу⁴³. Существовали четыре схемы меню: 1) для двунадесятых, храмовых праздников и высокоторжественных дней; 2) для воскресных и торжественных дней; 3) для «обыкновенных простых дней»⁴⁴; 4) для Великого Поста и других постов. В двунадесятые, храмовые и высокоторжественные дни на обед подавались: 1) «холодная ботвинья с огурцами и белужиною, а ежели бывает в мясоятие, то полагается часть сметаны»; 2) щи из белой капусты с приправою, с белужиною и сметаною; 3) уха и жаркое из свежей рыбы (как вариант: «к жаркому подаются огурцы, иногда вместо жаркого молочная лапша»); 4) булки, пиво и по рюмке настойки. В воскресные и торжественные дни: 1) холодное из той же свеклы с огурцами и рыбой; 2) щи из белой капусты с

приправой и белужиной (вариант: со сметками); 3) похлебка из перловых круп с рыбой или лапша молочная, а иногда кашлица с рыбой; 4) Жаркое картофель, или творожник; а иногда из картофеля драчена, попеременно. В простые дни подавалось: 1) щи из белой капусты со сметками, в скоромные дни, кроме понедельника, приправляются коровьим маслом; 2) похлебка приправляется коровьим маслом, со сметками, или кашлица со сметками же; 3) каша гречневая. В Великий Пост подавался винегрет или «картофель с квасом с огурцами и с луком попеременно, иногда вместо холодного кашлица или похлебка»⁴⁵, а также кашлица с грибами, лапша или горох, попеременно; жаркое картофель, или каша крутая, пшенная или гречневая. Если в монастыре устраивались заупокойные обеды, то на пожертвованную сумму покупалось лиссабонское вино и белужина.

Стоит отметить, что меню в Донском монастыре было более разнообразным, чем в других московских монастырях, но при этом более скромным и соответствующим уставу. Архимандрит Феофан часто посещал московские ставропигиальные монастыри по занимаемой им должности благочинного. При посещении Симонова монастыря 30 ноября 1839 г. он заметил нарушение устава: в этот день разрешалось употребление только растительного масла, между тем в Симонове монастыре на трапезе предложены были два кушанья из рыбы, помимо щей со сметками. Для Донского монастыря такое нарушение устава было просто немыслимым. В Симоновом монастыре расходы на покупку вина (хлебного) и пива за год составляли 715 руб. 40 коп., а рыбы – 1570 руб. 98 коп. Между тем в Донском монастыре пива и вина в год покупалось всего на 38 руб., а рыбы – на 345 руб.⁴⁶ При архимандрите Феофане употребление спиртных напитков на трапезе было сведено к минимуму. Но в праздники Пасхи и Рождества Христова он лично давал по бутылке мадеры на братию⁴⁷. В Донском монастыре ежедневно братской трапезой пользовались 52 человека, включая кучеров, поваров, певчих⁴⁸. Для сравнения: в Новоспасском монастыре ежедневно питались 33 человека, в Симонове – 49. Хлебного вина в Новоспасском монастыре покупали 1–2 ведра в месяц, в Симонове – 2–4 ведра⁴⁹, а в Донском монастыре – всего полведра, а в отдельные месяцы – только по 1 бутылке белого вина⁵⁰. С 11 октября 1839 г. братская трапеза Донского монастыря стала еще более скромной. С согласия монашествующих по причине дороговизны продуктов было решено убрать из рациона булки, пиво, вино и рыбу вовсе и подавать как в праздники, так и в простые дни всего три блюда: щи из белой капусты с приправой, картофельную похлебку или кашлицу и крутую кашу⁵¹.

Надо сказать, что личное благосостояние братии существенно увеличилось по сравнению с XVIII в. Об этом позволяют судить «дела о смерти» монахов, описи имущества, оставшегося после усопших. Так в «описи имущества, оставшегося после смерти умершего иеромонаха Иринаея» (1839) содержится перечень его вещей. Подрысников осталось 6 штук, из разных тканей, с подкладками, на меху. У умершего была своя личная мебель (2 комода, 3 столика, 2 кресла, 2 стула, кровать, кожаная софа), посуда (25 тарелок, 2 графина, 6 рюмок, 2 стакана, 6 чайных чашек, 2 подноса, 6 ложек), предметы роскоши (пуховая шляпа, 5 пар замшевых перчаток, кожаные сапоги, часы, перина с подушками) и другие вещи⁵². Имуществом умерших монахов распоряжались следующим образом: мебель чаще всего оставляли для кельи, а личные вещи продавали с аукциона братии. Вырученные деньги шли на погребение усопшего. Архимандрит Феофан всегда лично отпевал братию. Большую часть вещей иеромонаха Иринаея купили монастырские послушники, что также говорит об их материальном благополучии.

При этом, как писали настоятелю в «покорнейшем рапорте» наместник иеромонах Владимир со старшей братией, братия жила достаточно тесно в кельях, монастырские постройки были маловместительны. Дело в том, что в 1834 г. правление Московской духовной семинарии обратилось к архимандриту Феофану с просьбой уступить здание, в котором находился Цензурный комитет, для помещения в нем уездного и приходского училища. Настоятель запросил мнение братии, которая, собравшись, приняла следующее решение: «Хотя корпус и мог бы быть нужен для помещения братской трапезы по весьма ограниченному пространству занимаемой ныне трапезою комнаты, или для размещения братии по недостаточному количеству комнат: впрочем, предпочитая своим выгодам общее благо Церкви, и, по возможности, желая споспешествовать Духовному и Училищному начальству в просвещении юношества на служение Ей воспитываемого, мы согласны уступить сей корпус для помещения духовных училищ с тем, однако же, чтобы для сохранения настоящей чистоты и опрятности обители, и для спокойствия монашествующих вход в оное училище был сделан особый»⁵³. Таким образом, монахи Донской обители на первое место ставили служение Богу и ревновали об исполнении монашеских обетов, стремились устранить все возможные препятствия для прохождения монашеской жизни. Как мы видим, братия полностью поддерживала дух своего настоятеля, его доброту и готовность к самопожертвованию (сам архимандрит Феофан неоднократно удостоивался благословений Святейшего синода за благотворительность⁵⁴).

Однако позднее, в 1870-е гг., братия более скептически относилась к существованию духовного училища на территории монастыря, чем в 1830-е. В 1875 г. монахи Донского монастыря доносили в Синодальную контору: «Открыто училище это в здании Донского монастыря без всякого возмездия со стороны училищного ведомства за занятый училищем монастырский дом бывшим настоятелем сего монастыря архимандритом Феофаном – как любителем церковного пения – для того именно, чтобы обучающиеся в сем училище ученики, способные по своим детским голосам к восполнению монастырского хора, участвовали в церковном пении, хотя в праздничные и воскресные дни; училище удовлетворяло таковым нуждам монастыря не более двух годов, и потом на деле оказалось, что архимандрит Феофан, утеснив до крайности братию Донского монастыря, принужден был остаться при своем всесовершенно сокрушенном сердце и только, ибо на деле оказалось, что он монастырский дом отдал ни за что ни про что, потому что ученики перестали своими нежными голосами восполнять монастырский хор»⁵⁵. Стоит обратить внимание на следующее. В 1875 г. монахи Донского монастыря рассматривали передачу монастырского здания чисто с точки зрения выгоды, ибо считали, что здание было отдано училищу в обмен на обязательство давать мальчиков для пения в монастырском хоре. Между тем это нигде не прослеживается в переписке архимандрита Феофана с училищным начальством в 1830-е гг. К тому же настоятель и братия отдавали здание, желая помочь получению духовного образования будущими священнослужителями, а не ради выгоды. А среди 52 человек, пользовавшихся в 1839 г. братской трапезой, записаны 6 учеников училища, «находящихся при клиросном партесном пении»⁵⁶. Следовательно, училище предоставляло учеников для пения не менее 5 лет (1834–1839).

В 1832–1850 гг. архимандрит Феофан был безусловным духовным лидером Донской обители. Он был одним из редких настоятелей, которые соединяли в себе не только административную власть, но и духовный авторитет. Признавая это, братия жила в мире, любви и единомыслии. Он направлял дух братии к угождению Богу и ближнему, к молитве за страждущих и благотворящих. Все распоряжения архимандрита Феофана, его деятельность по управлению монастырем были направлены на создание условий для молитвы, для благолепного совершения богослужений. Богослужение было центром внутренней жизни монастыря. На этой внутренней гармонии, согласии между настоятелем и братией основывалось и внешнее благоустройство монастыря.

Настоятельство его ближайших преемников было довольно недолгим (1–2 года), что не оказывало благотворного влияния на внутреннюю жизнь обители. После смерти архимандрита Симеона (1852) началась почти непрерывная череда управления Донским монастырем архиереями, находящимися на покое. Надо сказать, что практика назначения настоятелями монастырей епархиальных архиереев в качестве наказаний или на основании их прошений об увольнении на покой широко применялась Святейшим синодом во второй половине XIX в. При этом «русский епископат в синодальный период в основном выходил из ученого монашества, а ученые монахи почти никогда не жили в монастырях и в монастырских делах разбирались плохо; такой епископ склонен был смотреть на вверенную ему обитель как на свою вотчину, “архиерейское достоинство”, которое часто понималось весьма странно, мешало ему исполнять обязанности настоятеля в соответствии с требованиями монастырского Устава»⁵⁷. Во внутренней жизни обители стали происходить различные нестроения, ссоры, противостояние настоятелей и братии. Некоторые монахи стали соперничать в занятии административных послушаний. Пример архимандрита Феофана показывает, что настоятель должен быть не только администратором, но и человеком, направляющим духовную жизнь монахов. Практика назначения архиереев настоятелями монастырей не всегда полезна для внутренней монастырской жизни.

Примечания

- ¹ *Горчаков Н.* Описание Донского монастыря в Москве. Б. м., б. г.; *Любецкий С.* Живописные виды московских монастырей с историческим их описанием. М., 1846; *Дмитриев Н.В.* Донской монастырь. М., 1857; *И.К.* Донской монастырь в Москве. М., 1901.
- ² *Забелин И.Е.* Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893.
- ³ *Чекунова А.Е.* Владения Донского монастыря в конце 17 века // Вопросы истории хозяйства и населения России 17 века М., 1974; *Она же.* Урожайность зерновых культур в монастырском хозяйстве первой половины XVIII века (по фондам Донского монастыря) // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. Ч. 1.; *Она же.* Документы о хозяйственном положении Донского монастыря в конце XVII – начале XVIII века // Советские архивы. 1984. № 1; *Прохоров М.Ф., Чекунова А.Е.* Вотчинное хозяйство Донского монастыря в XVII–XVIII веках // Монастыри в жизни России. Калуга; Боровск, 1997.

- 4 *Репорт П.А.* Зодчий Бориса Годунова // Культура Древней Руси. М., 1966; *Гренберг Ю.И.* Надвратная колокольня Донского монастыря в Москве // Памятники культуры. Исследование и реставрация. 1963. Вып. 4.; *Косточкин В.В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964; *Артамонов М.Д.* Кладбище Донского монастыря // Памятники Отечества. 1986. № 1 (13).
- 5 ЦИАМ. Ф. 421.
- 6 Там же. Д. 5476. Л. 25.
- 7 Там же. Л. 27об.–28.
- 8 Там же. Д. 5706. Л. 12.
- 9 Там же. Д. 5476. Л. 2.
- 10 Там же. Д. 6713. Л. 3об.
- 11 *Доброумов С.* Донской монастырь в Москве. М., 1913. С. 5.
- 12 ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5663. Л. 34.
- 13 Там же. Д. 5731. Л. 1–1об.
- 14 Там же. Д. 5675. Л. 2–3.
- 15 Там же. Л. 3.
- 16 Особый чин служения донских архимандритов с осенением трехплетенной свечой и правом ношения панагии был дарован в 1715 г. Стефаном (Яворским), митрополитом Рязанским и Муромским, а затем подтвержден Анной Иоанновной в 1731 г. (Там же. Д. 1488. Л. 29).
- 17 *Смирнов А.В.* Архимандрит Феофан, церковный композитор. Казань, 1909. С. 4.
- 18 *Доброумов С.* Указ. соч. С. 10.
- 19 Там же. С. 9–10.
- 20 *Смирнов А.В.* Указ. соч. С. 26.
- 21 ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5473, 5484.
- 22 *Смирнов А.В.* Указ. соч. С. 25.
- 23 *Доброумов С.* Донской монастырь в Москве. М., б. г. С. 8.
- 24 *Дмитриев Н.В.* Указ. соч. С. 14.
- 25 ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7762. Л. 28; Д. 5493. Л. 1–4.
- 26 Там же. Д. 5539. Л. 1–2.
- 27 Там же. Л. 1–1об.
- 28 Там же. Л. 2.
- 29 Там же. Л. 2об.
- 30 Там же. Д. 5563. Л. 19.
- 31 Там же. Д. 5675. Л. 23.
- 32 Там же. Л. 33.
- 33 Там же. Л. 16.
- 34 Там же. Л. 20.
- 35 Там же. Л. 22.
- 36 Там же. Д. 5563. Л. 3.
- 37 Там же.

- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Д. 5706. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же. Д. 5663. Л. 8, 65, 68, 73.
- ⁴¹ Голубинский Федор Александрович (1797–1854), протоиерей, профессор философии в Московской духовной академии, член Московского Комитета духовной цензуры.
- ⁴² НИОР РГБ. Ф. 76/II
- ⁴³ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5550. Л. 29, 32, 35.
- ⁴⁴ Там же. Д. 5566. Л. 19.
- ⁴⁵ Там же. Л. 19–19об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 7–8об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 19.
- ⁴⁸ Там же. Л. 10–11.
- ⁴⁹ Там же. Л. 3.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7–7об., 14–15.
- ⁵¹ Там же. Л. 9–9об.
- ⁵² Там же. Д. 5539. Л. 11–12.
- ⁵³ Там же. Д. 5475. Л. 2.
- ⁵⁴ В 1834 г. – за пожертвование в Полоцкую епархию церковной утвари и ризничных вещей, в 1840 – за пожертвование в пользу Казанского Спасо-Преображенского монастыря на церковные потребности двух билетов Сохранной казны в 1 тыс. руб., в 1842 – за пожертвование в пользу воспитанников Владимирской семинарии 10 экземпляров его сочинения проповедей (Там же. Д. 5653. Л. 1об. – 6).
- ⁵⁵ Там же. Д. 6358. Л. 7.
- ⁵⁶ Там же. Д. 5566. Л. 11.
- ⁵⁷ Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С. 289–290.

К.А. Смирнова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКОВСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ
СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ в 1906–1918 гг.
(по годовым «отчетам общины»
и материалам Центрального исторического
архива Москвы, Центрального государственного
архива Московской области)

Статья посвящена некоторым проблемам повседневной бытовой и хозяйственной жизни московской Преображенской старообрядческой общины в период ее расцвета (1906–1918 гг.), когда старообрядцы России получили религиозные свободы. Комплексно рассматривается само ядро общины старообрядцев-федосеевцев в стенах Богаделенного дома, а также уделяется особое внимание возникновению и деятельности ее важнейших социальных учреждений: училища, богадельни, типографии и больницы за пределами территории общины. Затрагивается вопрос персоналий общины, в том числе тех благодетелей, благодаря которым эти учреждения появились. Наконец, одним из предметов внимания является изучение сохранившихся до наших дней и утраченных построек общины.

Ключевые слова: повседневность, старообрядчество, село Преображенское, Богаделенный дом, училище, типография, больница.

Изучение истории повседневности сегодня очень актуально и представляется одной из интереснейших научных проблем. Повседневная жизнь является частью региональной истории, микроистории, которая как раз и имеет дело с бытовой, хозяйственной деятельностью, так называемыми мелочами повседневной жизни. Под повседневной жизнью сегодня принято понимать жизненный мир, уклад, взаимоотношения, обстоятельства частной жизни, быт в широком смысле слова.

В данной статье речь пойдет о некоторых аспектах повседневной жизни московской Преображенской старообрядческой общины в

период ее расцвета. Историография по этой теме немногочисленна, а вот источниковая база, наоборот, достаточно обширна. Основная масса интересующих нас неопубликованных источников хранится в архивных фондах Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО). Это в основном описи церковного и хозяйственного имущества общины, списки членов общины, ежегодные отчеты о деятельности Богаделенного дома, устав Богаделенного дома, протоколы собрания прихожан и другие документы, дающие интересные сведения о повседневной жизни, персональном составе, численности общины, ее деятельности и владениях. Опубликованные источники представлены, в первую очередь, уставом христианского старообрядческого Преображенского богаделенного дома¹ и ежегодными «Отчетами общины»² начала XX в., которые с точки зрения изучения повседневности для нас исключительно интересны. Комплекс опубликованных В.Ф. Козловым документов из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)³ помогает не только восстановить историю храмов общины начала 1920-х годов, но и осветить некоторые аспекты повседневной жизни старообрядцев-федосеевцев.

Еще со второй половины XVIII в. село Преображенское стало общероссийским центром старообрядцев-беспоповцев; с этого времени и вплоть до 1920-х гг. эта территория была непосредственно связана с деятельностью московских старообрядцев. Один из интереснейших периодов в жизни Преображенской общины приходится на первую треть XX в.

Вскоре после дарования свобод старообрядцам России и разрешения им образовывать общины 16 ноября 1906 г. на общем собрании федосеевцы заявили о создании своей общины. Спустя год, в 1907 г., община была зарегистрирована под наименованием «Московская община христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия». 8 апреля состоялось первое общее собрание членов общины. Из копии протокола известно, что вновь возникшая община вместо бывшего прихода при Преображенском богаделенном доме была зарегистрирована 4 апреля 1907 г. Московским губернским правлением. Собрание постановило, что число членов совета должно составлять 10 человек (1 настоятель и 9 светских лиц), кандидатов в совет – 5 человек, а членов ревизионной комиссии – 3 человека⁴.

Председателем совета общины вплоть до 1917 г. был почетный потомственный гражданин мануфактур-советник Григорий Кле-

ментьевич Горбунов. Г.К. Горбунов – видный старообрядец, владелец ситцевых фабрик. Значительную часть доходов от мануфактурного производства он тратил на поддержку Преображенской старообрядческой общины. Умер Г.К. Горбунов вскоре после национализации всех его фабрик и домовладений в 1920 г. на 84 году жизни в бедности, похоронен на Преображенском кладбище⁵.

В 1908 г. Министерство внутренних дел утвердило новый устав Преображенского богаделенного дома, который состоял в ведении общины. В нем говорилось, что Преображенский богаделенный дом находится в Лефортовской части 2 участка и содержит 6 каменных богаделенных корпусов с моленной при каждом, помещается он на земле, принадлежащей общине. Содержится дом на капиталы, пожертвованные и завещанные в разное время и разными лицами, на плату пансионеров, приношения благотворителей, пожертвования движимого и недвижимого имущества при жизни и по завещанию в пользу Богаделенного дома. Кроме того, сюда относятся сборы от совершения треб в моленных и от продажи свечей и деревянного масла. Все капиталы хранятся в Московской конторе Государственного банка⁶. О деятельности Богаделенного дома, о приходе и расходе денежных сумм, поступающих на содержание дома, о пожертвованиях, числе призываемых и многом другом председатель совета общины ежегодно представлял отчеты в двух экземплярах: для московского губернатора и в Министерство внутренних дел⁷. Какие-либо изменения или дополнения устава могли быть сделаны только по ходатайству совета общины. Закрывать Богаделенный дом могли по распоряжению Министерства внутренних дел, по представлению местного губернского начальства. В случае его закрытия все имущество поступало в ведение общины⁸.

Таким образом, по новому Уставу снималась опека правительства, выразившаяся в назначении московским генерал-губернатором особого смотрителя. Уставом регламентировалась духовная и хозяйственная деятельность общины. Отныне община имела право сооружать и устраивать храмы, моленные дома, часовни, книгохранилища, кладбища и т. п. Община могла приобретать для осуществления своих целей движимое и недвижимое имущество, образовывать капиталы, а также устраивать типографии. Церковными делами общины управляли духовные лица совместно с советом общины. По Уставу один раз в год собирались общие собрания общины, где избирались духовные лица, настоятели и наставники, староста, принимались почетные члены. Женщины – члены общины – не могли принимать участие в общих собраниях.

Остановимся на некоторых аспектах повседневной жизни общины, в первую очередь, связанных с деятельностью старообрядческой школы, с наследием усадьбы видного старообрядца Горбунова, больницы, бывшей женской половины. Именно по этим объектам имеется достаточное количество документальных источников. Следует заметить, что все эти объекты, ячейки социально-культурной жизни общины, располагались вне территории Богаделенного дома, и в литературе о них есть не так много сведений.

1 октября 1908 г. на Преображенском кладбище состоялся Всероссийский съезд старообрядцев-беспоповцев старопоморского согласия. Одним из результатов съезда явилось открытие 17 октября 1909 г. в Преображенском школы для мальчиков и девочек. Располагалась она в одноэтажном деревянном доме (не сохранился) рядом с современным домом № 16 по улице Девятая Рота. Отметим, что немало интересного материала о жизни Преображенской общины содержит книга В.Н. Ясинской, в том числе есть здесь и подробное описание этого дома: «Это был добротный, сложенный из бревен дом, глубоко уходивший внутрь двора. Входов было два: в середине дома и с веранды, выходившей во двор. Двор был тихий, очень зеленый, в глубине его стоял двухэтажный деревянный дом с большим красивым крыльцом – он принадлежал активному члену Общины Ивану Михайловичу Максимову»⁹.

Получить более или менее полное представление об этом начальном училище можно благодаря «Отчетам», в которых есть специальный раздел «Училище Общины». Средства на создание школы пожертвовала М.И. Соколова, но главным источником финансов был капитал, завещанный Михаилом Петровичем Сергеевым. Обучение было бесплатным. В училище принимались дети одного с общиной согласия в возрасте от 7 до 13 лет по предъявлении метрического свидетельства и справки о привитии оспы. В первый год было принято около 100 человек, преимущественно бедных христиан. К 1 января 1911 г. обучалось 97 человек – 35 мальчиков и 62 девочки, представлявших три сословия: мещане (18 человек), цеховые (3 человека), крестьяне (76 человек). Через три года, в 1912 г., учащихся было уже 106 человек (36 мальчиков и 70 девочек), причем сословная структура несколько изменилась: из мещан было 27 человек, из цеховых 14, из крестьян 65. А еще через год, на 1 января 1913 г., обучалось 109 человек (45 мальчиков и 64 девочки). Среди учеников были выходцы и из купеческого сословия¹⁰.

Программа первого класса включала четыре предмета: Закон Божий, арифметику, русский язык и чистописание, причем именно

в таком порядке и шли уроки. Во втором классе в 1910–1911 гг. ввели новые предметы – церковно-славянское письмо и духовное (крюковое) пение¹¹.

Осенью 1911 г. были открыты третьи мужские и женские классы, для чего совет общины снял в соседнем владении И.М. Максимова две квартиры. В третьем классе добавлялся еще один новый предмет – отечествоведение¹².

В связи с высочайшим актом от 17 апреля 1905 г., разрешающим открывать свои начальные училища, совет общины решил открыть при начальных училищах общины учительские классы «для подготовки христианских учителей и учительниц». Одновременно Совет предложил на рассмотрение и утверждение общего собрания проект устава классов, разработанный заведующим начальными училищами общины С.В. Сокольниковым. В проекте говорилось, что должно быть два отделения – мужское и женское, в которые принимались бы только христиане-старообрядцы от 16 лет, «имеющие свидетельства о знании полного курса городского училища, по положению 1872 г., уездного училища, Мариинского женского училища, прогимназии, а также и других учебных заведений, курс которых не ниже двухклассных училищ Министерства Народного Просвещения». При этом имевшие такие свидетельства ученики принимались без экзаменов. Сдавать же экзамены нужно было по русскому языку и арифметике. Прием в классы происходил два раза в год – в августе и январе. Занятия были теоретические и практические и проходили с 1 сентября по 1 июня, кроме рождественских каникул и двух недель пасхальных каникул. В учительских классах преподавались: Закон Божий, крюковое пение, церковнославянское письмо, русский и церковнославянский языки, методика русского языка, арифметика, методика арифметики, геометрия (была необязательна), история, география и чистописание. Обучались 2,5 года, причем занятия были вечерние. Наблюдение за порядком и ответственность за ведение дела в учительских классах возлагались на заведующего классами. Вступительные и выпускные экзамены проходили в присутствии испытательной комиссии, в которую входили настоятель общины, два члена совета, весь педагогический персонал учительских классов и один член общины с образованием не ниже среднего. После окончания учительских классов выпускники сначала проходили предварительное испытание в знании пройденного в классах, затем получали свидетельства об успешном окончании учительских классов и держали окончательные экзамены при Московском учебном округе на звание начальных учителя или учительницы¹³.

В марте 1911 г. Московской городской думой был утвержден доклад Московской городской управы о программе четырехгодичного курса начальных городских училищ. Однако программа училища общины была не расширена, а лишь углублена. Открытие четвертых классов состоялось 3 сентября 1912 г.¹⁴ Занятия начинались в 9 утра. Интересно отметить, что первые два урока продолжались по 55 минут с пятиминутным перерывом. Третий урок шел ровно час, затем был 30-минутный перерыв на завтрак, и, наконец, последний урок был коротким – всего 30 минут. В 13.00 занятия для первого класса заканчивались, второй же класс кончал на час позже¹⁵. Завтракали дети в «особом от школы помещении, снятом для этих целей в соседнем владении И.М. Максимова»¹⁶. Во время завтрака они получали по розанчику, а в постные дни – по калачу¹⁷. В доме И.М. Максимова в 1911 г. занимались и два третьих класса: «...по случаю открытия двух новых классов: третьего мужского и третьего женского советом Общины были сняты в соседнем владении И.М. Максимова две квартиры, в коих поместились первые – мужской и женский классы, а два вторых и два третьих класса разместились в старом помещении училища»¹⁸.

Известно, что дети часто болели, большинство пропусков происходило по этой причине. В отчете болезни учеников распределялись в следующем порядке: инфлюэнца, кашель, анемия (малокровие), жаба, болезни ушей, глаз. Известен один случай туберкулеза, окончившийся смертью больного¹⁹.

В 1911 г. из 95 человек 36 были оставлены на второй год «по причине неразвитости, а также по малолетству и малоуспешности»²⁰. Отчисления происходили и в середине учебного года. В 1912 г. из училища выбыло 8 человек – 1 мальчик и 7 девочек²¹. Все это свидетельствует о высокой требовательности учителей.

В жизни обучающихся были и приятные моменты. В 1911 г. на Рождество Христово все дети и низшие служащие училища получили по теплому шерстяному платку, кроме того в ситцевые платки всем детям были завернуты гостинцы от Ивана Федоровича Москвина. М.И. Соколова раздала учащимся 8 пальто, 18 пар валенок, 9 пар сапог, 12 пар башмаков, 9 шапок, 7 пар варежек, 4 рубахи и 4 пары штанов²².

Главной особенностью данного училища был состав учащихся: это было первое училище беспоповцев. Второй особенностью было преподавание дисциплин религиозного цикла, в том числе и ежедневная молитва за М.П. Сергеева: «...помните, дети, незабвенного вашего благодетеля Михаила Петровича Сергеева... и молитесь»²³. В остальном училище было копией других московских образова-

тельных учреждений: те же предметы светского цикла, тот же социальный состав, такие же бытовые условия. Социальная политика общины по отношению к училищу ничем не отличалась от светской. Бытовые условия учащихся были известны и до написания ежегодных отчетов, однако только через два года после открытия все ученики получили на завтрак дополнительно «горячий сбитень с ломтем черного хлеба»²⁴. Богатых людей в общине было много, но только И.Ф. Москвин решил сделать гостинцы всем ученикам. Однако в вещи, подаренные М.И. Соколовой, можно было одеть и обуть только седьмую часть нуждавшихся. Рядом с училищем (в современном доме № 16 по улице Девятая Рота) находилось владение Г.К. Горбунова. В училище он жертвовал книги своей типографии – псалтири, часословы, евангелия²⁵.

Из отчетов мы можем узнать и фамилии учителей. Русский язык, арифметику, отечествоведение и чистописание преподавали Лидия Витальевна Соколова, Алексей Иванович Першин и Александра Константиновна Жаркова. Духовное пение и церковнославянское письмо – Игнатий Матвеевич Матвеев и Агафья Михайловна Михайлова²⁶.

Учебный год заканчивался 20 мая. Ежегодно в этот день от настоятеля общины Григория Григорьевича Рожнова дети получали напутствие. В мае 1912 г. состоялся первый выпуск, и для многих началась взрослая жизнь. Но существовала одна проблема: большинство из окончивших, вступая в практическую жизнь, не имели возможности, по разным причинам, продолжать свое образование. К сожалению, жизнь училища была коротка. Всего в училище было только два выпуска – в 1912 и 1916 гг. После его закрытия в 1920 г. помещения в этом доме (№ 18) стали коммунальными квартирами.

Укажем, что на средства, оставленные по завещанию М.П. Сергеевым, производились бесплатные погребения неимущих, строились молитвенные дома. Кроме того, на деньги общины осуществлялось бесплатное лечение окрестного населения.

Важной страницей истории общины 1906–1918 гг. является деятельность учреждений и заведений известного старообрядца Г.К. Горбунова. На улице Девятая Рота под № 16 стоит дом из красного кирпича с чугунными воротами; у него есть и два брата-близнеца: один находится также на Девятой Роте, а второй – в Ковылинском (бывшем Кладбищенском) переулке. Во дворе располагается еще один серый двухэтажный дом с одноэтажной пристройкой. Мало кто сейчас знает, что в самом начале XX в. все это вместе было городской усадьбой Г.К. Горбунова.

Интереснейшим объектом жизни старообрядческой общины начала XX в. является усадьба старовера Г.К. Горбунова на улице Девятая Рота. В 1907 г. по проекту архитектора О. Пиотровича при въезде с улицы в левом углу двора было построено каменное одноэтажное строение «глаголем» – баня для богадельни и коровник на 3 стойла²⁷. В 1908–1909 гг. был построен трехэтажный дом, в полуподвале которого разместилась старообрядческая типография, открытая Г.К. Горбуновым на средства, завещанные одной состоятельной прихожанкой, второй этаж был жилой – тут были спальни и столовая рабочих типографии. Еще несколько квартир второго этажа сдавались, третий этаж целиком сдавался под квартиры. В 1910–1911 гг. рядом с трехэтажным строится двухэтажный дом. Их соединили ворота и калитка. В доме был очень глубокий подвал с окнами на уровне земли, где находился склад типографской бумаги. На первом этаже была квартира управляющего и контора. На втором этаже жил хозяин владения Г.К. Горбунов. С 1909 г. Преображенская община издавала в виде брошюр ежегодные отчеты о своей деятельности. Была здесь и своя иконописная мастерская.

В июне–июле 1911 г. все владение было обнесено забором и в домах Горбунова появилось электрическое освещение. К 1912 г. строительство было завершено, и весь ансамбль почти без изменений сохранился до наших дней. (Сегодня здесь располагаются частные компании, а один из корпусов занимает Преображенский районный суд.)

В 1912 г. типографию оснастили новыми станками. Сохранилось подробное описание ее машин и оборудования. Это были 8 типографских скоропечатных 2-красочных машин фирмы «Альберт и Гольдберг», одна резальная ручная машина, прессы, резальные ножи, золотарный пресс для корешков, переплетный деревянный стан и другое механическое оборудование. Стоимость фабричных строений и земли составляла 26 594 руб., «машин и орудий» 17 500 руб. Чистый доход составил 2204 руб. 70 коп., что и подтвердили члены оценочной комиссии во главе с Н. Кузнецовым 19 апреля 1912 г.²⁸

Еще одним горбуновским заведением, оставившим по себе добрую память, была богадельня. 22 октября 1910 г. общее собрание единогласным постановлением приняло в ведение и управление общины жертвуемую Г.К. Горбуновым богадельню. Устав был утвержден Министерством внутренних дел. Из него следовало, что богадельня состоит в ведении московской общины, а ее управление принадлежало самому Г.К. Горбунову, его зятю – личному почетному гражданину Н.И. Лосеву и дочерям К.Г. и Е.Г. Горбуновым. Об-

щим собранием общины были выбраны 6 кандидатов из ее членов: 3 составили комитет богадельни с председателем, а 3 – кандидаты. Члены и кандидаты избирались на три года²⁹.

В описях имущества, принадлежавшего общине (1918–1923 гг.) в богадельне К.Г. Горбунова числились иконы без окладов и в окладах, кресты, иконы в киотах³⁰. В описи за 1 октября 1918 г. значатся 29 икон, также столы, кровати, матрацы, шкафы, стулья, табуреты и скамейки. На складе и в лавке – книги большого и маленького размера, толстые, тонкие и среднего размера количеством 3866 экземпляров; книг без переплета разного формата – 205 468 экземпляров. Кроме того, имелся шрифт (370 пудов), печатные машины, два прессы, резальная машина, рубильник и тискальный пресс³¹.

Неразработанной темой жизни староверов Преображенской общины является история построения и недолгого функционирования старообрядческой больницы у стен Преображенского богаделенного дома. Незадолго до Первой мировой войны рядом с входом на женскую половину было сооружено кирпичное трехэтажное здание старообрядческой больницы. С 1929 г. и до сегодняшнего дня здесь располагается противотуберкулезный диспансер (ул. Преображенский вал, 19). Решение о постройке специальной больницы «для неимущих христиан»³² Москвы и иногородних, рассчитанной на 24–30 мест, приняли еще в 1910 г.

Проект больницы был составлен известным архитектором, одним из интереснейших творцов модерна Л.Н. Кекушевым, построившим к тому времени в Москве ряд доходных зданий, богаделен и особняков. В больничном здании располагались хирургическое отделение, операционная, анатомический центр, часовня и др. 22 апреля 1912 г. состоялась закладка больницы Преображенской общины. После молебна в богаделенном доме был совершен крестный ход к месту закладки. Здание выстроили при финансовой поддержке члена общины М.М. Малышева. Больница была оснащена таким современным для тех лет медицинским оборудованием, как, например, автоклав, аппарат для наркоза, молоток «Перкусион», щипцы Мюзо и многим другим³³. Сразу после начала Первой мировой войны община постановила предоставить отстроенный корпус на 75 коек для раненых.

Важнейшей темой при изучении Преображенской общины является тщательное изучение самого ядра федосеевцев в стенах Богаделенного дома – бывшей женской половины (Двора). Тем более что сохранились описи, переписка, позволяющие реконструировать детали духовной и бытовой жизни в драматический период первых лет советской власти.

В 1917 г. на территории Преображенского богаделенного дома действовало шесть отделений (палат) – одно мужское и пять женских: Спасское, Преображенское, Богоявленское, Ильинское, Покровское. В каждом была своя моленная (часовня) под таким же названием. Также существовала соборная Крестовоздвиженская часовня³⁴. Число призываемых на тот момент составляло около 200 человек³⁵. На территории Богаделенного дома было еще пять одноэтажных деревянных домов, в которых проживали призываемые и служащие³⁶. В ведении общины находились богадельня имени Г.К. Горбунова с моленной, имеющей свой круг прихожан, больница с амбулаторией, типография для печатания богослужебной литературы и школа³⁷. В хозяйстве общины были скотный двор, прачечная, баня, водокачка, квасная (в башне), многочисленные погреба, ледники, каретный сарай и т. д.³⁸ Продолжали действовать меднолитейные мастерские на улице Девятая Рота (вплоть до 1930-х гг.). Это был целый небольшой городок со своим особым укладом жизни. Главной же, как и раньше, была духовная роль Преображенского кладбища как российского центра старопоморского согласия.

К сожалению, осуществлению многих общественно-культурных начинаний федосеевцев помешала Первая мировая война, а затем и разразившаяся в октябре 1917 г. революция. После революции для общины наступили тяжелые времена. В 1917–1918 гг. Преображенский богаделенный дом как социально-жилищное заведение был закрыт. Вскоре власти отобрали больницу и передали ее в ведение Мосздравотдела. Власти потребовали от старообрядцев заключения договоров на пользование каждой моленной. Сама община и ее совет продолжали свою деятельность и в советский период. Поэтому члены общины решительно выступили против требования властей. Они писали в ноябре 1918 г. в Моссовет: «Все храмы, расположенные в ограде нашей Общины, представляют, по существу, одно цельное религиозное учреждение, один цельный приход, и поэтому мы считаем правильным, о чем и просим, передать все храмы одной общей группе прихожан <...> Мы очень настаиваем на этой мысли, ибо в противном случае (при создании нескольких групп, а следовательно, и приходо-в) создается бы положение, резко противоречащее искони сложившемуся укладу нашей церковно-общественной жизни и вызвало бы, может быть, ненужное угнетенное настроение и обострение в среде верующей Общины»³⁹.

Еще в начале 1918 г. юридическим отделом Московского Совета, ведающим проведением декрета «Об отделении церкви от

государства», было выдано удостоверение представителям бывшей общины. В нем говорилось, что всем ее имуществом, находящимся на Преображенском кладбище и в других местах города, теперь ведает юридический отдел, а за сохранность имущества несет ответственность сама община⁴⁰.

Осенью 1918 г. власти приступили к экспроприации нажитого старообрядцами имущества. В сентябре 1918 г. у общины были отобраны скотный двор с молочной фермой и больница, а вскоре была национализирована и типография, размещавшаяся в усадьбе Г.К. Горбунова. 18 сентября на основании постановления президиума Московского Совдепа больница старообрядческой общины Преображенского кладбища, а также скотный двор и молочная ферма «со всем живым и мертвым инвентарем и фуражем»⁴¹ перешло в ведение IX отделения Московского Совдепа для устройства санатория для туберкулезных детей беднейшего населения Москвы. В ноябре 1918 г. от бывшей общины хозяйственное распорядительное отделение юридического отдела Моссовета приняло следующие вещи: «шубу, кафтан (кучерский), попону, 2 полка, сбрую для лошадей, сена 50 пудов», а также 2 легковых саней, простые сани и фуражные карточки для двух ломовых лошадей. Через месяц Благуше-Лефортовским Совдепом были взяты на учет 10 коров, 1 теленок и бык (в описи живого инвентаря, принадлежащего общине, за 9 октября 1918 г. значатся 19 коров, 1 бык и 3 лошади⁴²), а также весь скотный двор с живым и мертвым инвентарем, квартира рабочих, подвал и погреб для молока, помещение для прачек, каретный сарай, сарай для ломовых повозок, кухня рабочих, квартира коровниц, контора, дом им. Макаровой, сторожка у ворот, квартира служащих при храме, крестильня, сторожка могильщиков, сторожка на огороде, а также прачечная баня, сарай, свечная башня, башня-водокачка и пр.⁴³ Кладбище согласно распоряжению юридического отдела отошло в ведение особого Комитета в финансовом и хозяйственном вопросах от прихода Преображенского кладбища⁴⁴.

Была национализирована и типография Г.К. Горбунова. В первые месяцы после революции она вместе с инвентарем, приспособлениями и книгами оказалась в ведении юридического отдела как имущество республики, ее имущество находилось в полной сохранности. Однако в декабре 1918 г. по распоряжению Благуше-Лефортовского совета из помещения типографии вывезли печатные станки, шрифты и вообще все оборудование⁴⁵. В типографии на тот момент находилось около 4 тыс. экземпляров книг и брошюр и более 200 тыс. экземпляров без переплетов⁴⁶.

Но главная опасность пришла, когда власти стали хозяйничать непосредственно на территории общины. Беспоповцы одни из первых испытали на себе антицерковную политику большевиков. То обстоятельство, что исторически у беспоповцев подавляющая часть моленных располагалась в помещениях корпусов-палат, где жили призреваемые, оказалось роковым. Подобные моленные власти приравнивали к закрываемым по декрету домовым храмам⁴⁷.

С конца ноября 1918 г. на Преображенское кладбище начали являться представители как от местного совета Благуше-Лефортовского района, так и от других, а также от воинских частей, расположенных в этом районе, с целью выявления свободных помещений для размещения солдат, лошадей и артиллерии. Как уже говорилось выше, в начале декабря 1918 г. сюда прибыла смешанная комиссия от местного совета и описала все движимое имущество конторы, скотного двора и прочих, не касаясь храмов и строений, находящихся внутри ограды. Комиссией было вынесено распоряжение о немедленном очищении помещения, занятого конторой. Таким образом, распорядителем по скотному двору, конторе и прочему стал местный совет в лице члена исполнительного комитета Скоробогатова и представительницы отдела социального обеспечения местного района Громовой. Часть помещения конторы в то время была занята канцелярией 34-го артиллерийского дивизиона. Скоробогатовым был составлен комитет по управлению участком кладбища, где проводились похороны умерших старообрядцев. В состав комитета вошли три члена комитета прихожан, два представителя от рабочих и три представителя от местного совета. Деятельность представителей местного совета в лице Громовой коснулась и зданий храмов, при которых размещался клир и призреваемые. Ею были составлены списки призреваемых и записана занимаемая ими площадь. Все эти меры в конечном итоге привели к значительному сужению направлений деятельности старообрядческой общины и ликвидации ее учреждений в первой половине 1920-х гг. и как следствие всего этого – коренное изменение и обеднение повседневной жизни старообрядцев-федосеевцев.

Следует заметить, что не все сооружения сохранились (утрачен дом, где располагалось училище), ряд построек, дошедших до наших дней, представляющих интерес в первую очередь с точки зрения истории и архитектуры, ныне заняты различными учреждениями, и память об их прошлом не является достоянием широкого круга жителей района, ни на одном из них нет мемориальных или охранных досок с исторической информацией.

Дальнейшее изучение сохранившихся документальных источников, в первую очередь описей имущества, позволит обогатить наши знания новыми сведениями об истории общины старообрядцев-беспоповцев Преображенского кладбища, а также реконструировать их повседневную бытовую жизнь.

Примечания

- ¹ Устав христианского старообрядческого Преображенского богаделенного дома. 1908 г. // ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 89–98 (далее – Устав...). Есть также опубликованный текст устава (См.: Устав внутреннего распорядка Московской Общины Христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старо-поморского согласия. М., 1908.).
- ² Отчет Московской общины христиан древлеправославного кафолического исповедания и благочестия старо-поморского согласия за 1909–1912 год. М., 1910–1913 // ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 169–193б, 225–296б, 357–419, 438–492а (далее – Отчет...).
- ³ *Козлов В.Ф.* Письма в юридический отдел Московского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов // Древлеправославный вестник. 1999. № 2. С. 76–84.
- ⁴ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 14.
- ⁵ *Гуськов В.В.* Сказание о Московском Преображенском монастыре: Из истории монастыря в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Ч. II. М., 2000. С. 132–135.
- ⁶ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 91–92 об.
- ⁷ Там же. Л. 95об.
- ⁸ Там же. Л. 95об. – 96.
- ⁹ *Ясинская В.Н.* Улица Девятая Рота. Из истории московской улицы. М., 2009. С. 97.
- ¹⁰ Отчет... 1910, 1911, 1912 гг. // ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 236об.; 238об.; 369–369об.; 446–447об.
- ¹¹ Отчет... 1910 г. // Там же. Л. 239.
- ¹² Отчет... 1911 г. // Там же. Л. 367, 368об.
- ¹³ Отчет... 1910 г. // Там же. Л. 240–241об.
- ¹⁴ Отчет... 1912 г. // Там же. Л. 445.
- ¹⁵ Отчет... 1910 г. // Там же. Л. 239.
- ¹⁶ Цит. по: *Ясинская В.Н.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁷ Отчет... 1910 г. // ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 238об.
- ¹⁸ Отчет... 1911 г. // Там же. Л. 367.
- ¹⁹ Отчет... 1910 г. // Там же. Л. 238об. – 239.
- ²⁰ Отчет... 1911 г. // Там же. Л. 366–369об.
- ²¹ Отчет... 1912 г. // Там же. Л. 445об.

- 22 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 12–14.
- 23 Отчет... 1909 г. // Там же. Л. 169–193.
- 24 Отчет... 1911 г. // Там же. Л. 369.
- 25 Ясинская В.Н. Указ. соч. С. 102.
- 26 Отчет... 1910, 1911, 1912 гг. // ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 239об., 367, 445об.
- 27 Ясинская В.Н. Указ. соч. С. 107.
- 28 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 62. Д. 2668. Л. 1–56.
- 29 Там же. Ф. 54. Оп. 104. Д. 32. Л. 247.
- 30 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 4об.
- 31 Там же. Л. 26.
- 32 Цит. по: *Козлов В.Ф.* Москва старообрядческая: История. Культура. Святыни. М., 2011. С. 317.
- 33 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 21–22.
- 34 ЦИАМ. Ф. 157. Оп. 1.
- 35 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 44.
- 36 Там же. Л. 79–80.
- 37 Там же. Л. 3об., 4об., 18–23об.
- 38 Там же. Л. 27–28об.
- 39 Там же. Л. 94.
- 40 Там же. Л. 83.
- 41 Там же. Л. 90.
- 42 Там же. Л. 89, 92, 84.
- 43 Там же. Л. 27–28об.
- 44 Там же. Л. 108–108об.
- 45 Там же. Л. 105.
- 46 Там же. Л. 25.
- 47 Там же. Л. 180.

Е.Л. Чернова

НА ПУТИ К ОБНОВЛЕНЧЕСКОМУ ПОМЕСТНОМУ СОБОРУ 1923 г.: К ИСТОРИИ ПОДЧИНЕНИЯ МОСКОВСКИХ ПРИХОДОВ

В статье рассматриваются способы подчинения руководителями обновленческого движения московского духовенства и прихожан и становление системы управления приходами с момента захвата власти обновленцами в мае 1922 г. до проведения обновленческого Поместного собора 1923 г. Анализ документов Московского епархиального управления и обновленческой периодической печати позволил автору увидеть методы подготовки московских приходов к Поместному собору 1923 г.

Ключевые слова: московские обновленческие приходы, Московское епархиальное управление, обновленческий Поместный собор 1923 г., церковный раскол XX в., московское обновленчество.

Историки, изучавшие обновленческий раскол, неоднократно останавливались в своих работах на подробностях незаконного захвата церковной власти небольшой группой «прогрессивного» духовенства в мае 1922 г.¹ Действительно, обновленцы добились у патриарха Тихона резолюции о передаче в их управление канцелярии, что впоследствии выдали за отказ патриарха от власти; в том же месяце создали учредительное собрание своих сторонников и провозгласили образование «Живой церкви». Своей ближайшей целью живоцерковники ставили созыв Поместного собора. Обновленческий Поместный Собор должен был состояться в Москве в скором времени после воззвания к верующим, напечатанном в «Известиях ВЦИК» 14 мая 1922 г., в котором обновленцы обещали закончить «руководимую высшими иерархами гражданскую войну церкви против государства» и сообщали, что подписавшие обращение лица уже обратились к гражданской власти с проше-

ем о возможности «скорого созыва Поместного собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении церковью и об установлении нормальных отношений между нею и Советской властью». Уже здесь сформулированы основные задачи будущего Поместного собора, поставленные обновленцами: осуждение и устранение от управления прежней церковной власти и оправдание формирования новой власти.

Несмотря на очевидную срочность исполнения поставленных задач, Поместный собор состоялся только через год – в мае 1923 г. Почти целый год тема собора использовалась лишь как «знамя», чтобы привлечь к себе внимание, интерес и найти поддержку со стороны верующих. За столь долгий период возможности, которые могла предоставить роль «знамени», исчерпались. С одной стороны, причина столь длительной задержки – в зависимости организаторов движения от государственной власти, которая не была заинтересована в скорейшем проведении Собора. Из письма Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) от 24 мая 1922 г. с предложениями по политике в отношении к Церкви, принятыми Политбюро, ясно, что власти не спешили с содействием обновленцам в выполнении их ближайших задач: «Движение идет главным образом под знаменем церковного собора. Новое церковное управление может определиться в трех направлениях:

- 1) сохранение патриаршества и выборы лойяльного патриарха;
- 2) уничтожение патриаршества и создание коллегии (лойяльного синода);
- 3) полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления (церковь, как “идеальная” совокупность общин верующих».

Полагаю, что нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из этих направлений (даже неофициально). Гораздо выгоднее, если между этими тремя ориентациями разгорится серьезная борьба. С этой целью созыв церковного собора лучше оттянуть, окончательный выбор сделать позже, если вообще понадобится делать выбор»².

Помимо внутренних противоречий, заинтересованности государственной власти в крахе движения реформаторы испытывали трудности в подчинении себе московских приходов и управлении ими. Спротивление московского духовенства и прихожан стало главной причиной невозможности быстрого созыва Собора. В такой ситуации первоочередной задачей становилась не немедленная организация Собора, а подчинение приходских советов, которые в дальнейшем должны были провести выборы участников Собора.

В то же время «подбор членов собора был вопросом их бытия, как организации; выпустить же из рук церковную власть во имя соборности было столь же неприемлемым для захватчиков, как и наложить на себя руки»³. Какими способами обновленцы добивались в среде прихожан и духовенства признания законными и нужными захват церковной власти и намечаемые на будущем Соборе реформы?

На практике оказалось не просто разъяснить московскому духовенству и прихожанам смысл и необходимость церковного переворота. А.Э. Краснов-Левитин и В.М. Шавров сообщают о том, как происходили первые богослужения и диспуты обновленческого духовенства в Москве в мае 1922 г.: «...каждое подобное богослужение превращалось в скандал; милиция являлась постоянным гостем на этих служениях. Не лучше обстояло дело и на диспутах. Обновленческих ораторов прерывали криками, осыпали ругательствами, бомбардировали оскорбительными записками». Московское духовенство также отказывалось подчиняться Высшему церковному управлению (ВЦУ): «23 мая состоялась первая встреча членов ВЦУ с московским духовенством: в этот день состоялось собрание духовенства Хамовнического района. Введенский и Красницкий, выступившие с докладом, были встречены обструкцией; духовенство этого района категорически отказалось поддерживать ВЦУ. Примерно такая же картина наблюдалась и в других районах»⁴.

Возникла необходимость подчинения таких «контрреволюционных» приходов любыми способами, в том числе насильственно. Именно так обновленцы и поступали. Система формирования «лояльных» приходов была выработана довольно быстро: «Тотчас после формирования нового органа реформаторы принялись за борьбу с контрреволюцией. Главную роль в этой борьбе взял на себя заместитель председателя ВЦУ протоиерей В.Д. Красницкий. Уже в первые дни существования ВЦУ выработался известный шаблон в деятельности заместителя председателя. Обычно о. Красницкий выступал с докладом на собрании духовенства того или иного благочиннического округа. В своем докладе В.Д. Красницкий излагал историю возникновения ВЦУ, его структуру и его задачи. <...> После доклада начинались прения и предлагалась резолюция. Главные оппоненты Красницкого через несколько дней обычно арестовывались и высылались из Москвы. Таким образом был выслан, например, протоиерей Счастнев, особенно рьяно возражавший Красницкому на собрании духовенства Хамовнического округа 23 мая 1922 года»⁵.

Зафиксированные А.Э. Левитиным-Красновым, В.М. Шавровым сведения противоречат фактам, освещаемым самими об-

новленцами на страницах собственного периодического издания. В московском обновленческом журнале «Живая церковь» нет ни слова о сопротивлении московского духовенства установлению власти обновленцев. На страницах журнала выделяются события мая 1922 г. предстают как развитие организационного успеха движения в контексте подчеркнутой важности реформ. Обновленцы акцентируют внимание читателя на наиболее заметных с их точки зрения московских событиях, среди которых выделяют «собрание Московских благочинных Московского епархиального Управления и членов Высшего церковного Управления... на этом собрании были одобрены действия инициативной группы духовенства...». Важность данного события обуславливается «признанием» необходимости реформ: «Таким образом “столпы” Московского духовенства “патриаршей столицы” – признали замену патриаршего единоличного управления – коллегиальным, с преобладающим влиянием белого приходского духовенства – канонически необходимой»⁶. Как видим, «признание» реформ обновленцы пытаются представить публике как полностью добровольное. Публикуемые на страницах обновленческого журнала сведения противоречат действительности.

Очевидно, что в начале своей деятельности в «патриаршей столице» обновленцы считали наиболее важным для себя подчинение наиболее влиятельного московского духовенства. Получение одобрения действий «инициативной группы духовенства» в Москве – шаг к установлению власти над приходами. Соответственно, отказавшиеся признать обновленчество увольнялись от службы, высылались за пределы Московской епархии. У духовенства оставалось два пути: либо одобрить обновленчество, либо уволиться от службы. Использование обновленцами на практике карательных механизмов в роли инструмента воздействия на духовенство в первые месяцы не афишировалось на страницах печати. Однако со временем публичная хроника наказаний была превращена в способ влияния на широкие круги прихожан и священнослужителей. Так, первое постановление ВЦУ репрессивного характера на страницах печати появилось в августе 1922 г.: «Причт храма Христа Спасителя в полном составе либо уволить, либо сослать в различные регионы»⁷ – в Семиреченский край, в Пензенскую, Самарскую, Саратовскую епархии. С одной стороны, обновленцы пытались рассеять непокорных «столпов» московского духовенства по разным регионам, освободив московское пространство для наиболее успешного и полного установления своей власти. С другой стороны, оставшиеся при службе священнослужители были таким образом предупреждены о последствиях неподчинения.

Конечно, выбор обновленцами именно храма Христа Спасителя для печатного освещения происходивших в нем переназначений сделан не случайно. Демонстрация «успеха» борьбы с «контрреволюцией» в храме Христа Спасителя – главном храме страны – наглядно показывала неизбежность подобного исхода «контрреволюционных» действий в любом другом приходе, а следовательно, и неизбежность подчинения обновленцам всей Московской епархии. Эффект такого сообщения должен был усиливаться тем, что настоятель кафедрального храма Иван Арсеньев был назначен на должность распоряжением патриарха Тихона⁸. Настоятелем храма вместо отказавшегося признать обновленчество И. Арсеньева был назначен В. Красницкий. Одиозность этого человека среди других инициаторов обновленческого движения обуславливалась неприкрытостью связей с карательными органами. Постановление о высылке духовенства кафедрального храма и расследование «контрреволюционной» агитации, ведущейся в его приходе, публикация этого постановления в полной мере соответствуют взглядам этого человека на способы организации власти. А.Э. Левитин-Краснов вспоминает часто произносимый В. Красницким лозунг «Организация и агитация», которым этот человек призывал руководствоваться в работе ВЦУ и Московского епархиального управления (МЕУ). Действительно, явно выраженное стремление в первую очередь к успеху административного характера, к слаженной организационной работе ВЦУ, вера в эффективность властных полномочий, включая применение карательных действий по отношению к непокорным, отмечаемые в действиях этого человека, нашли свое воплощение в работе ВЦУ, которое в самом начале обновленческого раскола было составлено в большинстве своем из представителей группы «Живая церковь», возглавляемой им. Первый московский епископ из белого духовенства в «собственном смысле свой» – Иоанн Альбинский, с которым В. Красницкий был связан личной дружбой. Можно сказать, что способы организации деятельности ВЦУ в 1922 г. в большой степени воплотили в себе взгляды В. Красницкого на методы работы. Хроника московских событий этого года в развитии обновленчества отражает стремление именно к организационному успеху движения и игнорирование обновленцев в среде рядового духовенства и мирян. Успех «открытия епископского родника» и «одобрение» коллегиальной формы управления Церковью, достигнутые с помощью агитационных и репрессивных форм внушения, – проявляют свой подчеркнuto административный характер, узнаваемый и в упоминавшемся лозунге В. Красницкого «агитация и организация».

С момента подписания резолюции московскими благочинными происходит становление системы подчинения приходов, входящих в состав благочиний, и управления ими. Здесь прослеживается строго иерархический взгляд на выстраивание системы управления. Стремление подчинить прежде всего вышестоящее по служебной лестнице духовенство в лице благочинных сороков и настоятелей приходов оправдывалось возможностью при помощи такого подхода возложить на них ответственность за неподчинение более широких кругов московского духовенства.

Летом и осенью в печати уже фиксируются текущие дела образованного аппарата управления и изменения, происходящие внутри обновленческих групп. В эти месяцы происходит переименование на должность управляющего Московской епархией: архиепископ Крутицкий Леонид назначен архиепископом Пензенским и Саранским, а на его место поставлен архиепископ Антонин (Грановский)⁹. Также в августе проведен Всероссийский съезд белого духовенства с целью объединения разрозненных обновленческих групп и подготовки к Поместному собору¹⁰.

Протицируем документ осени 1922 г., который, как видится, в полной мере демонстрирует подход живоцерковников к управлению московскими приходами: «По благочинным г. Москвы и Московской Епархии на имя МКУ поступили нижеследующие указы ВЦУ: 1) от 17 ноября 1922 г. за № 1446 о том, что ВЦУ в заседании Президиума от 15–IX с[его]. г[года]. постановило в целях борьбы с церковной реакцией и приходской контрреволюцией, объединяющейся под общим именем “Тихоновщины”, – принять в непосредственное ведение ВЦУ благочинных и настоятелей г. Москвы, подчинив их заведующему административно-организационной частью ВЦУ <...> запретить поминовение патриарха Тихона во всех храмах Российской Церкви и поручить заведующему Административно-Организационной частью ВЦУ Заместителю Председателя Протоиерею В.Д. Красницкому надблести за выполнением сего постановления в церквах г. Москвы, возложив ответственность за невыполнение сего постановления лично на благочинных и настоятелей церквей <...> неисполнение означенного распоряжения будет служить знаком явной политической контрреволюционности, ибо поминовение имени патриарха не является актом церковным при существующих условиях, а явной и публичной политической демонстрацией и также не просто не подчинением распоряжениям ВЦУ, но определенной политической игрой под церковным покровом. Неся на себе ответственность за общественный мир Церковный ВЦУ предлагает Управ-

лению доносить о лицах, неподчиняющихся сему предписанию, увольняя немедленно от занимаемых должностей всех настоятелей церквей, где таковое распоряжение не будет исполняться. О сем МЕУ дается указание срочного объявления благочинным и подведомому им духовенству»⁴¹. Обратим внимание, что репрессивный тон данного указа направлен только против благочинных и настоятелей церквей. Все остальные круги духовенства в нем игнорируются, в чем снова проявляется иерархический взгляд на способы подчинения и управления приходами в Москве.

При ознакомлении с подобными документами становится очевидным, что к весне 1923 г., то есть ко времени созыва Поместного собора в Москве, обновленцы в управлении приходами могли опираться только на принудительные меры. Встав на эту стезю, они уже не обладали возможностью сбавить напор «революции в Церкви» – ослабить антитихоновскую риторику, отказаться от клеймения именем контрреволюционера каждого, кто оказывал противодействие им. Добровольного признания своей власти им ждать явно не приходилось. Попытки подчинить себе силой традиционно сопровождались своеобразным словесным штампом, гласящим, что совершаются они «ради мира церковного». Конечно, и Собор не мог состояться иначе как в противостоянии «миротворцев» «расхитителям» церковного мира – контрреволюционерам.

В таких условиях Собор мог состояться только при содействии советской власти, причем содействия заранее согласованного, спланированного, что, в свою очередь, не могло позволить отступить от намеченного плана действий.

Естественно, что к созыву Собора нужно было добиться максимального успеха в подчинении приходов своей власти, и у реформаторов это получилось: все приходы, находившиеся к марту 1921 г. в подчинении ВЦУ, вынуждены были выбирать кандидатов на Поместный собор.

Его подготовка была четко спланирована. Предпринимались все необходимые меры для достижения необходимых результатов. Уже в февральском номере журнала «Живая церковь» было опубликовано «Положение о созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви». В этом «Положении» лидеры обновленческого движения обеспечили себе право голоса без выборов: «Высшее Церковное Управление участвует на Соборе в составе своего Пленума. <...>

38. Областные Церковные Управления, Украинское и Сибирское участвуют на Соборе в полном своем составе. 39. Все уполномоченные ВЦУ участвуют на Соборе в качестве полноправных членов

по своей должности. 40. ВЦУ предоставляется право пригласить для участия в Соборе 5 лиц по своему усмотрению. 41. ВЦУ предоставляется право заменить кандидатом лицо, не могущее по каким-либо причинам участвовать в Соборе. 42. ВЦУ приглашает на Собор представителей Восточных Патриархов и автокефальных зарубежных церквей – с правом решающего голоса. 43. На тех же основаниях ВЦУ приглашает центральные комитеты Обновленческих групп»¹².

Тем не менее, чтобы привести Собор к желаемым результатам, нужно было умело использовать в своих интересах трехступенчатую систему выборов представителей на него. Сначала проводились приходские собрания, где выбирали кандидатов на благочиннические собрания, следующий этап – епархиальные собрания, где утверждались члены самого Собора.

Нужно было срочно любыми способами привести к полному подчинению приходские советы. Очевидно, в связи с этим в феврале–марте 1923 г., накануне Собора, прошли очередные репрессии против московского «контрреволюционного» духовенства. В документации МЕУ марта 1923 г. видим попытки избавиться от непокорного духовенства: «Президиум ВЦУ в заседании своем, от 28 февраля с[его]. г[года]. слушали: рапорт МЕУ от 26 февраля об удалении из Москвы священников церквей: Марфо-Мариинской Общины – протоиерея Митрофана Сребрянского и священника Вениамина Воронцова, храма Григория Неокесарийского – священника Петра Лагова, церкви Николы Толмачевского – Ильи Четверухина¹³, протоиерея Иоанна Доброва и храма Петропавловского на Басманной улице протоиерея Пospelова (друг и кум бывшего князя Михаила Александровича). Постановили: Признать пребывание указанных в рапорте лиц вредным как в церковном, так и общественном отношении и предложить им немедленно покинуть пределы Московской Епархии, запретив им до выезда из Московской епархии священнослужение»¹⁴.

Однако даже такие меры не обеспечивали покорность приходских советов. Для того чтобы обеспечить «лояльность» приходских советов перед выборами кандидатов для участия в Поместном соборе, наиболее желательным становилось кардинальное изменение состава их членов. И в документах МЕУ находим решение об их роспуске – указ, направленный циркулярно для выполнения благочинным Московской епархии: «МЕУ определением своим от 20/II с/г за № 18 в виду предстоящего Собора, имеющего своей задачей преобразование Российской православной церкви соответственно новым условиям жизни России постановило: 1. Распустить по храмам Москвы и Епархии существующие

щие приходские советы с 1/III–23 г. 2). Оо. настоятелям храмов и благочинным округов <...> вменить под их ответственность организовать новые приход[ские]. советы не позднее 15/III применительно к § 2 и 3 “Положения о созыве Поместного Собора 1923 г.” из лиц, признающих ВЦУ и МЕУ <...> 3). Установить количество членов приходского совета из мирян, равное намеченному составу членов причта и не менее трех. 4). Избранных членов приходского совета представить на утверждение МЕУ. 5). За успешное проведение в жизнь означенного постановления ответственны все члены причтов храмов Москвы и Епархии...»¹⁵

Публикация «Положения» о созыве Собора, указы о высылке из Московской епархии и указ о роспуске приходских советов – одновременны. Все эти действия направлены на то, чтобы решить в Москве проблему противостояния обновленчества и «контрреволюционной» «тихоновщины»; она была способна привести к нежелательному для обновленцев завершению Собора.

Очевидно, в большинстве московских приходов удалось достичь желаемого, поскольку уже на первой ступени выборов кандидатов на Собор – приходских собраниях – в актах, протоколах, как правило, зафиксированы «единогласные» решения. В основном документы, сопутствующие всем этапам проведения выборов кандидатов, составлены сухим, официальным языком. При приходских собраниях составлялись акты производства выборов в члены Поместного собора, анкетные ведомости (выбранных кандидатов), списки членов приходских советов, признающих необходимость церковных реформ; процесс выборов кандидатов на Поместный собор на всех уровнях фиксировался в протоколах собраний. На самом первом этапе выборов – приходских собраниях – председатели собраний в обязательном порядке оглашали «Положение о созыве Поместного собора», что отмечалось в протокольных записях. Однако здесь нет ничего об эмоциях, которые могли бы охарактеризовать действительное отношение к реформам и их инициаторам, к Поместному собору.

Благочинные делали все, чтобы на благочиннических собраниях были приняты нужные решения. Они несли за это ответственность. Состав документов, готовившихся благочинными в качестве отчетности перед МЕУ о проведенных собраниях, исчерпывал возможные формы контроля степени «лояльности» обновленчеству выбранных кандидатов. Составлялись: акт избрания депутатов от благочиния на епархиальное собрание, протокол благочиннического собрания, анкеты, сведения об избранных от благочиния на епархиальное собрание, собственноручные расписки явившихся

от приходских собраний на благочиннические, акты об избраниях на приходских собраниях¹⁶. Анкеты, заполняемые выбранными на епархиальные собрания, содержали вопросы об отношении к обновленчеству: «Признаете ли для себя законно-обязательным подчиниться распоряжениям ВЦУ и МЕУ как единственно ныне существующей и действующей духовной власти Православной Русской Церкви?»; «Ваше отношение к церковно-обновленческому движению?»; «К какой группировке церковно-обновленческого движения Вы принадлежите и какой Вы сочувствуете?»¹⁷.

На собраниях благочинные объясняли задачи обновленцев на Поместном соборе: на Соборе должны присутствовать «подготовленные» делегаты. Так, благочинный первого отделения Замоскворецкого сорока П.В. Богословский «выяснил необходимость созыва Собора и его задачи, ознакомил с сущностью обновленческого движения в Русской Православной Церкви, с программами групп “Возрождения Церкви”, “Живой церкви”, “Древле-Апостольской”»¹⁸. Однако сам П.В. Богословский, благочинный сорока, был предложен прихожанами лишь как кандидат к выбранным. Он получил право участия на Соборе с решающим голосом по результатам обращения в МЕУ Московского комитета группы «Живая церковь» с просьбой предоставить нескольким священникам такое право¹⁹. Благочинный второго отделения Сретенского сорока доказывал присутствующим на собрании необходимость укоренить в умах верующих «справедливость социальной революции» и указывал на призвание Поместного собора решить эту задачу²⁰. Благочинный третьего отделения Сретенского сорока А.Г. Покровский вел собрание в присутствии представителя ВЦУ Н.Г. Попова.

Все же, несмотря на лаконичность и сухость многочисленных официальных документов, схожих по характеру составления и содержанию, имеются редкие свидетельства, раскрывающие эмоциональную сторону происходивших выборов кандидатов на обновленческий Поместный собор 1923 г.

Обратим, в частности, внимание на доклад, принадлежащий перу члена благочинного собрания Сретенского сорока первого отделения протодиакона С.А. Доброва. Приведем небольшую цитату из его весьма пространныго письма в адрес МЕУ: «После открытого голосования оказалось, что прот. Орлов С.Н. и прот. Добров С.А., заявившие определенно и открыто о своей принадлежности к церковно-обновленческому движению вообще и в частности состоящие членами группы “Живая церковь” получили меньшее количество голосов <...> Т[аким]. о[бразом]. зачислением

Доброва кандидатом были нарушены права диаконской и псаломщической корпорации местного благочиния с одной стороны, а с другой этим намеренным актом условного заболлотирования в лице его оскорблена вся фракция г. Москвы и Епархии, избравшая его председателем этой фракции, с выражением желания иметь его представителем на Собор, о чем ими было оповещено собрание и что послужило причиной его условного заболлотирования»²¹.

Характеристика хода выборов, данная от лица прот. С.А. Доброва, имеет целью формирование представления о неправильности ситуации, ее невыгодности для группы «Живая церковь», чтобы достичь личного участия в деятельности Собора. Другой целью составления такого письма может быть попытка оправдаться перед лицом ВЦУ в неудаче проведенного собрания: ведь в качестве благочинного С.А. Добров мог подвергнуться наказанию за невыполнение распоряжений ВЦУ. Одновременно таким письмом он предупреждал свое руководство заранее о «реакционных элементах» в собрании, стремившихся сорвать его. Стоит отметить, что в «Списке депутатов Съезда духовенства и мирян Московской епархии, избранных на благочиннических собраниях, для выборов членов на Поместный Собор 1923 г.» отсутствуют фамилии представителей от этого отделения²². Вполне оправданно предположить, что обновленцы предпочли избежать появления на Соборе «реакционного элемента». Таким образом, на собраниях прихожан делалось все для того, чтобы Собор утвердил все решения обновленцев.

«Заболлотирование» представителей «Живой церкви» во время голосования не может означать ничего иного, как внутренний протест против реформ, непонимание и нежелание понимать реформы как нужные Церкви. Нельзя не заметить, что автор письма использует эпитет «условное» для своего выражения «заболлотирование». Значит, при всей растерянности прихожан в сложившейся обстановке и в незнании правильного пути поведения в ней предпочтен выбор на Собор тех священников и мирян, которые пользовались доверием прихода. Доверие же в данном случае оказывалось тем, кто держался в стороне от идей обновленчества. Эпитет «условное», как видим, служит выражению мысли С.А. Доброва о сухости и отстраненности по меньшей мере от пропагандируемой обновленцами программы Собора. Со стороны читателя «условность» «заболлотирования» говорит о сдержанности в поведении как членов причта, так и прихожан в отношении к Собору и предлагаемым в его рамках преобразованиям Церкви. В итоге складывается мнение, что это «условность» непризнания Собора и его инициаторов.

Поскольку освещение самого процесса выборов в данных документах – редкость, приходится только предполагать, что при сухом молчании по отношению к Поместному собору 1923 г. возможно наблюдать «условность» того же рода. Подобный подход к выборам наблюдался, очевидно, и в благочинии П.В. Богословского. В пользу такого направления мыслей свидетельствует и то, что отдельными весьма многочисленными списками представлялись кандидаты для участия в Соборе от «Живой Церкви», состоящие из священнослужителей приходов, которые не могли по неоговоренным причинам быть выбранными при своих храмах.

Собор состоялся и был представлен обновленцами как успешный итог их деятельности. Факт признания успешности Собора показывает, как другие их действия, основную черту мышления обновленцев, приведшую их к краху: они мыслили с административно-организационных позиций. Во многом залог успешности их деятельности виделся им в эффективности организационных форм движения. Реализация реформаторских устремлений, неприемлемых с точки зрения большинства московских прихожан и духовенства, насильственными способами могла осуществляться только при отсутствии законной альтернативы власти обновленцев в Москве. Поэтому с освобождением патриарха Тихона из-под ареста, произошедшим фактически сразу после проведения Поместного собора, методы действий обновленцев уже не могли быть достаточно результативными для того, чтобы удержать подчиненные ранее приходы под своей властью.

Примечания

- ¹ См. напр.: *Стратонов И.А.* Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 31–172; *Цытин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М., 2006; *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; и др.
- ² Архивы Кремля: В 2 кн. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 180–182.
- ³ *Стратонов И.А.* Указ. соч. С. 80.
- ⁴ *Краснов-Левитин А.Э., Шафров В.М.* После раскола // Очерки по истории русской церковной смуты. Москва; Кюншахт (Швейцария), 1996. С. 75–76.
- ⁵ Там же. С. 78.
- ⁶ Живая Церковь. 1922. № 3. С. 2.
- ⁷ Там же. № 4–5. С. 24.

- ⁸ Распоряжение Святейшего Патриарха Тихона о назначении настоятеля Московского кафедрального храма Христа Спасителя // Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 79.
- ⁹ Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 23.
- ¹⁰ Член ВЦУ Е.Х. Белков в августе 1922 г. перешел в обновленческое Петроградское епархиальное управление из-за конфликтов с В.Д. Красницким. Противостояли политике В.Д. Красницкого А.И. Введенский и возглавлявший ВЦУ Антонин Грановский.
- ¹¹ ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1об.
- ¹² Живая Церковь. 1923. № 1. С. 4.
- ¹³ Кстати, упомянутые в документе Митрофан Сребрянский и Илья Четверухин ныне причислены Русской православной церковью к лику святых.
- ¹⁴ ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Д. 229. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Д. 6. Л. 97об.
- ¹⁷ См., напр.: Там же. Л. 76–78.
- ¹⁸ Там же. Д. 265. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Д. 6. Л. 98.
- ²¹ Там же. Л. 159–160.
- ²² Там же. Д. 7. Л. 1.

Методика и практика краеведческих исследований

А.В. Ефимов

ХРИСТИАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА В 1630-е ГОДЫ ПО ОСМАНСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Автор анализирует османские первоисточники по истории Крыма первой половины XVII в., представляющие детальную картину массовой миграции крымских христиан из пределов османских владений на территории полуострова в села Крымского ханства. Рассматриваются сообщения европейских миссионеров о причинах миграции.

Ключевые слова: османские владения в Крыму, миграция, налог джизйе, доминиканская миссия.

Известный крымовед А.Л. Бертье-Делагард (1842–1920) не без основания называл эпоху османского владычества¹ в Тавриде «глухой, темной и малоизвестной порой»². Причиной тому являлось полное отсутствие в руках у исследователей источников по истории Крыма этого периода.

Но и сейчас, после публикации серьезного перевода крымской части «Книги путешествий» Эвлия Челеби³, исследования Ю. Озтюрк⁴, серии статей Ж. Вайнштейна и А. Фишера, османская эпоха в Крыму, ставшая менее малоизвестной, тем не менее остается малоизученной.

Работа по выявлению и публикации османских источников, связанных с историей полуострова в XV–XVIII вв., крайне востребована. Эти материалы, остающиеся в большинстве своем не введенными в научный оборот, не только проливают свет на историю османского владычества, но позволяют изменить подходы и в изучении этногенеза крымских народов.

Одними из важнейших источников по истории православного населения Крыма в годы османского владычества являются ар-

живные материалы, хранящиеся в фондах Архива высших органов государственной власти Турции (Başbakanlık Devlet Arşivi).

Особую ценность имеют для нас документы, отражающие этническую ситуацию и столь необходимые для каждого интересующегося местной историей, – материалы, содержащие итоги переписей податного населения Крыма.

Первооткрывателями важнейших документов по истории лива-и Кефе (османских владений в Крыму) являются исследователи Ж. Вайнштейн и А. Фишер⁵. Еще в 1970-е гг. они выявили в фондах Архива высших органов государственной власти Турции дефтеры (рукописные книги), содержащие развернутые материалы османских переписей как всего лива (так называемые тапу тахрир дефтерлери), так и более скромные – джизйе и авариз дефтеры (книги учета налога с немусульманского населения и ведомости по сбору чрезвычайных налогов). К сожалению, ограничившись несколькими общими статьями в периодических изданиях, к публикации выявленных материалов они так и не приступили.

В середине 1990-х гг., находясь на стажировке в IFEA (Французский институт анатолийских исследований, г. Стамбул), мы получили возможность в течение полугода работать с документами Başbakanlık Devlet Arşivi и, пройдя по стопам Вайнштейна и Фишера, изучить описанные ими дефтеры, а также выявить несколько сотен новых документов по социальной истории османских владений, турецко-крымским отношениям, состоянию военных сил и крепостей на территории полуострова.

Благодаря дружеской поддержке французских османистов, и прежде всего доктора Стефана Ерасимоса (1942–2005), нам удалось приблизиться к пониманию особенностей средневековой турецкой дипломатики и перевести тексты двух основных переписей населения лива-и Кефе 1520-х и 1542/43 гг., а также небольшого по объему джизйе дефтера 1651/52 гг. (в части, касающейся греческого населения; переведен и опубликован нами)⁶.

Одним из наиболее ценных и информативных документов является налоговая перепись с неисламского населения османских владений в Крыму за 1044 г. хиджры – 1634/1635 гг.⁷

Перепись имеет традиционное для подобного вида османской документации оформление. На первом листе указывается территория охвата. Текст построен с учетом административно-территориального деления лива-и Кефе. Отдельно выделен город Кефе (л. 4–21), кадылыки Судакский (каза-и Сугдак) (л. 21–34) и Мангупский (каза-и Мангуп) (л. 4–51). В конце дефтера подшита

копия письма кефинских чиновников от 1043 г. хиджры о положении крымских немусульман – райа⁸.

В качестве основной налоговой единицы османские переписи указывают хане – этот термин можно перевести как «двор» или «семейство». Имя старшего в семье и вносилось в ведомость. Общая численность членов семьи варьировалась от пяти до десяти человек.

В джизйе дефтер 1634 г. внесено 3 200 хане: каза-и Кефе – 1267, каза-и Керш – 24, каза-и Сугдак – 642, каза-и Манкуб – 1267⁹.

Дефтер 1634 г. отличается от подобных документов начала XVII в. тем, что в нем учтены переселенцы как вышедшие из пределов лива-и Кефе и обосновавшиеся в селах Крымского ханства, так и перешедшие из одного села в другое в границах османских владений. При упоминании имен глав семейств переселенцев дефтердар (составитель дефтера) сделал приписки с указанием сел¹⁰, из которых они вышли.

Дефтер дает детальную картину массовой миграции крымских немусульман (подданных турецкого султана) в пределах османских владений и о выходе их из мест своего исторического проживания в пределы Крымского ханства. В дефтере зафиксирован переход части переселенцев из одного села в другое уже в пределах Крымского ханства.

Во всех 76 селах Судакского и Мангупского кадылыков в 1634 г. учтено 1452 семей иноверцев: 579 семей выселились, 312 переселились.

В 26 селах Судакского кадылыка в 1634 г. учтено 494 семейств иноверцев-немусульман. В села этого кадылыка переселились 99 семейств, выселились же 236 семейств. В села Крымского ханства из Судакского кадылыка вышли 133 семейства. О шести семействах из этих переселенцев указано, что они сменили места жительства, перейдя из одного ханского села в другое¹¹.

В 50 селах Мангупского кадылыка в 1634 г. учтены 958 семейств иноверцев. В села этого кадылыка переселились 213 семейств, выселились 343 семейства. В села Крымского ханства из Мангупского кадылыка вышли 215 семейств. 18 семейств из этих переселенцев перешли из одного ханского села в другое¹².

В 1634 г. в 17 селах Крымского ханства учтены 348 семей переселенцев из Судакского и Мангупского кадылыков лива-и Кефе. Из этого числа 24 семейства перешли из одного ханского села в другое.

Как следует из документа, каждая третья семья немусульман, проживавшая в Судакском и Мангупском кадылыках, покинула места своего исторического проживания, половина из ушедших осела в селах Крымского ханства.

О причинах и последствиях столь массовой миграции мы узнаем из писем кефинских чиновников в Стамбул, из фирманов османских султанов первой половины XVII в., а также же из отчетов доминиканской миссии Джованни Джулиани¹³. Именно в сообщениях католических священников содержатся важные детали, проясняющие содержание сухих финансовых документов османов.

В письме кефинских чиновников 1634 г. говорится, что иноверцы «разбежались и рассеялись» из-за нападений «злосчастных русских разбойников». Разбойники, о которых идет речь, очевидно, казаки, совершавшие регулярные набеги на крымское побережье.

Подтверждение этому факту мы находим в сообщении члена доминиканской миссии в Кефе Эмидио д'Асколи, датированном 1634 г.: «Козаки разрушают, грабят, жгут, уводят в рабство, умерщвляют». И далее, описывая набег на г. Карасубазар, он сообщает: «Козаки разграбили и сожгли множество лавок, убивая всех им попадавшихся; такая участь постигла даже некоего армянского священника»¹⁴.

Исходя из данных дефтера, мы можем локализовать районы, из которых происходила основная миграция; это прибрежные села южного и юго-восточного Крыма: Кутлак, Ай-Серез, Шелен, Арпат, Ворон, Капсихор, Ускут, Куру-Узень, Улу-Узень, Демирджи, Алушта, Ланбат, Партенит, Лимен, Ските, Йалта, Мисхор¹⁵.

Это находит свое подтверждение и в сообщениях Эмидио д'Асколи, в главе, посвященной описанию Черного моря. Говоря о морских походах казаков, он сообщает: «До 30, 40 и 50-ти челнов спускаются ежегодно в море и в битвах причиняют столь жестокий вред, что берега всего Черного моря стали совсем необитаемы, за исключением некоторых местностей, защищенных хорошими крепостями»¹⁶. И далее при описании местности, лежащей в окрестностях Судака, д'Асколи замечает: «Окрест города обильно производятся превкусные и крепкие вина, а также произрастают прекрасные и нежные плоды... но в настоящее время там нельзя собирать виноград, потому что казаки ходят туда грабить десятину»¹⁷.

Именно из сел, лежащих на побережье от Судака до Алушты, согласно внесенным в дефтер сведениям, вышло наибольшее число переселенцев.

Христиане – подданные султана – выходили в села Крымского ханства, расположенные в окрестностях, далеких от побережья городов Карасубазара, Ак-Мечети и Бахчисарая. Вероятно, семьи этих переселенцев из лива-и Кефе стали основой при формировании христианских общин в селах Крымского ханства: Айан, Сти-

ля, Йени-Сала, Кара-Коба, Орталан, Сартана. Из этих селений в 1778 г. были выведены на берега Азовского моря многочисленные семейства румеев (грекоязычных крымских христиан), поселения которых и по сей день существуют в Донецкой области Украины.

Эмидио д'Асколи также свидетельствует о выходе жителей лива-и Кефе в Карасубазар, при этом данное обстоятельство стало причиной дипломатического конфликта: «Падишах неоднократно посылал к хану приказание уничтожить этот город Карасу, так как его подданные, а в особенности иноземцы, проживающие в Каффе, постоянно уходят с семьями на жительство в Карасу и таким образом пропадает подать, *viva Karag*¹⁸, как они говорят. На все эти приказания хан ответил, что паше следует управлять помягче, не подвергая подданных дурному обращению, и тогда в Каффу возвратятся не только подданные падишаха, но и многие из подданных хана перейдут туда же, так как Каффа богатый приморский город, и не останутся в Карасу»¹⁹. И далее д'Асколи замечает, что «под тарином живешь несравненно спокойнее и платишь меньше дани, чем под турком»²⁰.

Несомненно, экономические причины, наряду со спасением от набегов казаков, стали основными при выходе христиан в 1630-е гг. в пределы Крымского ханства.

Находящиеся в наших руках османские налоговые документы со второй половины XVII в. не фиксируют христианских общин в большей части сел Судакского кадылыка. Оставленное христианами имущество было передано османскими чиновниками мусульманам – переселенцам из охваченных бунтами и подверженных многолетним неурожаям санджаков Восточной Анатолии.

Османские налоговые документы являются одними из важнейших источников по истории Крыма. Они содержат уникальные свидетельства не только о демографической ситуации на полуострове, но и дают исследователям ценнейший материал по топонимике, истории административно-территориального деления, традиционному сельскому хозяйству, антропонимике. Надеемся, что публикация их переводов станет полезным приобретением для научного крымоведения.

Приложение 1

Письмо кефинского мирмирана
Ибрахим и Мехмеда Хаджи 1634 г.
о сборе налогов с немусульман лива-и Кефе²¹

Находящиеся в вышепомянутых *каза* Кефе, Керш и Сугдак и Мангуп крымские райя в прежнее время были занесены в налоговую опись²² Фахиром(?) Хасан-ага, и, согласно описи, каждые два года со всех обложенных подушной податью [*джизие*] оная взималась, но затем произошло нападение злосчастных русских разбойников, и те крымцы остались голыми [лишенными всего] и погорельцами, райяты же рассеялись и разбежались. По этой причине в 1043 (1634) г. в помянутые каза были присланы благородный высокочтимый указ [*ферман*] о меньшем [*кем*] взимании подушной подати, а также заново составленный [*невбафте*] (?) государев реестр с *тугрой*, подтверждающие благородные повеления по отношению к сим рабам. Согласно высочайшему указу, по праву и справедливости и при посредстве закона [по шариаду], этих рабов из старого реестра сорок семейств [*хане*] покровительствуемых немусульман²³ были занесены в налоговую опись, один экземпляр которой был отдан на хранение в суд города Кефе, другой же потерялся, о чем было доложено (одно слово неразб.) *хараджа*²⁴. И в году 1043, по необходимости, согласно новой описи, зарегистрированной по милости повелителя, было проведено налогообложение, впоследствии же слуги *мирмирана*²⁵ потребовали от райятов уплаты *испенча*²⁶ по новой описи. Жители же Кефе, прибывшие из других стран, платили подушную подать после трехмесячного проживания в городе, и записывались [в налоговую опись] юноши, начиная с 15-летнего возраста, о чем и было доложено (во дворец). Решение остается за обителю справедливости [султанским дворцом]. Написано в 1043 г.

Ибрахим, мирмиран и распорядитель имущества,
переписчик (прошения),
Кефе Мехмед Хаджи (титул неразб.)

*Приложение 2*Села Крымского ханства, в которые вышли переселенцы
из Судакского кадылыка лива-и Кефе²⁷

Айан – дворов иноверцев 38 (из них дворов переселившихся 38). Села, из которых переселились (с указанием дворов): Улу Узень – 1, Партенит – 1, Демирджи – 19, Капсихор – 2, Корбек – 3, Алушта – 6, Ланбат бала – 6.

Йени-Сала – дворов иноверцев 13 (из них дворов переселившихся 13). Села, из которых переселились (с указанием дворов): Партенит – 1, Капсихор – 2, Улу Узень – 3, Демирджи – 3, Куру-Узень – 4. Количество дворов выселившихся – 6. Села, в которые выселились (с указанием дворов): Бешев – 2, Инкерман – 1, Качи-Калйан – 1, Коклус – 1, Узенбаш – 1.

Кале-и нефс Кирым – дворов иноверцев 3 (из них дворов переселившихся 3). Села, из которых переселились: Папа Кирыако – 1, Ворон – 1, Ускут – 1.

Кара-Коба – дворов иноверцев 9 (из них дворов переселившихся 9). Села, из которых переселились: Ай-Серез – 2, Куру-Узень – 2, Улу Узень – 5.

Орталан – дворов иноверцев 8 (из них дворов переселившихся 8). Села, из которых переселились: Улу Узень – 1, Ай-Серез – 2, Шелен – 5.

Сартана – дворов иноверцев 62 (из них дворов переселившихся 62). Села, из которых переселились: Кутлак – 1, Тувак – 1, Ворон – 10, Арпат – 2, Кучук-Узень – 2, Ускут – 25, Улу Узень – 3, Капсихор – 6, Куру-Узень – 6, Ай-Йорги – 7.

Всего в селах Крымского ханства, расположенных в окрестностях Карасубазара и Ак-Месджида, вышло 133 двора переселенцев из лива-и Кефе. 6 дворов, выйдя первоначально в селение Йени-Салу, после перешли в другие села ханства.

*Приложение 3*Села Крымского ханства, в которые вышли переселенцы
из Мангупского кадылыка лива-и Кефе

Бешев Бешев – дворов иноверцев 14 (из них дворов переселившихся 14). Села, из которых переселились: Корбекли – 3, Ланбат бала – 1, Фоти – 5, Сурен – 1, Черкес Кермен – 1, Йени Сала – 2, Гурзуф – 1.

Бодрак – дворов иноверцев 3 (из них дворов переселившихся 3). Село, из которого переселились: Бахадыр – 3.

Истиля – дворов иноверцев 23 (из них дворов переселившихся 23). Села, из которых переселились: Кучук-Узень – 1, Дерекой – 1, Ай-Йорги – 1, Шума – 2, Йалта – 2, Агутка – 2, Гаспра (?) – 2, Папа Никола (?) – 2, Бахадыр – 3, Узенбаш (?) – 7.

Качи-Калйан – дворов иноверцев 10 (из них дворов переселившихся 9). Села, из которых переселились: Йени-Сала – 1, Керменчик (земля хана) – 1, Черкез-Кермен – 1, Папа Никола (?) – 3, Отар – 4.

Керменчик – дворов иноверцев 60 (из них дворов переселившихся 40). Села, из которых переселились: Мангуб – 2, Алушта – 1, Бахадыр – 1, Кучук-Мускомйа – 1, Папа (?) – 1, Папа Никола (?) – 1, Байдар (?) – 2, Симеиз – 3, Саватка – 3, Ай-Йорги – 3, Отар – 4, Сурен (?) – 5, Мисхор – 8. Количество дворов выселившихся – 4. Села, в которые выселились (с указанием дворов): Качи-Калйан – 1, Шуры – 3.

Коуш – дворов иноверцев 34 (из них дворов переселившихся 30). Села, из которых переселились: Ускут – 1, Ланбат бала – 1, Партенит (?) – 1, Ските – 2, Агутка – 2, Черкез-Кермен – 2, Отар – 3, Узенбаш (?) – 3, Карань – 4, Сурен (?) – 4, Гурзуф – 5.

Майрам – дворов иноверцев 10 (из них дворов переселившихся 10). Села, из которых переселились: Инкерман – 1, Мангуб – 1, Сурен (?) – 1, Отар – 2, Папа Никола (?) – 2, Чоргун – 3.

Манкуш – дворов иноверцев – 15 (из них дворов переселившихся 15). Села, из которых переселились: Фоти Сала (?) – 2, Отар – 5, Гурзуф – 3, Маркур – 2, Папа Никола (?) – 1.

Сурен – дворов иноверцев 23 (из них дворов переселившихся 23). Села, из которых переселились: Камаре – 2, Маркур (?) – 2, Бахадыр – 2, Мисхор (?) – 1, Папа Никола (?) – 1. Количество дворов выселившихся – 14. Села, в которые выселились (с указанием дворов): Бешев – 1, Керменчик – 5, Коуш – 4, Куба (?) – 1, Кучук-Мускомйа – 1, Майрам – 1, Улу-Сала – 1.

Шуры – дворов иноверцев 20 (из них дворов переселившихся 20). Села, из которых переселились: Папа Никола (?) – 1, Дерекой – 2, Мисхор – 2, Кучук-Мускомйа – 2, Керменчик (земля хана) – 3, Гурзуф – 4, Фоти (?) – 4.

Йени-Сала – дворов иноверцев 3 (из них дворов переселившихся 2). Села, из которых переселились: Кикенеиз – 1, Папа Никола (?) – 1.

Всего в селах Крымского ханства, расположенных в окрестностях Бахчисарая, учтено 215 дворов иноверцев, из них 186 дворов вышли из лива-и Кефе. 18 дворов, выйдя первоначально в селения Керменчик и Сурен, после перешли в другие села ханства. Дворов иноверцев – 14 (из них дворов переселившихся 14). Села, из которых переселились: Корбекли – 3, Ланбат бала – 1, Фоти – 5, Сурен – 1, Черкес Кермен – 1, Йени Сала – 2, Гурзуф – 1.

Примечания

- ¹ Период с 1475 по 1774 г.
- ² Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1902. Т. XXIV. С. 91.
- ³ *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Вступит. ст., пер. с осм. языка, коммент. Е.В. Бахревского. 2-е изд. Симферополь, 2008.
- ⁴ *Öztürk Yücel*. Osmanlı Hakimiyeti'nde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000.
- ⁵ *Fisher Alan W.* Ottoman sources for a study of Kefe vilayet: The Maliyeden Müdevver fond in the Başbakanlık Arsivi in Istanbul // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978. Vol. 19. № 1–2. P. 191–205.
- ⁶ Из джизйе дефтера лива-и Кефе 1652 г. // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. Симферополь, 2000. С. 283–290
- ⁷ BDA (Başbakanlık Devlet Arşivi). Ф. Maliyeden Müdevver. № 3722. В дефтере 51 лист. Размер 40x15 см. Почерк рукописи – сийкат.
- ⁸ См.: Приложение 1; Перевод письма с османского языка осуществил по нашей просьбе Ю.А. Аверьянов.
- ⁹ В списках Мангупского кадылыка указано и 76 еврейских семейств, проживавших в крепости Мангуп.
- ¹⁰ Некоторые села пока не поддаются локализации. Возможно, топонимы Папа Кирийако и Папа Никола – это названия христианских общин одного из городских центров лива-и Кефе.
- ¹¹ См.: Приложение 2.
- ¹² См.: Приложение 3.

- ¹³ *Loenertz R.J.* De missione fratrum praedicatorum in Taurica Chersoneso saeculo XVII // *Archivum scriptorum Ordinis praedicatorum*. XXI (1933–1934). P. 45–55.
- ¹⁴ *Д'Асколи Э.* Описание Черного моря и Татарию // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1902. Т. XXIV. С. 98.
- ¹⁵ См.: Приложение 2, 3.
- ¹⁶ *Д'Асколи Э.* Указ. соч. С. 98.
- ¹⁷ Там же. С. 122.
- ¹⁸ Харадж – одно из названий налога, взимаемого с немусульман.
- ¹⁹ *Д'Асколи Э.* Указ. соч. С. 120.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ВДА. Ф. Maliyeden Müdevver. № 3722. Л. 52.
- ²² Тахир дефтери.
- ²³ Зимми.
- ²⁴ Поземельного налога.
- ²⁵ Двухбунчужного паши.
- ²⁶ Разновидность подушного налога с немусульман.
- ²⁷ В таблицу внесены сведения о числе дворов переселенцев из лива-и Кефе, осевших в селах Крымского ханства (кол. 3, 5), и числе дворов переселенцев из лива-и Кефе, выселившихся из одного ханского села в другое (кол. 4, 6).

В.В. Павленко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ
ПРАЗДНОВАНИЯ 100-ЛЕТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Данное исследование посвящено истории подготовки и проведения в Смоленской губернии в 1911–1912 гг. торжеств, посвященных столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года. На основании архивных документов и материалов периодической печати восстановлены основные этапы подготовки торжеств. Они прошли при взаимодействии губернских, земских и военных властей Смоленской губернии, а также научной общественности. А кульминацией празднования стали торжества 5 и 6 августа 1912 г. в Смоленске и визит в город императора Николая II с семьей 30 августа 1912 г.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Смоленская губерния, Николай II, икона Божией Матери Одигитрия, памятники, молебны, парады.

На основании архивных документов и периодической печати мы можем частично восстановить картину далеких дней 1911–1912 гг., когда в России шла активная подготовка к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года, в том числе и в Смоленской губернии.

Высочайше утвержденная в мае 1910 г. Межведомственная комиссия по обсуждению вопросов, связанных с предстоящим юбилеем Отечественной войны 1812 года, признала необходимым собрать сведения по губерниям, где проходили военные действия, какие существуют памятники войны 1812 г., в каком они находятся состоянии и какая потребуется сумма на их реставрацию. В то же время Комиссия выразила надежду, что местные городские и

земские общественные учреждения примут на себя заботу об их ремонте. Она признала и необходимость увековечить историческую годовщину в городах, отмеченных боями 1812 г., установкой колонн, обелисков и других сооружений в память Отечественной войны или основанием таких общественных учреждений, как больницы и инвалидные дома.

Генеральный штаб обязал представить в начальство Варшавского, Виленского, Киевского и Московского военных округов подробные сведения о количестве и состоянии братских могил, находящихся в пределах их округов, которые относятся к войне 1812 г., сообщив вместе с тем и о тех мероприятиях, которые следует осуществить для приведения могил в надлежащий вид, с приложением подробных смет расходов.

Какие же мероприятия были проведены в Смоленской губернии, которая первая встретила французов в 1812 г.?

В начале 1911 г. смоленское дворянство выделило средства на работы по разборке местного дворянского архива, в котором хранились в основном дела смоленского ополчения. Все эти документы после обработки предлагалось опубликовать.

Смоленское губернское земское собрание в это же время выделило 3 тыс. руб. на издание юбилейного сборника в память Отечественной войны 1812 года, который предложила опубликовать группа смолян, проживавших в Санкт-Петербурге. Ответственным за подготовку издания был выбран гласный Краснинского уездного суда Смоленской губернии В.М. Вороновский. И в связи с этим комиссия по изданию сборника обратилась к населению губернии с просьбой прислать имеющиеся у него манускрипты, документы и предметы, относящиеся к эпохе 1812 года. Программа сборника включала в себя статьи по истории Отечественной войны, смоленского дворянства и его ополчения, описание военных действий в Смоленской губернии при наступлении французов на Москву и при их отступлении, о памятниках Отечественной войны, о смоленских партизанах и биографии смоленских героев.

Также смоленское губернское земское собрание предложило обратиться в правительство с просьбой об открытии в Смоленске кадетского корпуса, которого город лишился после французского нашествия, и приобретения в казну разрушающегося домика Щелкиной в Красном, где останавливался Наполеон, чтобы там устроить музей и библиотеку. Оно также выступило с предложением открыть подписку на памятник герою боя под Красным генералу Неверовскому и присвоить народным школам Краснинского уезда Смоленской губернии наименования в память столетия Отечественной войны¹.

И даже смоленское общество сельского хозяйства решило приурочить очередную сельскохозяйственную областную выставку к 100-летию юбилею Отечественной войны.

По распоряжению командующего войсками Московского военного округа в Москве, Смоленске и Малоярославце в начале 1911 г. были образованы военные комиссии по вопросу о праздновании юбилея Отечественной войны. В Смоленске комиссия обсуждала вопрос об установке памятников на всех полях и местах боев. Но некоторые члены комиссии предлагали установить все памятники только в Смоленске, на новом бульваре в честь 100-летия войны 1812 года, другие же считали более целесообразным отмечать сами поля сражений монолитными памятниками с высеченными на них надписями, так как они расположены повсюду и могут более ярко напоминать местному населению о минувших событиях и иметь большое воспитательное значение. Также на заседании комиссии в июле 1911 г. обсуждался вопрос о том, что празднование должно быть общегородским, а также в городских народных школах. Предполагалось отметить юбилейные дни торжественными богослужениями, чтениями и раздачей учащимся книг и брошюр о войне².

Смоленская городская дума в память войны 1812 года предложила открыть в Смоленске вторую классическую гимназию и даже отменить переводные экзамены в учебных заведениях города в 1912 г.³

Командир 1-й батареи 13-й артиллерийской бригады обратился к смоленскому городскому голове с заявлением, где отмечал, что «...русские войска, когда уходили из Смоленска, взяли с собой икону Смоленской Божьей Матери Одигитрия». С 6 августа по 8 сентября 1812 г. икона находилась с 1-й батареей, носившей название «батареиной 3 роты 3 артбригады». После войны икона была возвращена в Смоленск. Предлагалось к юбилею увековечить память о маршруте следования иконы с ротой установкой мраморной доски с надписью. Командир батареи просил городского голову решить вопрос о месте установки доски и предлагал для этого два варианта: у Мстиславских ворот, где располагалась батарея во время боевых действий в городе, или у Днепровских ворот, где батарея была расквартирована в 1911 г.⁴

В двадцатых числах июля 1912 г. в смоленскую городскую управу была доставлена мраморная доска с описанием пути иконы Божией Матери Одигитрия в походе с русскими войсками после оставления Смоленска для крепления к стене Смоленского Успенского собора⁵.

Смоленская городская дума тоже обсуждала вопрос о юбилейном чествовании столетия войны. По смете городской управы

устройство бульвара возле памятника подполковнику Энгельгарду, расстрелянному французами в 1812 г., должно было обойтись городу в 4327 руб. 79 коп., установка на этом же бульваре памятника фельдмаршалу Кутузову – в 1500 руб. Городская дума по предложению гласного Е.Г. Залесского решила открыть в пределах Смоленской губернии подписку на сооружение памятника Кутузову⁶.

Что касается самого города, то было принято предложение избрать храмом-памятником Малаховские ворота, установив на них мраморные доски с названиями войсковых частей, совершивших подвиги под Смоленском, и именами отдельных лиц, павших в боях под Смоленском. Малаховские ворота были построены во времена императора Николая I на месте старых разрушенных ворот, и именно они были главным местом боев 4 и 5 августа 1812 г. Теперь же в них помещалась полковая церковь Софийского полка, который участвовал в тех боях, а в 1912 г. был расквартирован в Смоленске⁷.

В Смоленскую городскую думу поступали предложения переименовать одну из городских улиц в улицу Кутузова, а Верхнее-Пятницкую улицу – в «улицу 1812 года» или назвать ее в честь одного из героев войны, например Багратиона⁸.

К предстоящему юбилею Отечественной войны комитет по сохранению крепостной стены в Смоленске постановил прикрепить ко всем башням стены чугунные доски с соответствующими надписями и сделать вдоль всей стены деревянные тротуары для прохода и осмотра ее туристами, посадить вокруг тротуаров деревья, а все амбразуры стены закрыть решетками⁹.

В середине августа 1912 г. на крепостной стене, выходящей на бульвар, в память Отечественной войны стали крепить металлические доски от Московского, Псковского, Иркутского, Либавского, Петрозаводского, Мурманского, Двинского, Томского и Финляндского полков и от 6-го саперного батальона в знак памяти и признательности предкам, пролившим кровь в боях под Смоленском¹⁰.

К юбилею в Смоленске была произведена и реставрация Успенского собора, который, по воспоминаниям участников войны, так поразили императора Наполеона.

И наконец, губернская земская управа предложила объединить усилия всех местных общественных и сословных учреждений в деле празднования юбилея. Поэтому городская комиссия из представителей всех заинтересованных ведомств под председательством командира 13-го армейского корпуса генерала от инфантерии Эверта разработала и представила на высочайшее утвержде-

ние предложения о времени и порядке празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года, а в июле 1912 г. Николай II их одобрил. Так, было решено празднование юбилея в Смоленске провести 3–6 августа 1912 г., а не 25–26 августа, как во всей России, так как именно в эти первые августовские дни 1812 г. шли самые ожесточенные бои под Смоленском, и празднование юбилея в эти дни представлялось членам комиссии исторически более правильным. Учитывался и тот фактор, что перенесение торжеств на начало августа позволит привлечь к участию в праздновании все войска смоленского гарнизона, так как с 10 августа они выступали в лагерь, а участию большого количества войск придавалось особое значение.

Программа празднеств в честь 100-летия войны 1812 года и обороны Смоленска от французов включала следующие мероприятия. Должен был состояться крестный ход с иконой Смоленской Божьей Матери Одигитрия, намечались к проведению торжественные заседания дворянского собрания, архивной комиссии, церковно-археологического комитета, а также открытие сооружаемых памятников и юбилейных досок. Планировалось организовать народный праздник с музыкой и раздачей юбилейных брошюр.

И, как сообщалось в «Правительственном вестнике» от 3–8 августа 1912 г., в Смоленске прошли грандиозные торжества в честь 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года.

Так, 3 августа после литургии из Успенского собора Смоленска отбыла на Бородинское поле чудотворная икона Смоленской Божьей матери. Икону провожали все местные власти: губернатор, губернский предводитель дворянства князь Урусов, представители военного и гражданского ведомств, земского и городского управления, войска смоленского гарнизона с оркестрами музыки, игравшими «Коль славен» и тысячи молящихся, которые стояли вдоль дорог.

4 августа в присутствии властей и духовенства была совершена в кафедральном соборе заупокойная литургия, а затем на плац-парадном месте у памятника 1812 году совершили панихиду по воинам, павшим под Смоленском. Вечером в зале дворянского собрания состоялось юбилейное заседание ученой архивной комиссии, церковно-археологического комитета и вяземского комитета 1812 г. Председательствовал губернский предводитель дворянства князь Урусов. Город был роскошно иллюминирован.

5 августа в городском Лопатинском саду после панихиды, совершенной в присутствии командующего войсками Московского военного округа генерала Плеве, Варшавского военного округа

генерала Скалона и Иркутского военного округа генерала Эверта, губернатора, губернского предводителя дворянства и командира 13-го армейского корпуса генерала Алексеева, войск гарнизона, властей города, депутатов от иркутского гусарского полка был торжественно открыт памятник герою Отечественной войны 1812 года генерал-майору Скалону. Памятник представлял высокую, в 2 сажени, колонну из серого гранита. Наверху колонны, на его лицевой стороне, выбит крест. На передней стороне надпись «Генерал-майор Антон Антонович Скалон – шеф иркутского драгунского полка». На другой стороне «Похоронен французами 8 августа 1812 года в Королевском бастионе в присутствии Наполеона со всеми воинскими почестями». На задней стороне, обращенной к крепости, – «Памятник поставлен внуками генералом от кавалерии Дмитрием Антоновичем Скалоном и генерал-адъютантом Георгием Антоновичем Скалоном в 1912 г». С левой стороны выгравировано: «Командуя иркутским, сибирским, оренбургскими драгунскими полками, был убит картечью 5 августа в бою под Смоленском». На памятник возложили венки внуки покойного генерала, представители иркутского гусарского полка.

Еще зимой 1911 г. в Смоленск приезжал внук Скалона Георгий Антонович Скалон – варшавский генерал-губернатор, который по привезенному с собой плану определил, где был погребен А.А. Скалон. Памятник был изготовлен в Смоленске¹¹.

В этот же день, 5 августа, в Богоматеринском храме было совершено всенощное бдение с чтением акафиста перед чтимым образом Богоматери Одигитрия.

6 августа начался крестный ход из кафедрального собора в лагерь на Покровской горке к дивизионной церкви. Все духовенство города собралось в Успенский собор на торжества, и к 11 часам крестный ход подошел к Богоматеринскому храму. Образ несли представители смоленского общества хоругвеносцев и представители всех полков. Был совершен торжественный молебен, а затем состоялся общий войсковой парад. В этот же день в губернской управе в присутствии губернатора состоялось заседание юбилейной комиссии, на которой был прочитан доклад об участии Смоленска и губернии в войне 1812 года¹².

В тот же день на Бульваре 1812 года между памятником П.И. Энгельгардту и «губернаторским проломом» состоялась закладка памятника в память боев под Смоленском и событий 1812 года. При закладке памятника присутствовали по полуроте от Софийского, Нарвского и Копорского полков, которые участвовали в боях под Смоленском. Проект памятника 1812 года был под-

готовлен инженером подполковником Н.С. Щуцманом. Памятник был открыт спустя год, в августе 1913 г., в центре главной аллеи разбитого сквера. Постройкой его заведовала специальная комиссия под председательством начальника дивизии генерала Угрюмова и генерала Пестича, вице-губернатора и городского головы. Памятник представлял собой двенадцатиаршинную гранитную скалу, в середине которой на лицевой стороне укреплена бронзовая доска с картой России и золоченой надписью «Благодарная Россия героям 12 года». По уступам скалы взбирается галл с мечом в руке к орлиному гнезду, расположенному на вершине. Гнездо охраняют два орла, по числу армий, защищавших Смоленск. Причем шестиаршинный бронзовый орел схватил лапой руку галла и остановил занесенный меч, а второй орел готов броситься в помощь первому. На оборотной стороне, где помещена карта, размещены имена героев, а с боковых сторон к скале прислонены два больших бронзовых венка, в одном из них помещается государственный герб, а в другом – герб Смоленска¹³.

И уже после окончания официальных смоленских торжеств в прессе появилась информация, что второй пехотный Софийский императора Александра III полк приступил к сооружению памятника в честь геройских подвигов своих предков, участвовавших в обороне Смоленска. Памятник будет сооружен на средства полка в Лопатинском саду на Королевском бастионе, с которого открывается прекрасный вид на Заднепровскую часть города и Свирское предместье, откуда маршал Ней вел атаки на Королевскую крепость.

В Смоленске 15 августа на Окопском кладбище была совершена торжественная панихида на могиле героя Отечественной войны, первого смоленского историка, священника о. Никифора Мурзакевича, который спас смоленскую святыню – кафедральный собор от разграбления и уничтожения французами.

Празднование проходило и в других городах Смоленской губернии: в Вязьме было приурочено к 22 октября, дню боя под Вязьмой, при отступлении французской армии; а в Красном – к 5 ноября, дню боя под Красным¹⁴. Но все же и в Красном торжества начались в августе.

29 июня 1912 г. Николай II разрешил начальнику штаба 13-го армейского корпуса соорудить на братской могиле в г. Красном памятник павшим в боях 2 августа, 5 и 6 ноября 1812 г. 2 августа 1912 г., как сообщали газеты, в Красном, в присутствии громадных толп народа, после торжественного богослужения в соборе, была пронесена крестным ходом икона Смоленской Божьей Матери к памятнику на Братской могиле. Там был отслужен молебен с

возглашением вечной памяти императору Александру I и павшим воинам. Начальник штаба корпуса генерал Пестич произнес речь, а прибывшие на праздник войска прошли перед памятником торжественным маршем.

Смоленск избрали и последним пунктом программы празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны. По пути на отдых в Беловежскую пущу всего на 4 часа император Николай II с семьей остановился в Смоленске. Еще в январе 1912 г., когда императору представлялся Смоленский губернатор камергер Н.И. Суковкин, Николай выразил желание посетить Смоленск в августе 1912 г.

В конце июня 1912 г. было созвано совершенно секретное совещание при участии представителей от дворцового коменданта, начальника губернского жандармского управления, начальника местных отделений полицейских управлений железных дорог и смоленского полицмейстера. Совещание, обсуждая вопрос о месте остановки в Смоленске императорского поезда и высочайшего выхода из вагона, пришло к заключению, что «ввиду неудовлетворительного состояния городского вокзала, требующего капитального ремонта, необходимо строительство специальной ЦАРСКОЙ платформы на Ново-Петербургской улице, благодаря чему не только значительно сократится путь следования государя по городу и не надо будет проезжать по прилегающим к вокзалу очень узким и неблагоустроенным улицам, совершенно не приспособленным для высочайшего проезда»¹⁵.

Была подготовлена и 7 августа 1912 г. высочайше утверждена программа посещения Николаем II Смоленска.

31 августа в 2 часа дня царский поезд прибыл в Смоленск, где его на специально построенной платформе встречал почетный караул, местные начальники и депутация из 12 уездных предводителей дворянства Смоленской губернии вместе с губернским предводителем дворянства. Затем императорская семья отправилась в кафедральный собор.

После посещения собора все отправились к памятнику 1812 года, где на плац-парадном месте Николая II и Александру Федоровну встречали учащиеся и директора средних учебных заведений Смоленска. Потом царственные гости осмотрели Лопатинский сад с Королевским бастионом, откуда открывался прекрасный вид на поле, где в 1812 г. сражались защитники Смоленска. В 15.30 состоялось посещение открываемого в память Отечественной войны Бульвара 1812 г., на котором 6 августа был заложен памятник павшим и планировалось открытие памятника фельдмаршалу Кутузову. На заключительной части торжественной церемонии и

присутствовал император. После этого в течение получаса царь с семьей осматривал Музей русской старины, собранный княгиней Тенишевой. В завершение визита состоялось посещение дома Смоленского дворянства, где гостям был предложен чай и императору поднесли сборник «Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии» от депутации смоленского губернского земства, издание смоленского дворянства «Смоленское дворянское ополчение 1812 года», составленное дворянином Иваном Лесли и юбилейное издание «Смоленская старина, выпуск 11, 1812–1912» от Смоленской ученой архивной комиссии во главе с ее председателем, губернским предводителем дворянства князем Урусовым. В 6 часов вечера император отбыл из Смоленска.

Губернское земство просило, чтобы император посетил и губернскую земскую управу, лежащую по пути следования царского картежа, рядом с бульваром 1812 года, но от этого пункта пришлось отказаться¹⁶.

В своем дневнике император Николай II записал: «В 6 часов покинули Смоленск под прекрасным впечатлением приема и порядка в городе...»¹⁷

Примечания

1 Правительственный вестник. 1911. № 164. С. 2.

2 Там же.

3 Там же. 1912. № 77. 6 апреля. С. 3.

4 Там же. № 48. 29 февраля. С. 3.

5 Там же. № 167. С. 2.

6 Там же. № 233. 1911. 1 ноября. С. 3.

7 Там же. С. 4.

8 Там же. 1911. № 127. С. 2.

9 Там же. С. 3.

10 Там же. 1912. № 172. С. 2.

11 Смоленский вестник. 1912. № 172. 1 августа.

12 Правительственный вестник. № 173–175. С. 3, 5.

13 Смоленский вестник. 1912. № 177.

14 ГАРФ. Ф. 102. Д. 121. Л. 29–30.

15 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

16 Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 388. Л. 742.

17 Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. М., 2012. С. 293.

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИИ
XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье рассматривается Каспийское море как природная контактная зона, образующая социоэкономическое пространство, которое формирует свобода перемещения (морское судоходство) товаров, капиталов, рабочей силы и информации, оказывающей особое влияние на регионализацию территории. Отдельные участки побережья Каспия на протяжении XIX в. принадлежали не только России, но именно ей, располагая морскими транспортными, транзитными и геостратегическими возможностями, удалось сформировать мирохозяйственные связи (в первую очередь, с Персией) и расширить контуры Прикаспийского региона, включив в его влияние даже отдаленные внутренние губернии России, превратить ряд незначительных по грузооборотам пристаней и морских портов в крупные транспортно-распределительные узлы.

Ключевые слова: Прикаспийский регион, Каспийское море, контактная зона, морское судоходство, торгово-транспортный флот, социоэкономические связи и грузооборот каспийских российских и персидских портов.

Изучение пространственно-временных закономерностей организации региональных систем, где крупные природные объекты представляли собой своеобразное сочетание факторов, позволяющих поставить вопрос о своеобразии исторического развития той или иной территории, т. е. ее регионализации, представляется актуальной задачей региональной истории. Пространственная организация экономического развития России не может рассматриваться без природной среды, которая всегда оказывает влияние не только на хозяйственную деятельность человека, но и на многие стороны общественной жизни. Под ее воздействие

попадают как политико-административные аспекты устройства той или иной территории, так и связанные с ней экономические и социокультурные процессы. Объектом исследования статьи в данном контексте является обширная территория, тяготеющая в период XIX – начала XX в. к Каспийскому морю, вокруг которого сталкивались интересы не только России, но ряда других стран, заинтересованных в укреплении своих политико-экономических позиций на Среднем Востоке.

Геополитическая динамика побережья Каспия была чрезвычайно сложной, она меняла свое содержание на протяжении XIX в. в зависимости от внешнеполитических устремлений и военных действий России и Персии (при определенном влиянии Англии).

Экономико-географическое положение Каспийского моря – это, прежде всего, условия его существования, функционирования и развития в реальном физико-географическом и социоэкономическом пространстве, это его положение относительно природных ресурсов, транспортных структур и демографической составляющей.

Протяженность Каспийского моря в меридианальном направлении составляла 1170 км, средняя ширина – 320 км. Площадь бассейна – около 3,6 млн кв. км. Длина береговой линии Каспия (с островами) в XIX в. превышала 6,5 тыс. км; персидская территория (по южному берегу после Туркманчайского мирного договора 1828 г.) составляла около 900 км¹. Северный берег представлял значительные неудобства для судоходства (низменный и пустынный, с мелководной акваторией), однако он был широко известен рыбными промыслами. Навигация в северной части Каспия обычно длилась с середины–конца марта и до конца октября–середины ноября. Осенью мореплавание становилось затруднительным в связи с сильными штормами. От северного берега на юго-запад продолжалась Прикаспийская низменность. Западный берег Каспия (Дагестан и Северный Азербайджан) – это Приморская низменность, которая представляла собой узкую полосу, постепенно поднимающуюся от побережья к предгорьям, со слабой изрезанностью берегов. Восточный берег – пустынная местность без проточных вод, где кочевали туркменские племена, но имеющий удобные якорные стоянки и бухты, пригодные для захода судов.

Прикаспийские территории отличались исключительным разнообразием природных условий. Когда в степях северной и в особенности северо-восточной части побережья почти четыре месяца господствовала суровая зима с двадцатиградусными морозами, на южном берегу (долины Мазадерана и Астрабада) морозы в 2 градуса были величайшей редкостью².

Эволюция значимости российского морского транспорта на Каспии в XIX в. находилась под постоянным влиянием важнейших в международном судоходстве структурных перемен, ломки сложившихся взаимосвязей и постепенного возникновения новых. Состав и география морских путей на Каспийском море, имевшем важное ресурсно-транспортное значение, развитие флота и береговой инфраструктуры морского транспорта оказались в неразрывной связи с достигнутыми результатами в сфере международной политики России. С самого начала XIX в. военная обстановка на Кавказе осложнялась русско-персидской войной 1804–1813 гг., вызванной захватническими планами Персии в Закавказье³. По Гюлистанскому мирному договору от 12 октября 1813 г. Персия признала переход к России Дагестана и Грузии (княжеств Шурагель, Мегрелии, Гурии, Имеретии и Абхазии), а также ханств Карабахского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Бакинского, Кубинского и Тальшинского, значительная часть территорий которых примыкала к каспийскому побережью. Россия получила право иметь военный флот на Каспийском море. Русские купцы могли свободно торговать в Персии, а персидские – в России⁴. Однако продолжить освоение Каспийского моря и присоединенных территорий по западному морскому побережью мешали устремления Персии (при поддержке Англии) вернуть утраченные территории. В новой русско-персидской войне 1826–1829 гг. особую роль сыграла Каспийская военная флотилия (55 судов), которая обеспечивала русские войска боеприпасами и продовольствием и осуществляла крейсерство у южных берегов Каспийского моря. России удалось занять ряд персидских городов и двинуться на Тегеран. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор. Персии пришлось расстаться с Эриванским и Нахичеванским ханствами, подтвердить исключительное право России иметь военный флот, а русским и персидским торговым судам предоставлялось право свободного плавания по Каспийскому морю⁵. Результаты этой войны оказали особое влияние на усиление России в районе Среднего Востока, тяготевшего к Каспийскому морю, предоставлявшего возможность выстроить связи не только с внутренними губерниями России (по Волге и ее притокам), но и с Северным Кавказом, Закавказьем и Средней Азией.

Побережье Каспийского моря по политико-географическим принципам распределялось следующим образом: северные, северо-восточные и западные (после Туркманчайского мира) берега принадлежали России, юго-западная и южная их части – Персии. Восточная часть побережья южнее Мангышлака была занята ко-

чующими туркменами, далее на северо-востоке до конца 60-х гг. XIX в. – земли, занятые казаками. Наибольшее количество пристаней и гаваней располагалось на северо-западном и южном, издавна освоенных берегах⁶.

Российский флот Каспия уже в первой трети XIX в. отличался значительным количеством типов транспортных судов (шхоуты марсельные, схоуты крьюсельные, бакинки, расшивы мангышлакские, свойские лодки, догрузные дощаники, реюшки, схоутные лодки, киржимы и пр.). Часть флота составляли наиболее крупные типы судов: шкуны, галиоты, транспорты, бриги, бригантины, фрегаты⁷. Среди них имелось свыше 100 парусных судов грузоподъемностью от 45 до 100 ластов (ласт – 120 пудов). На каждом из таких судов служили 10–16 матросов из русских, татар и армян, которые, как правило, являлись жителями Астраханской губернии⁸.

В первой трети XIX в. на Каспийском море значительных купеческих верфей не имелось. Однако в разных местах в Астрахани купцы при необходимости строили мореходные расшивы для эмбенских рыбных промыслов. Лес приходил в Астрахань из Нижегородской, Вятской и Казанской губерний. Снасти (веревки и канаты) поступали из Нижегородской губернии, железо – из Перми. Для достройки крупных судов – шкоутов (на основе сплавленных по Волге корпусов) купцы обычно нанимали подрядчиков из отставных чинов Морского ведомства или крестьян разных губерний, искусных в судостроении⁹. Большие коммерческие суда, построенные из дуба или из дуба с сосной, с двумя-тремя мачтами обычно служили 7–9 лет.

После войны с Персией (1829 г.) развитие морского транспорта на Каспийском море приобрело особое значение: российский капитал стал усиленно завоевывать внешний рынок на Ближнем Востоке. Морской транспорт требовался и для укрепления позиций не только в Персии, но и в Закавказье. Очень важным представлялось поставить суда на линии, связывающей Астрахань с Баку, Ленкоранью, с персидским портом Энзели, а также на восточном берегу с полуостровом Мангышлак (Ново-Петровское военное укрепление). Морское судоходство, приобретая постоянный характер, способствовало быстрому хозяйственному освоению и стабилизации внутривосточной обстановки на новых российских землях (в том числе и Закавказья).

К середине XIX в. торгово-транспортный флот Каспия имел свыше 90 мореходных судов. Казенный флот, оказывавший значительное содействие торговому мореплаванью и морским промыслам, в этот период насчитывал 33 судна, в том числе 6 пароходов

и 9 барж¹⁰. В 50-е годы на астраханских берегах и островах дельты Волги уже функционировали небольшие верфи Камско-Волжского пароходства, енотаевского купца Григория Тетюшинова и К*, купца Кафтанникова, астраханского губернского секретаря Гилля и пр., где строились мореходные суда, а также сотни малых судов – лодок для рыбного и морского зверобойного промыслов. В Астраханском уезде существовало несколько небольших верфей, владельцами которых были «юртовские татары»¹¹. Со второй четверти XIX в. состав каспийского флота стал быстро пополняться судами, которые строили в Баку¹².

Первые два парохода, «Аракс» и «Кура», построенные в 1828 г. при содействии правительства, в основном занимались буксировкой военных судов. В 1833 г. в составе торгово-транспортного флота появился пароход «Предприятие» (в 100 л. с.)¹³. Еще два парохода для перевозки коммерческих грузов освоили Каспий после 1845 г. Это позволило наладить регулярные рейсы между Астраханью и другими портами Каспия: пароходы стали заходить на Бирючую Косу, в Петровск, Дербент, Баку, остров Сару, персидские порты Энзели и Астрабад¹⁴. Считая коммерческий флот резервом в отношении наращивания потенциала военно-морского флота, правительство оказывало значительное влияние на развитие парового транспорта. Этим во многом было обусловлено дальнейшее вызревание государственно-монополистических форм регулирования в каспийском морском транспорте. Недвижимая часть основного капитала (портовое хозяйство, гидротехнические сооружения и т. д.) создавалась прежде всего государством или при его значительной поддержке, что привело к быстрому увеличению доли государственной собственности и в этой сфере.

Особую роль в развитии морского транспорта сыграла Каспийская флотилия морского ведомства, круг обязанностей которой был обширен и тесно увязан с купеческим мореплаванием: крейсерство для охраны рыбных промыслов; пограничное патрулирование у западного берега Каспия и обеспечение военных постов в Астрабадском заливе; постоянное сообщение с Персией – участие в транспортировке из Астрахани и обратно коммерческих грузов¹⁵. В начале 50-х годов в состав флотилии входило около 20 парусных судов и пароходов. В эти годы по Каспийскому морю регулярно ходили военно-почтовые пароходы, обслуживая порты Тарки, Дербент, Баку, Ленкорань, а также персидские Энзели и Астрабад.

В приморском Дагестане уже в первой трети XIX в. возникли крупные рыбные промыслы, имевшие широкие общероссийские связи. Но их промышленное развитие тормозили Кавказская вой-

на и феодальная раздробленность территории. Эти факторы не давали возможности расширить коммуникационное пространство, которое могло бы углубить торгово-экономические контакты с дагестанским земледельческо-скотоводческим нагорьем, садоводческими долинами и, главное, со специализированными ремесленными центрами в горах (Кубачи, Кумух, Балхар, Анди, Гацатль и др.).

С 1858 г. по Каспию стали плавать суда крупнейшего акционерного общества «Кавказ и Меркурий», подрывая монополию астраханских и бакинских судовладельцев. Утверждая устав общества (май 1858 г.), дирекция предприятия (предприниматели, широко известные в финансово-коммерческом мире, Н.А. Новосельский, В.А. Кокорев, Нобель и др.) обязывалась через два года построить не менее 15 пароходов с определенным числом барж, взять на содержание почтовое сообщение между портами и пристанями Астрахань – Гурьев-городок – Новопетровск (с заходом в Петровск и Дербент), а также Баку – Астрабад (с заходом в Ленкорань, Астарту, Энзели), организовать перевозки по названным в уставе ценам казенного провианта. За выполнение этих обязательств обществу обещали отвод земель на берегах Волги и Каспия для устройства пристаней, складов, мастерских и т. д. За содержание почтовых сообщений общество должно было получать от правительства 34 тыс. руб. ежегодно¹⁶. Однако как правительством, так и самим обществом прописанные в уставе обязательства долгое время не выполнялись. И лишь в 1861 г. появились первые результаты деятельности общества «Кавказ и Меркурий», выразившиеся, прежде всего, в увеличении количества пароходов на море, укреплении транспортно-экономических связей с внутренними районами страны, дальнейшем вовлечении во всероссийский рынок и общероссийское разделение труда обширной территории, примыкавшей к Каспию, – Восточного Закавказья, Закаспия, ряда районов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Суда этого общества выполняли и весьма важные задачи; так, в 1883–1886 гг. при строительстве Закаспийской железной дороги они перевезли из Баку и Махачкалы на восточный берег Каспия 4 млн пудов рельсов, более миллиона пудов шпал, паровозы и сотни вагонов.

Кроме «Кавказа и Меркурия» на Каспийском море после 1861 г. начало действовать акционерное общество «Закаспийское торговое товарищество» (с капиталом в 2 млн руб.), нацеленное также на торговлю с Персией и Средней Азией. Ее создателями являлись участники многих торгово-промышленных предприятий В.А. Кокорев, С.А. Хрулев и Н.Е. Торнау. В начале 1860 гг. в водно-транспортном бассейне Каспийского моря работали, помимо

названных, еще целый ряд акционерных предприятий: общества «Польза», «Камско-Волжское», «Нептун», «Дружина», «Вулкан»¹⁷. Вплоть до 1880–1890-х гг. содействие правительства развитию торгового мореходства выражалось выдачей субсидий крупным мореходным предприятиям за содержание срочных сообщений между русскими и иностранными портами.

Торгово-транспортные и пароходные компании содействовали быстрому превращению Астрахани и Баку в главные порты и в крупных монополистов судостроения на Каспии. В Баку уже в 60-е гг. XIX в. существовало более 10 заводов и мастерских, выполнявших заказы судовладельцев. Среди них высоким качеством продукции выделялись завод общества «Кавказ и Меркурий» и ряд купеческих мастерских. Значительным и технически оснащенным предприятием являлся и судостроительно-судоремонтный завод Восточного общества товарных складов, работавший в интересах всех владельцев торгового флота на Каспии¹⁸.

Торговое судоходство во второй половине XIX в. продолжало носить частный либо смешанный частно-государственный характер. Система управления портовым хозяйством страны находилась в ведении государства, однако законодательное оформление этого было осуществлено лишь в 1891 г. на основании Положения об административном заведывании торговым мореходством и о портовой полиции в приморских торговых портах¹⁹. С 90-х годов на Каспийском море началось интенсивное обновление судового состава флота, особенно быстро пополнялся состав паровых шхун новой конструкции, отличавшихся экономичным расходом топлива и большой грузоподъемностью (75–100 тыс. пудов). В 1897–1898 гг. в Каспийском море осуществляли перевозки 213 паровых (емкость 95 365 т) и 539 парусных судов (емкость 188 416 т). На обновление каспийского флота в значительной мере повлиял и технический переворот – с ним было связано изобретение и внедрение на флоте двигателей внутреннего сгорания и появление судов нового типа – теплоходов. Вначале они строились как нефтеналивные суда озерно-речного и смешанного плавания. Первым среди них был теплоход «Вандал» (1903 г.). Через 5 лет на Коломенском заводе построили первый в мире морской танкер с двигателем внутреннего сгорания «Дело», имевший водоизмещение 3636 т, осуществлявший перевозки по маршруту Баку–Астрахань²⁰.

Особую роль в развитии и расширении функциональной специфики региона, тяготевшего к главному ресурсному потенциалу – Каспию, сыграли морские порты. Исключительно важное значение для России имела Астрахань – морской порт и одновременно

менно речная пристань в устье Волги. Она являлась «соборным» в социокультурном и многофункциональном в хозяйственном отношении центром огромной территории, притягивая к Каспийскому морю поволжские губернии. Однако рост Астраханского порта в значительной степени сдерживала естественно-географическая среда. Обширное мелководье северного Каспия, располагавшегося вдоль края дельты Волги, где даже на расстоянии 30–40 км от суши глубины не превышали 2 м, значительно затрудняли погрузки и разгрузки судов. Как правило, мореходные суда отходили от причалов без нагрузки и лишь на расстоянии 30 верст от морского берега получали половину груза, который подвозили к ним на малых судах. Остальную часть догружали в местах, где глубины моря достигали 2,5–3 сажений, т. е. почти за сотню верст от берега. Таким же образом происходила и разгрузка. Транспортные операции, обусловленные мелководьем, отнимали много времени, удлиняя сроки доставки грузов, удорожая перевозку. Если судно имело значительные размеры (грузоподъемность до 30 тыс. пудов), то, кроме погрузки на корабельной пристани, ему приходилось совершать еще пять догрузок в море. Такая погрузка продолжалась до шести недель. Тем не менее в Астрахань со средней, нижней Волги и ее притоков привозили различные виды сельскохозяйственной продукции (и в первую очередь хлеб). Среди промышленных товаров в структуре грузов наибольшую долю составляли снасти, веревки, канаты, мебель, различная посуда, изделия из металла, холсты, сукна, одежда, лесоматериалы и др., идущие с Ирбитской и Нижегородской ярмарок, из Москвы, Петербурга и прочих торгово-промышленных центров. Эти грузы морским транспортом переправлялись в Закавказье, Персию, на «Туркменский берег» и пр.²¹

Вверх по Волжскому пути ежегодно от причалов Астрахани отправлялись сотни судов с продукцией рыбных и тюленьих промыслов, ремесленными изделиями предгорного и горного Дагестана, астраханских шелковых и бумажных фабрик, различными товарами, закупленными в Персии, а также привезенными из Бухары и Хивы (сухофрукты, рис, шелк-сырец, хлопчатая бумага, бязь, платки, халаты, овчины, краски и пр.)²².

Ежегодный товарооборот Астраханской пристани в 30–40-е гг. XIX в. достигал 12–15 млн руб., причем привоз по своей ценности значительно превышал вывоз²³. В предреформенное десятилетие грузооборот Астраханского порта неуклонно увеличивался. В конце XIX – начале XX в. грузооборот Астрахани уступал только Баку, значительно опережая прочие крупнейшие порты – Петровск (бу-

дущая Махачкала) и Красноводск. В 1905 г. на ее причалы поступило 24 621 тыс. пудов грузов, выгружено 311 291 тыс. пудов²⁴.

Особое значение для развития торгово-экономических связей и морского транспорта имели тюлений и рыбный промыслы. Наиболее интенсивное движение, связанное с ними, происходило у северо-западного и северо-восточного берегов, в районе устья Эмбы и Урала, на островах Пашном, Камынике, Кулах, Чечень, Долгом, Подгорном, Св. Селькиском, Колпичьих. От причалов этих мест ежегодно в Астрахань уходили десятки судов, груженных тюленем и рыбой (белугой, севрюгой, осетрами и пр.).

С 40-х гг. XIX в. укрепились сношения с восточным берегом Каспия, где на полуострове Мангышлак быстрыми темпами росло укрепление Новопетровское. Сюда уже в первой четверти XIX в. плавали (на расшивах грузоподъемностью 6–7 тыс. пудов) астраханские татары, занимавшиеся на восточном берегу моря торгово-обменными операциями с туркменами и казахами. С пристани, где в 1848 г. начала действовать таможня, стали доставлять товары, приходившие из Хивы и Бухары. В 1869 г. здесь, на месте военного укрепления, был открыт Красноводский морской порт²⁵.

География морских перевозок, помимо Астрахани, определялась функционированием пристаней западного и южного берегов Каспия, среди которых в первой половине XIX в. выделялась пристань в Дербенте, но ее неудобный мелководный рейд не позволял останавливаться здесь крупным мореходным судам. Сюда большими партиями доставляли провиант и прочие военные грузы (особенно в период русско-персидских войн); обратными рейсами везли продукцию рыбного промысла, закавказские шелка, сухофрукты, шафран. Особое место в вывозе составляла марена (естественный краситель для текстильной промышленности, имевший большой спрос в России). Так, в 1807 г. из Дербента вывезли 6–7 тыс. пудов марены, в 1830 г. – до 30 тыс. пудов²⁶. Однако значительные дербентские капиталы стали все стремительней уходить в портовую инфраструктуру располагавшегося южнее по побережью Бакинского порта, где быстрыми темпами развивалась добыча и переработка нефти. Дербент и южная часть западного побережья стали терять свои потенциальные возможности, связанные с выходом к морю. Постепенно снижало роль Дербента и строительство порта Петровского (будущей Махачкалы)²⁷.

Южнее Дербента пристанями на российском побережье Каспия были Сальяны (устье Куры) и Ленкорань, имевшие таможенные заставы. В Ленкорани неудобство для морских судов создавал открытый рейд, однако близкое местонахождение главных торго-

вых городов Персии – Ардебилля, Тебриза, Энзели, Решта, Астрабада и Тегерана привлекало купцов к этой пристани. Отсюда морем отправляли российские товары – десятки тысяч пудов зерна и от 300 до 400 пудов коровьего масла. В Астрахань и Баку из Ленкорани поставляли рис, лес и дрова (до 20–30 судов).

Основными морскими воротами Закавказья являлся город Баку, гавань которого была обширной, глубоководной и незамерзающей²⁸. Порт, строительство которого началось в 1859 г., имел тесные сухопутные связи с Ереваном и Тифлисом. Нефть и продукты ее переработки быстро превратили его в крупный промышленно-торговый и геополитический центр, оказывающий влияние на обширную территорию. Во второй половине XIX в. в городе действовали торговые и нефтепромысловые товарищества «Братья Нобель», «Братья Мирзоевы», С.М. Шибаева, А.И. Манташева, синдикат Ротшильда и др. Все они были связаны с морскими перевозками, к которым с начала 80-х гг. подключилась железная дорога Баку–Тифлис, в 90-е гг. – Баку–Дербент. Однако Каспийское море для всех нефтяных производств было жизненно важным пространством. В Баку, благодаря действиям акционерных обществ, имелся значительный нефтеналивной флот. К началу XX в. около 80% нефтепродуктов вывозилось из Баку морем и лишь около 20% – по Закавказской железной дороге. Значительная часть нефтяных грузов шла морем в Астрахань. Добыча нефти, ее переработка, морская перевозка (в городе работали десятки пароходных агентств) способствовали быстрому росту города (по состоянию на 1897 г. в Баку проживало 112,2 тыс. человек, к 1910 г. это число удвоилось)²⁹.

В 1899 г. в городе насчитывалось уже около 100 нефтеперегонных заводов. К 1910 г. грузооборот порта составил около 10 млн пудов. Через Бакинский порт, помимо нефти, в Астрахань и другие порты Каспийского моря направлялся значительный поток и других товаров (соль, рис, фрукты и пр.), приходивших из Персии и других стран.

Южный берег Каспия – владения Персии – имел ряд значительных портов и пристаней. Во время русско-персидских войн в первой трети XIX в. суда из Персии приходили в незначительном количестве. Но постепенно торговые сношения России с персидскими портами разрастались, осуществляясь в основном на российских судах, которые в первые годы активной торговли содержали астраханские персы, имевшие русское подданство. Функционирование значительного флота на частно-государственной основе последовало уже после 1860-х годов. Если в 1869 г. через Астра-

хань в Персию и Среднюю Азию вывезли товаров на 386 тыс. руб., а ввоз составил сумму в 1470 тыс. руб., то в 1870 г. вывоз равнялся 875 тыс. руб., привоз 974 тыс. руб., т. е. отпуск увеличился более чем в два раза³⁰.

Первым крупным портом и складочно-перевалочным пунктом персидского побережья являлась Астара, располагавшаяся в устье речки Астаринки. Отсюда к пристаням западного побережья Каспия, и прежде всего в Астрахань, вывозили различные виды персидских товаров (шелк-сырец, коконы, шерсть) и во множестве – продукцию сельского хозяйства: мед, рис, овощи, фрукты, сыр и пр. Здесь заканчивался древний караванный путь, шедший из Тебриза. Через Астару прогонялось большое количество баранов, овец и рогатого скота, направлявшихся для пополнения продовольствия, необходимого жителям Ленкорани и ее уезда. Географическое положение Астары, несмотря на плохое состояние сухопутных дорог (на Ардебиль, Тебриз и др.), позволяло российским купцам здесь в течение второй половины XIX в. наращивать темпы своей торговли. В начале XX в. в составе поступающих в Астару товаров стали преобладать грузы из Закавказья (сахар, чай, различные виды фабричных изделий, продукты нефтепереработки и пр.). В целом российских товаров провозилось через Астару от 1 млн 500 тыс. до 1 млн 800 тыс. пудов³¹.

Главным портом Персии на Каспийском море являлся Энзели – через него проходила большая часть российского товарообмена с этой страной. Сюда сходились главные персидские пути, направляющиеся к Каспийскому морю, – из Тегерана, Тебриза, Казвина и Кермана. Энзелийский порт являлся основным как по обслуживанию потоков пассажирского движения, так и по снабжению товарами населения по всему каспийскому побережью. Однако значительная часть перевозок осуществлялась российскими судами. В начале XX в. грузооборот Энзелийского порта достиг 10 млн пудов, из которых почти половина грузов приходилась на долю привоза из России. Из российских портов (в основном из Астрахани и Баку) сюда поступали сахар, чай, мука, фарфоровая посуда, зеркала, керосин, мануфактура, железный (гвозди, полосовое железо) и скобяной товар, деревянные сундуки, обитые жестью, самовары, мыло, лесоматериалы и пр. С начала XX в. увеличился и привоз из Астрахани лошадей, пригодных для экипажей, и повозок.

Вывоз слагался из стандартных персидских товаров: рис, хлопок, монета, сухофрукты, коконы, ковры, овчины, мерлушки, невыделанные кожи, шелк-сырец, красильные вещества, лесоматериалы (пальмовые брусья), фрукты (апельсины, лимоны, виноград) и пр.

Значительная часть их вывозилась в Астрахань, а также транзитом через Баку за границу и в Тифлис. Серебряная монета персидского чекана шла в значительном количестве в Бухару, в Мервский и Тедженский оазисы. Ежегодно Энзели посещали сотни пароходов и парусных судов, в том числе и местные парусные суда – киржимы. В 1911 г. в порт пришло более 700 судов. Большинство их принадлежало российским обществам «Кавказ и Меркурий» и «Восточному».

В Энзели имела свободное обращение русская монета, широкое распространение получил и русский язык (многие вывески были на русском языке). Учитывая особую значимость порта для развития русской торговли, российское правительство обращало особое внимание на улучшение его инфраструктур³².

На каспийском побережье располагался еще один из важнейших портов Персии – Мешедесер, однако открытый для северных ветров его рейд был одним из самых опасных (трудным было и прохождение через бар реки Бабуль, в устье которой порт располагался). Отсюда к Тегерану шла совершенно неблагоустроенная грунтовая дорога в 225 верст, но связи с портами по ней не прекращались. Если в 1870 г. в Мешедесер морем доставлялось до 50 тыс. пудов различных российских грузов, то к 1910–1911 гг. привоз в порт поднялся до 1 млн пудов. В этот период направление перевозок претерпело заметные перемены: значительную часть грузов из Астрахани и других портов, минуя Мешедесер, стали отправлять на среднеазиатскую железную дорогу³³.

Важной южной точкой на Каспии, куда приходили русские суда, был Гязский берег (Астрабадский залив) с пристанью Бендер-Гязь, тесно связанной с крупными торговыми городами Персии Астрабадом и Шахрудом. В Бендер-Гязь привозили товары не только из Астрахани, но из Хорасана, Хивы, Бухары и Афганистана. Однако в этом районе русско-персидские торговые связи со всей остротой ощущали пресс внешнеэкономической экспансии Англии. Британские купцы закупали значительные партии товаров, которые традиционно имели своим направлением морской путь к российским портам. К концу XIX в. сюда ежегодно поступало около миллиона пудов различных российских товаров, предназначенных для отправки на внутренние рынки Персии. Кроме того, туркменскими лодками в Бендер-Гязь привозили соль с острова Челекен и пароходами некоторое количество товаров из Красноводска, а также рыбу с рыбного промысла (в 10 верстах от Бендер-Гязи, в устье речки Кара-Су) российских купцов Лианозовых. В значительной мере вывоз определяли и персидские товары из Астрабада, Шахруда и других районов восточной Персии³⁴.

Со второй четверти XIX в. морские перевозки стали постепенно расти в направлении к юго-востоку от Гязского берега к «Туркменским кочевьям», где в районе будущего Красноводска производилась торговля между русскими, среднеазиатскими купцами и местным населением. В российском привозе в состав грузов входили хлеб, железо, деревянные изделия и пр. Увозили с этого берега ковры, шерсть, краски³⁵.

Таким образом, на протяжении XIX в. российский капитал завоевал себе внешний рынок на Ближнем Востоке, прежде всего в Персии, укрепил связи с Закавказьем и среднеазиатскими торговыми центрами, а с 1860-х гг. (после завершения Кавказской войны) – с Нагорным Дагестаном. Развитие каспийского судоходства, преобразование его на основе капитализации было в значительной мере связано с увеличением добычи и транспортировки нефти и нефтепродуктов.

В 1913 г. экспортно-импортные перевозки на Каспийском море составляли в общей сложности 224 тыс. т. На каботажные перевозки приходилось 5 349 тыс. т (51,9%). Уже после начала Первой мировой войны (по состоянию на 1 января 1915 г.) в бассейне Каспийского моря плавало 144 судна (полная вместимость – 119 892 т, чистая вместимость – 76 898 т), принадлежавших Восточному обществу товарных складов, обществу «Кавказ и Меркурий», компании «Надежда», товариществу «Братья Нобель», торгово-промышленному и пароходному обществу «Волга», нефтепромышленному и торговому обществу «Мазут», «М.Б.Г.С. оглы Усенову», акционерному обществу «Океан», акционерному пароходному обществу «Русь» и частному владельцу Мамеду Селиму Манафову³⁶.

Развитие капитализма в России, стремительное железнодорожное строительство обусловили резкое ускорение процесса формирования единого хозяйственного пространства Каспийского моря, и не только экономических, но и самых разнообразных связей между населением его северного, западного и восточного берегов, постоянно приобщая к этому взаимодействию и южный берег, принадлежавший Персии. В географическом положении западного берега Каспия, где располагался Дагестан и Северный Азербайджан, были заложены значительные возможности формирования единого региона, но на разных этапах общественного развития потенциал этой территории то возрастал, то снижался. Отрицательным образом на формировании региональных структур сказалась Кавказская война, долгое время не позволявшая наладить стабильные связи, прежде всего с Нагорным Дагестаном,

и реализовать потенциальные возможности выхода к морю. Торгозили развитие западного побережья Каспия и быстрый рост Баку, игравшего основную роль в добыче и переработке нефти и забиравшего в свою портовую инфраструктуру основную массу капиталов, связанных с мореходством.

Формирование и рост торговых поселений, освоение природных ресурсов (соль, нефть, рыбный промысел), укрепление контактов с сопредельными зарубежными территориями в значительной мере осуществлялись благодаря развитию морского транспорта. Грузоземкие морские транспортные артерии привели к значительной интеграции социоэкономических и социокультурных процессов, к существенному расширению пространственных контуров Прикаспийского региона.

Примечания

- ¹ Уровень моря непостоянен, непрерывные колебания вызваны отсутствием его связи с мировым океаном; он чувствителен и к колебаниям климатических условий в бассейне, что в свою очередь определяет сток рек, в него впадающих (Волги, Урала, Эмбы, Терека, Самура, Куры и др.). См.: *Никольский И.В., Тоняев В.И., Крашенинников В.Г.* География водного транспорта СССР. М., 1975. С. 115.
- ² Каспийское море. Гидрографическое описание и руководство для плавания. Сост. капитан 2 ранга Н. Пуцин. 2-е изд. СПб., 1908. С. 1–3.
- ³ Наименование страны Персией оставалось общепринятым до 1935 г. Самоназвание иранцев – ирани и название «Иран» существовало с древних времен.
- ⁴ Морской атлас. Т. III: Военно-исторический. Ч. 1. Описания к картам. Изд. Главного штаба ВМФ, 1959. С. 432.
- ⁵ ПСЗ-I. Т. 32. № 25466; ПСЗ-III. Т. 3. № 1794.
- ⁶ *Небольсин Г.* Статистические заметки о внешней торговле России. СПб., 1835. С. 147–149.
- ⁷ *Яковлев Ф.* О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1863. С. 10.
- ⁸ *Небольсин Г.* Указ. соч. С. 149.
- ⁹ РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 183. Л. 20.
- ¹⁰ *Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник Импер. Русского Географического общества. СПб., 1852. Ч. 4. Кн. 2. С. 98–101.
- ¹¹ РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 424. Л. 20–21, 59–60.

- 12 Баку – порт, город, располагавшийся на западном берегу Каспия, в южной части Апшеронского полуострова. Во время Персидского похода Петра I (1722–1723) город был взят русскими войсками, в 1735 г. возвращен Персии. В 1806 г., во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., присоединен к России. См.: Отечественная история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 148; *Бретаницкий Л.* Баку. 2-е изд. М.; Л., 1970.
- 13 *Небольсин Г.* Статистические заметки... С. 153.
- 14 *Познер М.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб., 1895. С. 218–220.
- 15 РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 388. Л. 12.
- 16 Краткий очерк деятельности пароходного общества «Кавказ и Меркурий». 1858–1908. СПб., 1909. С. 7–9.
- 17 Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России // Статистический временник Российской империи. СПб., 1872. Вып. 2. Ч. 1. С. 300.
- 18 Под флагом России: История зарождения и развития морского флота. М.: Согласие, 1995. С. 221.
- 19 Там же. С. 239.
- 20 Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского флота (1917–1927 гг.). Справочник. М., 1981. С. 305–306.
- 21 РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1015. Л. 26об., 31.
- 22 РГИАМ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 167/297. Л. 4–6.
- 23 РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1015. Л. 27–31.
- 24 Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 143.
- 25 *Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. Саранск, 1977. С. 199–200.
- 26 *Небольсин Г.* Статистические заметки... С. 156–157.
- 27 Основан в 1844 г. как русское военное укрепление Петровское (будущая Махачкала), с 1857 г. – город – Петровск-Порт на узкой полосе Приморской низменности у подножия горы Таркитау. Соединение города железной дорогой с Владикавказом и Баку способствовало значительному грузообороту порта.
- 28 До 1840-х гг. Баку – уездный город Каспийской области, затем Шемаханской губернии. К началу 1870-х годов имел свыше 15 тыс. жителей. См.: *Бретаницкий Л.* Указ. соч.
- 29 *Бретаницкий Л.* Указ. соч. С. 24–30.
- 30 *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 275.
- 31 *Шаверов Н.Н.* Персидское побережье Каспийского моря. Его производительность и торговля // Записки Кавказского отдела Имп. Русского Географического общества. Кн. XXVI. Вып. 10. Тифлис, 1913. С. 14–16.

- ³² *Шавров Н.Н.* Указ. соч. С. 27–33.
- ³³ *Зейдлиц Н.* Очерк южнокаспийских портов и торговли. Тифлис, 1870. С. 30–33;
Шавров Н.Н. Указ. соч. С. 54–56.
- ³⁴ *Зейдлиц Н.* Указ. соч. С. 30–33; *Шавров Н.Н.* Указ. соч. С. 65–69.
- ³⁵ *Петриченко К.* Служба на коммерческом флоте // Морской сборник. 1862. № 12. С. 21–22.
- ³⁶ *Филитов Ю.Д.* Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания. Пг., 1916. С. 100–106.

М.В. Добренькая

«СТАЛИНСКИЕ ВЫСОТКИ»
НА ФОТОГРАФИЯХ:
ВОЗВЕДЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ
В СВЕТЕ ИДЕОЛОГИИ

В данной статье на основе использования фотографий из собраний Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы и Российского государственного архива кино- фотодокументов рассмотрены основные особенности визуализации высотных зданий, их вписывания в пропагандистский образ Москвы, начиная со строительства. В статье информация, содержащаяся в фотодокументах, интерпретируется в связи с идеологическими высказываниями власти, где четко улавливается связь идей высотного строительства с патриотическими настроениями и представлениями о роли Москвы в мировой истории.

Ключевые слова: «сталинские высотки», поздний сталинизм, образ Москвы, идеология, фотодокумент.

Послевоенный период в истории Москвы вызывает ассоциации, прежде всего, со строительством высотных зданий. Именно они стали главным символом сталинской Москвы. В данной статье будут рассмотрены основные особенности визуализации высотных зданий, их место в пропагандистском образе Москвы.

До конца не ясно, кому принадлежит идея строительства в Москве высотных зданий. Большинство исследователей сходится в том, что это была инициатива И.В. Сталина¹. Анализ источников личного происхождения и законодательных документов позволяет сделать вывод об особой роли И.В. Сталина во внедрении высотного строительства. Без сомнения, идея эта рождалась при его участии и в дальнейшем стала для него приоритетной. Об этом свидетельствует и принятое 13 января 1947 г. Постановление Совета министров СССР «О строительстве в г. Москве многоэтажных

зданий», первый пункт которого гласил: «Принять предложение товарища Сталина о строительстве в течение 1947–1952 гг. в Москве многоэтажных зданий». Высотки планировались как дополнение к Дворцу Советов, об этом говорилось в том же постановлении. Проектированием Дворца в конце 1940-х гг. продолжал заниматься Б.М. Иофан. Однако И.В. Сталин в этот период уже потерял интерес к строительству Дворца Советов, тогда как высотные здания стали приоритетными в его программе застройки Москвы.

Для вождя высотные здания были призваны стать символом нового города. Хотя рассматриваемое постановление было принято в январе 1947 г., закладка высоток состоялась только во время празднования 800-летия Москвы, в сентябре 1947 г. Это говорит о том, что самому факту закладки высотных зданий власти придавали большое идеологическое значение. Церемония закладки высоток рассматривалась как кульминационный момент празднования юбилея Москвы, под знаком подготовки к которому прошел весь 1947 г. Закладка всех восьми высоток была произведена в один и тот же час, в 13.00, после закладки памятника Юрию Долгорукому, что должно было символизировать национальную и культурную преемственность между основателем Москвы и строительными начинаниями современной власти. Таким образом, высотные здания, их проектирование и строительство были неразрывно связаны с новыми аспектами внутренней политики И.В. Сталина и являлись одним из наиболее ярких выражений послевоенной идеологической доктрины сталинизма. Обращение к классическим и национальным формам, монументальность сливались здесь с желанием еще больше усилить и подчеркнуть государственное, даже имперское, начало.

И.В. Сталин рассматривал в этот период Москву в качестве столицы советской империи, образца для всего мира. Она должна была стать символом советской государственности и победившего социализма. Это полностью определяло его отношение к послевоенной архитектуре и детерминировало ее.

Еще одной идеологической особенностью высоток, которая проявилась сразу же в Постановлении Совета министров СССР от 13 января 1947 г., является указание на то, что «пропорции и силуэты этих зданий должны быть оригинальны и своей архитектурно-художественной композицией должны быть увязаны с исторически сложившейся архитектурой города и силуэтом будущего Дворца Советов. В соответствии с этим проектируемые здания не должны повторять образцы известных за границей многоэтажных зданий»². Здесь как само собой разумеющееся констатировалось, что историческая застройка Москвы представляет ценность как

одна из черт самобытности русского народа, отличающая его от европейцев и американцев, – мысль, невозможная в 1920-е гг., когда все, что связано со «старой» Москвой, с дореволюционным прошлым, обрекалось на осуждение и уничтожение.

Авторы, писавшие о стиле высоток во время и сразу после их постройки, подчеркивали, что этот стиль можно охарактеризовать как национальный: «Архитектура московских высотных зданий отличается исключительной выразительностью, ясностью образа, жизнеутверждающим оптимизмом. В отличие от американских небоскребов с их оголенной безрадостной архитектурой, лишенной национального своеобразия, в наших высотных зданиях отражены характерные черты русской национальной архитектуры с ее красочностью и стремлением ввысь»³.

Расположение и архитектура высоток должны были ориентироваться на Кремль и его архитектуру, были призваны стать новыми доминантами советской столицы вместо разрушенных и перестроенных церковных зданий.

Наиболее характерным образцом древнерусской архитектуры считалась башня гостиницы «Ленинградская», в которой «чувствуется влияние архитектуры башен Кремля, Сухаревой башни и других башенных построек старой Москвы», а ее бело-красно-золотистая раскраска также напоминает излюбленные цвета древнерусской архитектуры»⁴. Таким образом, достаточно четко определялся не только заказ для архитекторов, но идеологические установки, на основе которых можно было трактовать постройку высотных зданий в Москве. Это имело большое значение для фотографов, которые именно так и выстраивали соотношение объемов высотных зданий и окружающей их застройки. Часто мы можем видеть параллели кремлевских башен, силуэтов церквей и высоток⁵. Высотки, как это и задумывалось, на фотографиях изображались как символы и доминанты социалистической Москвы⁶.

Среди высотных зданий были свои лидеры по популярности у фотографов, что ярко видно по фотооткрыткам того периода. Так, впереди с большим отрывом шли МГУ и высотное здание на Котельниковской набережной, в дальнейшем прежде всего они стали символами Москвы. Следом за ними по интенсивности фотодокументирования шло здание Министерства иностранных дел на Смоленской площади. Условное третье место делили остальные четыре высотки.

Одной из основных идеологических функций высотных зданий, как мы уже видели, было создание нового облика города, новой системы организации внутригородского пространства. Высотные здания были призваны стать новыми вертикалями социалистической

столицы. Обращение к карте Москвы позволяет проанализировать систему расположения высотных зданий. Интересно, что здания на Котельнической набережной, на Лермонтовской и Комсомольской площадях образуют прямую линию доминант в восточной части Москвы, тогда как высотки на Смоленской, на площади Восстания и на Дорогомиловской образуют равносторонний треугольник в западной части Садового кольца; к этому добавляется точка МГУ, откуда открывается вид на другие шесть высоток. Здания расположились на границах Садового кольца и тем самым расширили границы центральной части города.

Эта игра ракурсов и объемов всегда увлекала фотографов. На их фотографиях мы можем увидеть, как высотки вписались в окружающую действительность и изменили ее, какие площади были перестроены с появлением высотных зданий, а какие, несмотря на большие планы, сохранили старую застройку. Фотографы выбирают наиболее удачный ракурс для каждой из высоток. Выбор чаще всего соответствует градостроительному замыслу архитектора. Так создаются устойчивые ракурсы в съемке объектов городской застройки. Например, здание МГУ можно рассматривать с двух сторон. Со стороны Москвы-реки, находясь на высоком берегу, оно видно издалека, из самого центра, и создает прекрасную доминанту в этой части города. С другой стороны, с юго-запада, на фотографиях мы видим, какая открывается перспектива в эту сторону, здесь МГУ должен был стать центром нового района.

Высотные здания стали градостроительными доминантами на долгие годы, после постройки они влекли за собой перестройку района, где находились. Понимание взаимосвязи строительства высоток и преобразования окружающего их пространства присутствовало уже во время строительства в первой половине 1950-х годов: «Высотному дому [на площади Восстания] сегодня тесно в окружении арбатских переулков, особняков и деревянных домишек, которые заслоняют подступы к зданию-богатырю»⁷. Изображая старую застройку рядом с новой строящейся высоткой, фотографы хотели подчеркнуть контрасты советской Москвы с ее «неприглядным прошлым», такие фотографии символизировали смену старого мира новым.

С другой стороны, идеологически актуальной была съемка, производившаяся с высотных зданий, так как это давало возможность зрителю взглянуть на то пространство, которое еще предстояло освоить или которое уже было заново благоустроено, как в случае с видами из МГУ. Другой целью могла быть демонстрация общего вида Москвы, переключки высотных зданий.

Однако высотные здания появились на карте города не мгновенно. Процесс их строительства (не считая проектирования и внутренней отделки) растянулся в среднем на пять лет. Таким образом, в течение всего этого периода облик города находился в процессе становления. По фотодокументам мы можем проследить все этапы такого идеологически значимого события, как постройка высотных зданий, начиная от расчистки территории для строительства (хотя таких фотографий совсем немного) до возведения и бетонирования каркаса, монтажа звезд и гербов и даже до окончательной уборки помещений и высадки цветов на клумбах.

Характерными чертами внешнего облика высотных зданий периода их строительства стало первоначальное возведение каркаса здания, а затем появление на зданиях «саморастущих» кранов. Такие краны крепились на вершине строящегося здания и по мере его возведения наращивались вверх. Поэтому на многих фотографиях мы можем видеть недостроенные высотки с одним и даже несколькими кранами на вершине – по числу основных башен. Высотные здания со своими каркасами и кранами создавали образ молодого, сильного, растущего вверх города.

Особенный силуэт всем высотным зданиям придают шпили, которые на всех постройках, кроме высотки на Смоленской площади, увенчаны звездами. Это было сделано по настоянию И.В. Сталина, который лично просматривал и корректировал проекты⁸. Изначально проекты зданий на Смоленской и Лермонтовской площадях и на Ленинских горах шпилей не имели вовсе, а на гостинице «Украина» и на жилом доме на Котельнической набережной они были значительно меньше окончательных⁹.

Так как И.В. Сталин придавал большое значение внешнему облику высотных зданий, и в частности их навершиям, то съемка монтажа звезд имела для редакций первостепенное значение. Фотографы шли на большой риск ради получения редких кадров. Так, дочь фотокорреспондента газеты «Вечерняя Москва» Г.В. Корабельникова рассказывала, что отец, чтобы сфотографировать монтаж звезды на здании на Котельнической набережной, не думая о высоте, отважно лез по стреле крана, когда же работа была сделана, перед ним возникла трудность оттуда слезть.

Для фотографов было принципиально показать героизм и высокую квалификацию строителей высоток. Образ строителей, которые работают не только днем, но и ночью и даже зимой, должен был не только показать технические возможности, но и продемонстрировать политическую важность постройки высотных зданий в Москве. Этой же цели служат и фотографии, изобража-

ющие рабочих на стройке. Такие снимки были призваны изображать «радость освобожденного труда»¹⁰. На них мы видим либо вдохновенного рабочего, либо бригаду, внимательно слушающую политинформацию где-нибудь на высоте¹¹.

Очень важным идеологическим аспектом являлось и украшение высотных зданий, использование их в агитационных целях. На еще недостроенных каркасах и зданиях вывешивали плакаты и лозунги, однако это не относилось к зданию МГУ, которое было в стороне от оживленных улиц. После завершения строительства на высотные здания не вывешивали плакаты, которые могли бы скрыть их внешний вид, исключением было размещение портрета Сталина в центральной части некоторых из них. Такой плакат огромного размера висел на высотном здании на Котельнической набережной, возможно, это объяснялось его непосредственной близостью к Кремлю¹².

Отдельным сюжетом фотографий является внутреннее убранство высотных зданий. Та роскошь, с которой они были спроектированы и обставлены, должна была поражать современников. Так, например, гостиницу «Ленинградская» украшали кованые металлические двери-ограды в стиле XVII–XVIII вв., в вестибюле висела роскошная люстра. Остальные здания также были украшены не просто богато, а роскошно, особенно по тем временам. Везде господствовали два стиля – барокко и классицизм. Роскошь в отделке вестибюлей, холлов и других общественных помещений поражает и сейчас. Одним из основных нареканий к высотным зданиям в дальнейшем стало то, что в них очень непродуктивно использовалось пространство, очень сильно были завышены подсобные помещения, было множество коридоров и т. д.: «За порогом главного входа находится центральный вестибюль. Этот зал, как и еще четыре, расположенных в других подъездах дома, подчеркивает новый характер жилого здания. На белом мраморе стен шестигранного зала высотой в 7 м весело переливаются блики дневного света. Люстры с сотнями люминисцентных ламп отражаются на полированном полу из красного гранита. Ширина, простор и богатство отделки этого зала сочетаются с его удобствами. Из вестибюля можно попасть в обширные помещения, которые предназначены для бюро обслуживания, камеры для хранения велосипедов, детских колясок, лыж, чемоданов. Из главного вестибюля широкая парадная лестница ведет к скоростным лифтам. В центральном корпусе дома [на Котельнической набережной] их 10. Кабины лифтов нарядны; они сделаны из дорогого дерева, цветного металла и зеркальных стекол»¹³. Можно добавить к этому, что потолок в вестибюле был расписан в технике гризайль (XVIII в.), барельефы в

холле были сделаны из фарфора цвета слоновой кости. Описания и фотографии этих интерьеров печатались в прессе. Москвичи должны были гордиться тем, что в Москве теперь есть такие роскошные дома, где живут такие же, как и они, советские люди.

В таком идеальном доме все должно было быть для человека. И действительно, здесь было предусмотрено «устройство в вестибюле помещения для швейцара, для хранения детских колясок и велосипедов; телефонная связь квартир с вестибюлем... газовая или электрическая плита, автоматическая электромойка, холодильник, раковина в комбинации с доской для сушки посуды, максимально возможное количество встроенных шкафов... мусоропровод... автоматическое регулирование температуры в пределах каждой квартиры... центральная пылесосная установка... центральное снабжение горячей водой... приточная вентиляция в жилых комнатах и вытяжная в коридорах и кухнях... радификация и телефонизация»¹⁴. Также были предусмотрены мусородробилки под мойками: электрические мельницы, размалывающие бытовой мусор, который после этого просто спускался в канализационную сеть¹⁵. Описание типовой кухни и ванной в таком нетипичном доме рисует картину жилья будущего: «На кухне властвует только один цвет – белый: белый кухонный стол, белые табуретки, белые дверцы встроенного шкафа. Белоснежная эмалированная мойка для посуды, белые холодильные шкафы: один зимний, охлаждающийся воздухом, поступающим сюда с улицы; второй – летний, электрический. Тут же в кухне сушильные шкафы. Ванная, как и кухня, также облицована белой глазурованной плиткой. Замечательно в ней ванное оборудование: никелированный калорифер для сушки полотенец и простынь, ящик для хранения белья, зеркало над раковиной умывальника и зеркальный шкаф для хранения зубных щеток, пасты, парфюмерии и бритвенных принадлежностей»¹⁶.

Все это было предметом пропагандистской съемки фотографов. Например, Ю.Д. Королев в середине 1950-х годов сделал фоторепортаж о жизни многодетной семьи Балашовых, которые получили квартиру в высотном здании на площади Восстания. Здесь фотограф затрагивает все основные темы, связанные с функционированием высотного здания в Москве. Прежде всего, характерна фотография, где девочка с бутылками молока подходит к своему новому дому¹⁷. Фотография сделана снизу вверх, казалось бы, эта громадина должна пугать девочку, но она полна решимости, ответственности, у нее много забот. На наш взгляд, этот снимок преследовал цель показать идеальное отношение москвича к новым постройкам: он гордится тем, что им построено и смотрит в будущее, у него много работы

вперед. Этот репортаж также должен был являться иллюстрацией того факта, что квартиры в таких домах давали самым достойным и самым нуждающимся. Действительно, мы видим будни рабочей семьи, в которой 8 детей. И здесь фотограф не упускает возможности показать ненароком все достопримечательности новой квартиры, например, такие, как мусоропровод, расположенный на кухне¹⁸.

В.Н. Горлов считает, и с ним, на наш взгляд, можно согласиться, что сталинские дома были призваны стать материальной декорацией новой и лучшей жизни. Это были первые образцы идеального жилья будущего. И хотя они и заселялись элитой советского общества, но строились они не для элиты, а для всех. Это был своеобразный полигон поиска новых решений для массового строительства¹⁹. Таким образом, можно сказать, что обстановка квартир в высотках, попадавшая на снимки фотографов, была образцовой и считалась доступной и популярной среди москвичей.

Кроме того, высотные здания были и полигоном образцового социального обслуживания. Так, в здании на площади Восстания, построенном на двойном постаменте, внизу располагались кинотеатр, парикмахерская, ателье по ремонту обуви, кафе, парфюмерный магазин, ателье по ремонту одежды. Во второй части постамента находился самый большой в стране магазин «Гастроном» на 4 зала, площадью 5 тыс. кв. м, в котором одновременно работали 120 продавцов²⁰. В доме на Котельнической набережной также располагались гараж, почта, кинотеатр, сберкасса, гастроном; в МГУ существовала прачечная для студентов²¹.

Таким образом, появление высоток было связано с определенными эстетическими устремлениями власти. Так, был не только создан ансамбль построек в стиле, использовавшем мотивы древнерусской архитектуры, классицизма и готики, но высотки стали основными градообразующими вертикалями. Высотные здания не только сами по себе являлись новыми символами Москвы, таковыми их во многом делала пропаганда, в том числе и визуальная, имевшая важнейшее значение для таких объектов. Высотные здания в художественном осмыслении фотокорреспондентами предстают как идеологические, архитектурные и социальные доминанты, что полностью соответствовало той пропагандистской задаче, которая ставилась перед фотографами. Москва – богатый город, который может позволить себе дорогое строительство, но в котором все богатства принадлежат народу. Можно сказать, что высотки были первыми зданиями идеального города будущего, который вряд ли когда-нибудь мог быть построен.

Высотные здания надолго стали символом Москвы и градо-строительными доминантами. Если другие аспекты сформирован-

ного во второй половине 1940 – первой половине 1950-х годов об-лика города достаточно быстро стали трансформироваться дальше, то высотные здания не потеряли своего значения.

Примечания

- 1 *Горлов В.Н.* Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953–1991): Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2005; *Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940 – первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.
- 2 Цит. по: *Косенкова Ю.Л.* Указ. соч. С. 235.
- 3 *Кулешов Н., Позднеев А.* Высотные здания Москвы. М., 1954. С. 17–18.
- 4 Там же. С. 120.
- 5 ЦАЭиАДМ (Центр. арх. электронных и аудиовизуальных документов Москвы). 0-123583: *Бергольцев Л.Е.* Вид на высотное здание на Котельнической набережной.
- 6 Там же. 1-62691: *Трахман М.А.* Вид с крыши высотного дома на Смоленской набережной. [Середина 1950-х гг.].
- 7 *Кулешов Н., Позднеев А.* Указ. соч. С. 67–68.
- 8 Москва. Энциклопедия. М., 1997. С. 194.
- 9 Городское хозяйство Москвы. 1949. № 7.
- 10 ЦАЭиАДМ. 0-124989: *Королев Ю.Д.* Рабочая подает команду крановщику. 1953.
- 11 Там же. 0-112256. *Ярославцев Б.Н.* Политинформация в строительной бригаде.
- 12 РГАКФД (Рос. гос. арх. кинофотодокументов). 2-19914: *Петров Н.* Вид из Кремля на Котельническую набережную. 1953.
- 13 *Кулешов Н., Позднеев А.* Указ. соч. С. 89–90.
- 14 Там же. С. 91.
- 15 *Кузнецов Б.* Последний взлет «имперского» стиля // Московский архив. Вып. 1. М., 1996. С. 366.
- 16 *Кулешов Н., Позднеев А.* Указ. соч. С. 92–93.
- 17 ЦАЭиАДМ. 0-124876: *Королев Ю.Д.* Семья Балашовых. Мамина помощница возвращается с покупкой из магазина. [Середина 1950-х гг.].
- 18 Там же. 0-124869: *Королев Ю.Д.* Семья Балашовых. Вынос мусора. [Середина 1950-х гг.].
- 19 *Горлов В.Н.* Указ. соч. С. 92.
- 20 ЦАЭиАДМ. 1-19985: *Стужин А., Преображенский С.* В рыбном отделе магазина № 15 в высотном здании на площади Восстания. 1955.
- 21 РГАКФД. 1-75262: *Халип Я.* Студенты МГУ гладят белье в прачечной студенческого общежития. 1953.

ЗНАЧЕНИЕ 800-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ МОСКВЫ В ИСТОРИИ МОСКВОВЕДЕНИЯ И ЭКСКУРСИОННОГО ДЕЛА

В статье показана роль юбилея Москвы 1947 г. в привлечении внимания общественности к вопросам истории Москвы. Автор называет виды массовой работы в области распространения краеведения: лекции, выставки, периодическая печать, экскурсии, беседы. Академическая наука и университеты являлись центрами распространения краеведческих знаний. Деятельность Музея истории и реконструкции Москвы по изучению Москвы и распространению знаний привела к созданию в Москве городского экскурсионного бюро.

Ключевые слова: история Москвы, 800-летие, лекции, общественное внимание, экскурсионное бюро, обзорная экскурсия.

Празднование 800-летия Москвы в 1947 г. вызвало небывалый подъем интереса к истории и современному развитию города. Юбилей столицы проходил в период восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Как известно, во время Великой Отечественной войны изменилось отношение государства к истории и культуре, улучшились отношения государства и православной церкви, стала востребованной история России. Сложилась новая идеологическая ситуация, в которой стал присутствовать национальный аспект. В области изучения истории Москвы появилась идея преемственности современности и древности города в отношении его славы и боевой мощи, подчеркивалась роль Москвы в национальном объединении для отражения ударов неприятеля. На страницах учебников и газет вновь появились имена Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Александра Невского, Михаила Кутузова, героев Отечественной войны 1812 г.

В этих условиях было принято решение провести 800-летний юбилей Москвы как всесоюзное политическое событие. Государственной власти необходимо было продемонстрировать гражданам СССР и всему миру красоту, величие и мощь советского государства, которое в краткие сроки сумело оправиться от разрушений военного времени. Общая концепция праздника и план мероприятий были приняты на заседании Совета министров СССР в 1946 г., создана правительственная комиссия¹, само празднование было назначено на 7 сентября 1947 г.

Москва имела свой исторический опыт празднования юбилея города: в 1847 г. 700-летие Москвы отмечали 1 января по инициативе московского митрополита Филарета (Дроздова). Как известно, первое упоминание о Москве в Ипатьевской летописи приводится без указания точной даты. Историк И.Е. Забелин вычислил по пасхальному календарю день, на который в 1147 г. приходилась пятница пятой недели Великого поста – 4 апреля 1147 г., первое упоминание Москвы в летописи². В монографии «Древняя Москва» историк и академик М.Н. Тихомиров³ также признает этот день датой первого письменного упоминания о Москве. Однако в 1947 г. основные торжества в честь 800-летия Москвы были намечены не на апрель, а на 6–7 сентября⁴.

Празднование юбилея столицы советского государства носило всеобъемлющий характер. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1947 г. была учреждена медаль «В память 800-летия Москвы», которой были награждены около 1,7 млн человек. С 800-летним юбилеем Москвы связано начало строительства семи высотных зданий, которые стали символом архитектурного облика Москвы. В честь этого события напротив здания Моссовета был заложен памятник основателю Москвы Юрию Долгорукому. Тогда же были благоустроены территории вдоль набережных Москвы, реконструирован Нескучный сад и территория вокруг Академии наук.

Внешнему облику Москвы в период празднования 800-летия, благоустройству города и праздничным мероприятиям на улицах посвящена отдельная статья М.В. Добренькой «800-летие Москвы в фотографиях: новое в облике города и организации праздника»⁵. Интерес государства и общественности к юбилею столицы несомненно повлиял на повышение интереса к его истории.

Кроме изменения внешнего облика города, в 1947 г. произошли важные события в области популяризации истории Москвы. К этому времени после длительной реконструкции был открыт ряд московских музеев, организованы новые городские экскурсионные

маршруты, проводились лекции по истории Москвы в школах, на заводах и фабриках, в различных учреждениях. Внимания заслуживает открытие в 1947 г. новой экспозиции Музея истории и реконструкции Москвы⁶, создание городского экскурсионного бюро при Мосгорисполкоме⁷.

Юбилей города дал импульс к развитию исторического краеведения в Москве и способствовал подъему экскурсионного дела на годы вперед. Например, в ходе проведения праздника началась подготовка материалов для издания шеститомной коллективной монографии «История Москвы».

Наиболее распространенной формой популяризации истории Москвы в период празднования 800-летия являлись лекции и беседы. Они проходили в течение всего 1947 г. в школах, вузах, домах офицеров, клубах, библиотеках, на фабриках, заводах Москвы и практически во всех городах СССР. Материал, который предстояло осветить сотням лекторов по всей стране, был подготовлен и опубликован на страницах центральных газет, а также разослан через отделения общества «Знание». В роли лекторов выступали учителя, аспиранты, преподаватели вузов, архитекторы, музейные и библиотечные работники. Историки и краеведы Москвы проводили методическую работу с молодыми преподавателями, аспирантами, лекторами, направленными по линии райкомов партии читать лекции по истории и культуре столицы.

Рабочие коллективы во время обеденных перерывов, после работы и даже в воскресный день приглашались послушать лекции о событиях 800-летней истории Москвы. Например, большая просветительская работа велась среди рабочих автозавода им. Сталина, где Академией архитектуры была организована выставка фотографий современных зданий столицы, читались лекции в цехах⁸. Проводились встречи москвичей со старожилами рабочих окраин города, на которых люди делились своими воспоминаниями⁹. Отредактированные очерки-воспоминания публиковались в газете «Вечерняя Москва» в рубрике «Рассказы старых москвичей»¹⁰, каждый из которых завершался комментарием редактора о современном состоянии города. Это делалось для того, чтобы у читателей не возникала стойкая ностальгия по старой, ушедшей Москве.

Для детей были выпущены книги о Москве, иллюстрированные художником Татьяной Мавриной, была выпущена настольная игра «Прогулка по Москве», подводились итоги работы кружков юных историков Москвы. На конкурс в честь юбилея города, объявленный в 1946 г. кабинетом изучения Москвы при Городском доме пионеров, поступило 25 тыс. детских исследовательских

работ. В жюри конкурса находились известные историки – члены-корреспонденты АН СССР А.В. Шестаков, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский¹¹.

Газета «Правда» опубликовала 7 сентября 1947 г. примерный текст беседы о Москве и ее юбилее¹². Материалы были составлены в МГК ВКП(б) и рекомендовались для использования на всей территории Советского Союза. Если в Москве имелось достаточное количество лекторов, то для проведения бесед в селах Рязанской, Пензенской, Ярославской, Костромской и других областей, в республиках СССР эти материалы были незаменимы.

По инициативе московской партийной организации 15 июля 1947 г. в Москве состоялось общегородское собрание пропагандистов юбилея Москвы при МГК ВКП(б). На нем присутствовала политическая элита и интеллигенция Москвы: генералы, министры, секретари райкомов, председатели райисполкомов, академики, преподаватели вузов. Заседание открыли секретарь МГК ВКП(б) И.А. Панферов и президент АН СССР С.И. Вавилов. Доклады были опубликованы в сборнике «Москва – сердце нашей Родины: сборник материалов к 800-летию столицы»¹³.

Партийный взгляд на историю Москвы на собрании при МГК ВКП(б) представляли член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова, А. Острогорский и секретарь МГК ВКП(б) И.А. Панферов. Они считали 1917 г. рубежной датой и всячески подчеркивали значение социалистического периода истории Москвы: «30 лет из 800-летней истории... срок небольшой. Но за этот период Москва на наших глазах преобразилась и стала новым социалистическим городом»¹⁴.

Установка на общий ход пропаганды истории Москвы была следующей: «800 лет – это не столько историческая, сколько политическая дата. Советский период занимает в истории Москвы исключительное место <...> Пропагандисты должны показывать все замечательные победы, которые одерживает трудовая Москва за 30 лет советской власти»¹⁵. Это свидетельствует о произошедшей в общественном сознании замене краеведения социально-политической историей СССР.

Под таким же углом зрения проходила пропаганда юбилея через образованное 7 июля 1947 г. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (общество «Знание»). Большим тиражом оно выпустило стенограмму лекции В.И. Докукина «Москва – столица великого советского государства»¹⁶. Учредительное заседание этого общества состоялось в Большом театре. Текст был рекомендован к использованию при проведении лекций

и бесед о Москве среди разных категорий населения. В.И. Докукин отдает приоритет советскому периоду истории Москвы: «Москва существует восемь веков. Но только с Октябрьской социалистической революции начинается подлинная история Москвы»¹⁷. Автор подчеркивает роль партии в социалистической реконструкции Москвы: «За время советской власти в городе сделано больше, чем за сотни лет его прежнего бытия»¹⁸.

С лекцией по истории Москвы перед московским партактивом выступил историк член-корреспондент АН СССР С.В. Бахрушин. Хронологически его доклад охватывал период с момента основания города до реформ 1860-х гг. Текст доклада С.В. Бахрушина «Возникновение и развитие Москвы» был опубликован в газете «Вечерняя Москва»¹⁹ и не попал в сборник методических материалов «Москва – сердце нашей Родины»²⁰, выпущенный МГК ВКП(б) как руководство при проведении лекций на предприятиях Москвы. В нем была отражена история лишь советской Москвы.

В юбилее Москвы активно участвовала и академическая наука. Юбилейная сессия Отделения истории и филологии АН СССР, состоявшаяся 8 сентября, представила широкий спектр докладов по истории Москвы: С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, С.К. Богоявленский обращались к истории средневековой Москвы, их коллеги Н.М. Дружинин, А.М. Панкратова, И.М. Разгон писали о традициях революционного движения, о становлении советской власти в Москве²¹.

В 1947 г. выходит фундаментальная работа М.Н. Тихомирова «Древняя Москва»²². Автор «родился и всю почти жизнь провел в Москве, и ему не для чего писать о своей преданности и любви к родному городу. Как всякий москвич, он любит свой город, его славное прошлое и великое настоящее», – такими словами начинает свою книгу М.Н. Тихомиров. Он повествует о великокняжеской Москве как «о большом и замечательном городе»²³. 7 августа даже газета «Правда» сообщила о выходе «Древней Москвы»²⁴.

М.Н. Тихомиров в 1947 г. был деканом исторического факультета Московского университета. Его докладом «Москва – центр Русского национального государства» 5 сентября открылась многодневная научная конференция МГУ, посвященная 800-летию Москвы, которая проводилась по разным направлениям: экономические науки, географические науки, филология и искусствоведение, юридические науки²⁵.

Историческая секция конференции проходила в течение двух дней – 12 и 13 сентября. В августовском и сентябрьском номерах «Вестника Московского университета» были опубликованы докла-

ды выступавших историков: М.Н. Тихомирова – «Древняя Москва», И.И. Разгона – «Москва в годы гражданской войны», К.В. Базилевича – «Москва эпохи образования Русского национального государства», С.В. Бахрушина – «Москва при Иване Грозном», В.И. Лебедева – «Москва при Петре Первом», М.В. Нечкиной – «Москва и Отечественная война 1812 г.», Г.А. Новицкого – «Планировка Москвы в XVII–XVIII вв.», Н.М. Дружинина – «Московский университет и революционная ситуация 1859–1861 гг.», И.И. Минца – «Москва в годы Великой Отечественной войны».

Среди профессуры Московского университета в периодической печати наиболее часто в связи с юбилеем Москвы упоминалось имя С.В. Бахрушина. Именно он выступил с докладом перед партийным активом города 15 июля 1947 г., в августе прочитал лекцию «800 лет Москвы» в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького²⁶. С.В. Бахрушин еще в 1939 г. возглавил коллектив авторов многотомной «Истории Москвы», выход которой был запланирован на 1947 г. В военное время работа над трудом была приостановлена и только в ноябре 1947 г. объявили подписку²⁷.

Для обслуживающего персонала Московского университета профессор и краевед Б.Б. Кафенгауз сделал доклад «Москва и Московский университет», который не вошел в юбилейный сборник. Б.Б. Кафенгауз занимался историей Москвы с 1920-х гг., водил экскурсии и публиковал статьи по истории отдельных исторических мест Москвы, готовил к публикации сборник статей общества «Старая Москва». Следует отметить, что в период проведения 800-летия Москвы в 1947 г. не существовало общественных краеведческих организаций, они были ликвидированы в 1930-е гг.

Значительную роль в популяризацию истории Москвы внес известный краевед Москвы П.В. Сытин. В 1946–1948 гг. в газете «Вечерняя Москва» выходит цикл его статей, посвященных истории московских улиц и площадей. Эти очерки, подготовленные к печати в год 800-летия Москвы, опирались на многолетнюю работу П.В. Сытина по изучению Москвы. Газетные статьи легли в основу широко известного справочника «Из истории улиц Москвы», вышедшего через год после юбилея²⁸. Кроме краеведческих публикаций, П.В. Сытин занимался популяризацией москвоведения с помощью экскурсионного дела. Ему принадлежит немалая роль в объединении ведущих москвоведов вокруг идеи создания в Москве городского экскурсионного бюро, что и было сделано в феврале 1947 г.

Значение 800-летнего юбилея Москвы в развитии городского экскурсионного дела отметил историк и москвовед Ю.Н. Алексан-

дров: «В Москве важнейшим этапом становления экскурсионного дела стала подготовка к празднованию 800-летия столицы (1947 г.), когда при Управлении культуры было создано городское экскурсионное бюро»²⁹. До сих пор в научной литературе не предпринималось специальной попытки описать процесс создания в 1947 г. базы Музея истории и реконструкции Москвы, экскурсионного бюро. Эта возможность появилась благодаря изучению архивных материалов Центрального городского архива г. Москвы, который располагает фондами экскурсионных учреждений Москвы. В данной статье использованы методические разработки, распорядительная документация и делопроизводственные документы фондов Музея истории Москвы³⁰, Управления культурно-просветительных предприятий Моссовета³¹ и Московского городского экскурсионного бюро в качестве источников по истории Москвы³².

29 июля 1946 г. была выпущена директива Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совмине РСФСР «О развертывании в стране экскурсионной работы»³³. Вслед за этим Управление по делам культурно-просветительных предприятий Моссовета издает приказ № 118 от 16 октября 1946 г.³⁴, согласно которому проведение экскурсионной работы по городу передавалось в ведение Музея истории и реконструкции Москвы.

С октября по декабрь 1946 г. силами сотрудников музея и внештатных экскурсоводов стали проводиться экскурсии по городу «История Кремля и Красной площади», «Москва – сердце Родины» и «От старой к новой Москве». В отчете о работе Музея истории и реконструкции Москвы за 1946 г. сообщается, что в октябре–ноябре музей провел 14 067 городских пешеходных экскурсий по Москве, 16 400 комбинированных (по городу и музею) и 736 автобусных экскурсий по Москве³⁵. Комплексные экскурсии по городу и музею проводились до декабря 1946 г., пока экспозиция была доступна для осмотра: «В данное время музей проводит большую работу по обслуживанию населения вне музея (экскурсии, организуемые из транзитных пассажиров на всех вокзалах города Москвы, экскурсии по Москва–Волга каналу)»³⁶. Во время подготовки к празднованию 800-летия Москвы потребность города в экскурсоводах резко возросла, и музей не справлялся с ней своими силами.

По инициативе П.В. Сытина при Музее истории и реконструкции Москвы в конце 1946 г. были организованы шестимесячные курсы подготовки экскурсоводов, куда в качестве преподавателей были приглашены историки и москвоведы³⁷. Материал, который изучали слушатели курсов, носил краеведческий характер.

Для экскурсоводов, готовивших обзорную экскурсию, библиотекой музея были составлены рекомендательные списки на темы, разработанные еще в конце 1930-х гг. «Сталинский план реконструкции Москвы в действии», «Москва социалистическая»³⁸. Был создан и новый экскурсионный маршрут – «История улиц Москвы», основой для которого стала подборка краеведческих статей П.В. Сытина из газеты «Вечерняя Москва»³⁹. По окончании занятий на курсах в апреле 1947 г. будущими экскурсоводами были написаны методические разработки экскурсий на заданные темы, которые рецензировались научными сотрудниками Музея истории и реконструкции Москвы. Затем экскурсии прослушивались и обсуждались на специальной квалификационной комиссии. Всего было выпущено 42 квалифицированных экскурсовода, в дальнейшем они составили первый штат Московского городского экскурсионного бюро (МГЭБ).

О коллективе первых экскурсоводов вспоминает Ю.Н. Александров: «Московское экскурсионное бюро тех лет было небольшим по численности объединением подлинных профессионалов, обладавших энциклопедическими знаниями, и энтузиастов-любителей. Многие получили великолепную подготовку на специальных курсах при Музее истории Москвы еще в преддверии 800-летия города»⁴⁰.

В связи с тем, что масштаб экскурсионной работы перерос возможности Музея истории и реконструкции Москвы, еще на стадии подготовки к празднику Управление культурно-просветительных предприятий потребовало восстановить в системе управления МГЭБ, что было сделано решением Исполкома Моссовета № 29/52 от 3 июля 1947 г.⁴¹

Перед вновь созданным экскурсионным бюро были поставлены следующие задачи:

- а) широко организовать экскурсионную работу, имеющую целью непосредственное ознакомление трудящихся, особенно молодежи, с Москвой как с политическим, хозяйственным и культурным центром Союза ССР;
- б) организовать массовые экскурсии по ознакомлению трудящихся с юбилейными выставками;
- в) организовать для партийного и советского актива экскурсии в Кремль;
- д) организовать специальные экскурсии по Москве для гостей, прибывающих на юбилейные торжества;
- е) шире организовывать экскурсии для транзитных пассажиров;
- ж) установить красочные стенды, выставки о Москве на вокзалах, в аэропорту⁴².

Вся работа экскурсионного бюро с января по сентябрь 1947 г. была подчинена подготовке столицы к празднованию своего 800-летия⁴³. Было организовано 2420 бесплатных экскурсий в музеи, для партийного актива города было проведено 160 экскурсий по территории Кремля⁴⁴. В день празднования – 7 сентября 1947 г. – на Красную площадь отправили 30 экскурсоводов, которые рассказывали присутствовавшим на площади об истории Москвы. Были случаи, когда около экскурсовода скапливалось по 150–200 человек⁴⁵.

В отношении содержания экскурсий предъявлялось требование «особое внимание уделить максимальному показу достижений социалистического строительства Москвы за 30 лет советской власти»⁴⁶. Большая часть экскурсионных маршрутов демонстрировала строящиеся или уже законченные объекты Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г.: магистрали и набережные, метрополитен и канал им. Москвы, жилые дома в стиле «сталинского классицизма». Около информационных стендов на вокзалах быстро собиралась толпа экскурсантов, которые садились в голубой автобус городского экскурсионного бюро⁴⁷. При проведении обзорной экскурсии от Курского вокзала автобусы ехали по Земляному валу до площади Красных ворот, затем на площадь Свердлова, мимо гостиницы «Москва» на Красную площадь. 1 сентября газета «Правда» опубликовала данные о 62 экскурсиях, проведенных городским экскурсионным бюро за день⁴⁸. С начала своей работы в феврале 1947 г. до 1 сентября МГЭБ провело более уже 7 тыс. экскурсий⁴⁹.

По результатам проведенных в юбилейном году экскурсий был выпущен справочник «Экскурсии по городу Москве и московским музеям»⁵⁰, а также 10 тыс. открыток «Привет из Москвы» с видами городских мест, посещение которых входило в маршрут обзорной экскурсии.

К празднованию московского юбилея МГЭБ разработало 13 городских маршрутов: «Москва – столица нашей Родины», «Сталинский план реконструкции Москвы в действии», «От старой Москвы к социалистической Москве», «Архитектурный облик Москвы», «Московский метрополитен – лучший в мире», «Канал им. Москвы – величайшее сооружение Сталинской эпохи», «Ленин в Москве», «По местам октябрьских боев 1917 г. в Москве», «Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве», «История Кремля и Красной площади», «Маяковский в Москве», «Пушкинская Москва», «Театральная Москва»⁵¹.

Результатом серьезного интереса государства к экскурсии как к виду пропаганды знаний о Москве и ее памятниках стало создание

МГЭБ, которое существовало в качестве ведущей городской экскурсионно-просветительской организации до 1993 г.

Повсеместные выставки репродукций, открыток и книг, лекции по истории Москвы, конференции в Московском университете и Академии наук, публикация новой литературы по москвоведению, наконец, создание экскурсионного бюро, которое только за один день проводило порядка 40–60 экскурсий по городу, – все это показало широкую заинтересованность различных слоев населения в знаниях по истории и культуре Москвы. Культурно-просветительская работа в области москвоведения, проведенная в 1947 г. в период подготовки к празднованию 800-летия, имела долговременные результаты и положительные последствия для развития москвоведения. Все это стало возможным благодаря государственной организации празднования 800-летия Москвы и общему изменению отношения к истории страны.

В данной статье мы затронули лишь вопросы распространения краеведческих знаний и экскурсионного дела. Юбилей города положительным образом отразился на состоянии многих сфер общественной жизни Москвы, на ее благоустройстве, способствовал превращению столицы в современный город, открывающий перед людьми послевоенного поколения широкие возможности.

Примечания

- ¹ Пономарев А.Н. 800-летие Москвы // История Москвы в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. М., 1967. С. 210.
- ² ПСРЛ. Т. II. М., 1962. С. 338.
- ³ Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947.
- ⁴ Правда. 1947. 7 сент. С. 1–4.
- ⁵ Добренькая М.В. 800-летие Москвы в фотографиях: новое в облике города и организации праздника // Первые всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.). М., 2009. С. 196–201.
- ⁶ Москва – сердце нашей Родины: Сб. материалов к 800-летию столицы. М., 1947.
- ⁷ Степанова О.В. Тематика Московского городского экскурсионного бюро в 1960–1970-е гг. // Региональная история. Краеведение. Москвоведение: Сб. материалов I–VI межвузовских студенческих научно-практических конференций. М., 2009. С. 63.
- ⁸ Вечерняя Москва. 1947. 15 июля. С. 3.
- ⁹ Там же. 17 июля. С. 3.

- ¹⁰ Там же. 14 августа. С. 3.
- ¹¹ Там же. 14 июля. С. 3.
- ¹² Материалы для докладчиков. К 800-летию Москвы // Правда. 1947. 6 сент. С. 2–3.
- ¹³ Москва – сердце нашей Родины: Сб. материалов к 800-летию столицы. М., 1947. С. 81.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Панферов И.А.* О задачах пропаганды // Москва – сердце нашей Родины: Сб. материалов к 800-летию столицы. С. 17.
- ¹⁶ *Докучин В.И.* Москва – столица великого советского государства. М., 1947.
- ¹⁷ Там же. С. 11.
- ¹⁸ Правда. 1947. 18 авг. С. 3.
- ¹⁹ Вечерняя Москва. 1947. 2 июля. С. 3.
- ²⁰ Материалы для докладчиков. К 800-летию Москвы. С. 81.
- ²¹ Вечерняя Москва. 1947. 21 авг. С. 1.
- ²² *Тихомиров М.Н.* Указ. соч.
- ²³ Там же. С. 6.
- ²⁴ Правда. 1947. 7 авг.
- ²⁵ Празднование 800-летия Москвы в Московском университете // Вестник Московского университета. 1947. С. 128–132.
- ²⁶ Вечерняя Москва. 1947. 30 июля. С. 1.
- ²⁷ Там же. 24 июля. С. 1.
- ²⁸ *Сытин П.В.* Из истории улиц Москвы. М., 1948.
- ²⁹ *Александров Ю.Н.* Из истории Центрального Совета по туризму и экскурсиям // Мир экскурсий: журнал о теории и практике экскурсионного дела. 2008. № 5. С. 41.
- ³⁰ ЦАГМ. Ф. 2411.
- ³¹ Там же. Ф. 2011.
- ³² Там же. Ф. 1071.
- ³³ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Ф. 2411. Оп. 2. Д. 37 Л. 14.
- ³⁶ Там же. Д. 45. Л. 41.
- ³⁷ Там же. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ³⁸ *Рудный М.М.* Экскурсии по Москве и области. М., 1939.
- ³⁹ ЦАГМ. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 49. Л. 118.
- ⁴⁰ Интервью с Ю.Н. Александровым // Личный архив автора.
- ⁴¹ ЦАГМ. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 49. Л. 121.
- ⁴² Там же. Ф. 2411. Оп. 2. Д. 34.
- ⁴³ Там же. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Ф. 2411. Оп. 2. Д. 34. Л. 14.

⁴⁷ По улицам столицы: экскурсанты в Москве // Вечерняя Москва. 1947. № 182. С. 3.

⁴⁸ Правда. 1947. 2 сент. С. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Экскурсии по городу Москве и московским музеям. М., 1947.

⁵¹ ЦАГМ. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 49. Л. 122.

В.П. Машковцев

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
«ГУБЕРНИЯ В СТАРОЙ ОТКРЫТКЕ»:
ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПУТИ

Статья посвящена истории подготовки и издания уникальной серии иллюстрированных книг «Губерния в старой открытке». Эта серия насчитывает 11 книг, посвященных городам Владимирской губернии: Владимиру, Гороховцу, Гусь-Хрустальному, Мурому, Юрьев-Польскому, Переславлю-Залесскому и другим, а также городам Нижнему Новгороду, Калуге, Елисаветграду (ныне Кировоград). В 2011 г. серия книг пополнилась уникальной книгой «Энциклопедия открыток с видами городов и населенных пунктов Владимирской губернии до 1918 года». Автор, инициатор и руководитель серии, рассказывает, как из знатоков-краеведов формировался авторский коллектив, велся отбор старых открыток и фотографий из коллекций филокартистов и архивных фондов. В изданных книгах серии содержится много уникальных визуальных и текстовых источников по истории и культуре русского города.

Ключевые слова: губерния, город, история России, коллекционирование, краеведение, провинция, старая открытка, филокартия.

Сегодня, когда по мнению не только любителей истории и коллекционеров, но даже авторитетных историков программа «Губерния в старой открытке» доказала свою актуальность и жизнеспособность, 11 книг серии стали заметным явлением в книжной культуре современной России, в краеведении.

Россия интересна не только своими столицами, в которых в основном и появляются прекрасно изданные книги, но и своей провинцией. И, что немаловажно, люди, живущие в ней, хотят знать о «своем доме» как можно больше, живо тянутся к информации об истории своих городов, их славном историческом прошлом, своих

корнях. Вот почему многие книги этой серии практически невозможно купить: они разошлись мгновенно и уже сейчас являются библиографической редкостью. Весьма символично, что серия «Губерния в старой открытке» издается именно в провинции, в древнем, богатом своей историей Владимире, и рассказывает «в старой открытке» о малых и больших городах Владимирской губернии с богатейшей историей: Вязниках, Гороховце, Гусь-Хрустальном, Коврове, Меленках, Муроме, Судогде, Юрьев-Польском, Переславле-Залесском, усадьбе Муромцево, селах Буланово, Никологоры и Мстера, Флорищевой пустыни, а также о Нижнем Новгороде, Калуге, сейчас уже зарубежном Елисаветграде (Кировограде). Важно, что и творческий коллектив состоит из – провинциалов различных городов России, людей, знающих о своих городах не понаслышке, болеющих душой за их прошлое, настоящее и будущее.

Эта краеведческая программа уникальна еще и потому, что в ее реальность мало кто верил, но она доказала свою жизнеспособность и стойкость. Вспомним время начала ее создания! Сколько программ за это время было предложено?! Многие ли были реализованы? И мы не говорим о сложности государственного переустройства нашего времени. А эта, провинциальная, живет и действует, убеждая всех своей правдивостью, читательским успехом от книги к книге.

Все началось два десятилетия назад, зимой 1992 г., когда случайно на глаза попала книга «Саратов в старой открытке». А почему не Владимир? Но книга должна быть другой – качественней, ярче, цельней. Такими были первые впечатления от увиденного Саратова. Кстати сказать, открыток с видами Владимира я практически до этого не видел, не считая нескольких экземпляров, купленных ко дню рождения моей хорошей знакомой, сотрудницы Владимиро-Суздальского музея-заповедника Лии Романовны Горелик. Разве мог я тогда подумать, что этот, на первый взгляд незначительный подарок через много лет приобретет некое мистическое значение. Через много лет автор текста первой книги о Владимире Татьяна Петровна Тимофеева сразу же поставит неожиданное условие: книга должна быть посвящена Лии Романовне... Потом, как и при любом серьезном исследовании, будет еще много больших и маленьких краеведческих открытий, уникальных совпадений, совершенно немыслимых исторических зигзагов, но это событие так и останется первым и, наверно, потому самым значимым.

Итак, было желание сделать книгу о Владимире. Конечно же, оно могло появиться прежде всего у людей причастных к коллекционированию и владевших, может, не собраниями открыток,

но знанием о них. Осознание того, что любая коллекция должна быть доступна, давая возможность познания не только владельцу, пришло позже. Но одного желания мало. Очень важно, что пришло наконец время, когда открытку можно было открыто показать. Именно эта миниатюра с изображением старинных российских – «царских, дореволюционных» – городов могла быть и всегда была в первую очередь свидетелем того, что произошло с ними в XX в., а потому всегда обвиняла. Именно эта область коллекционирования всегда была негромкой, «кухонной». Хотя даже первое знакомство с таким материалом давало повод возопить: а что же осталось?! Филокартистов не трогали власти, потому что они почти всегда информировали только о лениниане, революционных событиях, темах героических и разрешенных. Да и стоимость открыток исчислялась копейками. По сравнению с нумизматами, фалеристами, собирателями икон и картин, эти люди не были в первых рядах коллекционеров, нервирующих Советскую власть.

Безусловно, тема «Старая открытка» к началу перестройки была уже на поверхности. И любой человек, имевший хоть одну открытку, изыскивал возможность не только понять, что на ней изображено, но и рассказать об этом другим. И только очень ленивый не подумал о том, что старую открытку надо издавать, и на эксплуатации этой темы не только можно, но и нужно зарабатывать.

Все помнят первую волну черно-белых книжечек с плохо отпечатанными открытками. Главная задача этих выпусков – сделать выпуск быстро и денежно не взирая на плохое качество. Как правило, это редкие открытки с исчезнувшими памятниками и небольшими комментариями к ним. Не буду приводить названия городов, спешивших рассказать о своих бедах. Это было веление времени, и авторы этих книг достойны уважения. Во многих этих городах появились другие книги, где были учтены первые просчеты. Правда, тексты этих книг в большинстве своем так и остались в виде кратких упоминаний о том, что изображено и когда исчезло.

Но о текстах книг «про открытки» мы поговорим чуть позже, самое время поговорить о планировании программы. Это очень важно.

Конечно же, первой предполагалась книга о губернском городе. Но здравый смысл подсказывал, что нельзя ограничивать себя одной книгой. Одновременно с книгой «Днесь светло красуется». Владимир в старой открытке» сразу же не только собирался материал для книг, которые в последующем получили название «По муромской дороге», «Путешествие в Гороховец», «Царственно поставленный город», но и осуществлялся перевод книг на английский язык. Это спасло программу от многих бед, хотя наступали

моменты, особенно при издании первых книг, когда люди уже не верили в реальность задуманного. Книги о Владимире, Нижнем Новгороде, Муроме и Гороховце были запланированы в одно время, но изданы с разницей в десять лет. Но было именно так. Карта губернии была расчленена на участки вдоль самых интересных дорог, проходящих через древние города. До сих пор эта небольшая и не очень информативная карта с намеченными маршрутами хранится у меня в архиве. Нижний Новгород попал в поле зрения только по причине того, что я защищал в этом городе диссертацию. Надо сказать, издательское дело в последующем стало самым важным и единственным делом моей жизни, оно полностью захватило меня. Но это было совершенно не известное для меня дело. Сейчас, по прошествии многих лет, я часто думаю о том, что если бы я знал заранее, что предстоит делать для издания книги, я не взялся бы за это. Возможно, именно поэтому программа и состоялась. Для любого дела важен характер. Нельзя относиться к любому делу вскользь, суетливо. Этим надо жить!

Итак, задача поставлена, остается только посетить желаемый город, предварительно вооружившись его планом или схемой. Но это не просто. Вспоминается случай, когда в процессе поиска копии плана Владимира пришлось обратиться в одну из уважаемых в городе реставрационных мастерских, обладавших многочисленными материалами по истории наших городов. Запрошенная учреждением цена за копию плана города начала XX в. повергла меня не только в уныние, но и в шок. Если у вас нет плана города с выверенными названиями улиц, то вы не узнаете изучаемого города. Следовательно, вы не готовы к работе со старыми открытками. Надо помнить, что названия улиц часто менялись, иногда одна и та же улица за свою историю меняла название несколько раз. В связи с этим вспоминается прекрасная традиция Ярославля, где на одном из домов можно прочитать все названия одной из центральных улиц этого города. Уникальный и очень поучительный опыт.

О планах городов можно говорить бесконечно. Это, прежде всего, уникальный рисунок, созданный человеком и природой. Можно долго любоваться им, не вникая в подробности. А если рисунок раскрашен и подробно подписан, то это уже произведение искусства, достойное созерцания и постоянного изучения. Мы еще вернемся к планам и видам городов, созданным специально для книг программ. А пока обратимся к вопросу поиска материалов, и прежде всего основы книг «Губернии» – открыток. В этой программе именно они играют главную роль. Открытки этой программы уникальны, они ранее не воспроизводились в книгах.

Это было время, когда практически впервые филокартисты стали открыто и прилюдно показывать свои коллекции, удивляя любознательных людей не известными и не узнаваемыми пейзажами, казалось бы, до мелочей известных им городов. Первая книга о Владимире была задумана на основе частных коллекций. Основой стала коллекция известного не только в нашем городе филокартиста Александра Васильевича Демидова, имеющая более 60% известных открыток Владимирщины в современных границах Владимирской области. Были опрошены и остальные коллекционеры. Но оказалось, что в коллекциях нет очень важных видов города, а особенно недоставало карт. После продолжительной процедуры все же удалось познакомиться с музейными открытками, получить с них копии, но это было делом нереальным. В первую очередь по финансовым причинам. Музеи тоже учились выживать. Было принято решение в данной работе обойтись без музейных экспонатов. Надо отдать должное Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику – после выхода книги отношение к нам изменилось. В музейных залах была проведена презентация книги. В последующем материалы музея были более доступны.

Но первый опыт показал сложность общения с музеями как хранителями информации. Даже сейчас, по прошествии времени, принося в качестве доказательств несколько книг, договориться с музеями бывает очень трудно. Поэтому уже в стадии проекта приходилось «снять грех с души». Именно так я назвал эту практически всегда неприятную процедуру посещения музея и получения отказа на участие в проекте после вопросов «Кто ты такой?» и ответа «А мы сами...». Надо добавить, что это происходило всегда после того, как были сделаны копии открыток из частных коллекций. И посещение музея происходило потому, что не предложить участия в программе было бы неуважением. А то, что коллекционеры не обладали таким количеством фотографий и других экспонатов, как музеи, было вторично. Эта процедура хоть и показывает неадекватность взглядов директоров музеев на программу, но без нее не обойтись. Последние два отказа я получил в течение полугода. Конечно, в процессе подготовки книг приходилось искать другие пути и подходы к решению этой задачи, и задачу удавалось иногда решить, в последующем сохраняя хорошие деловые отношения с сотрудниками этих музеев. Но в музее бралась самая малость, то, чего не было и не могло быть в частных коллекциях.

Конечно, для того чтобы найти и уговорить коллекционера на участие в проекте, необходимо знание этой очень благодатной и благодарной среды. Сейчас становится все более ясным, что кол-

лекции должны работать, они должны быть доступны. По прошествии 18 лет понимаешь, что коллекционный мир изменился, стал более меркантилен. Но он продолжает откликаться на хорошие дела и всегда будет это делать. А здесь можно собрать уникальный материал для подобного рода книг.

Итак, мы прошли еще один этап: нашли целую пока еще «кучу» открыток с, казалось бы, нужными видами и сделали с них копии. Хорошо, если вы житель этого города. А если нет, то вам предстоит еще очень сложный, но интересный путь. Начинается он с плана города и предварительного нанесения на него точек съемки имеющих у вас открыток. Конечно, лучше найти знатока города, обладающего исключительным материалом по краеведению и к тому же умеющего его изложить. Часто найти в лице одного человека все эти качества невозможно. А если очерков несколько и вам в процессе подготовительных работ не удалось познакомиться с такими людьми, то при посещении интересующего вас города или села прямая дорога в библиотеку! Библиотека – это клад. Клад не только собранного по крупицам материала, разложенного по полочкам. Клад в этих тихих, неприметных домах – люди, готовые помочь и способные это сделать. Именно через библиотекаря вы узнаете если не все об истории села или поселка, то многое.

Но прежде, чем задавать вопросы в библиотеке, обязательно познакомьтесь с городом сами. Вы должны из визуального знакомства взять максимум и постараться нанести на карту разгаданные вами виды. Посещать интересующий вас город лучше весной в солнечный день. Весной город оголен и многие виды доступны глазу. Кстати сказать, присмотревшись к открыткам, вы поймете, что многие виды сделаны именно в это время года.

Именно автор-составитель должен представить, как это все должно быть. В последующем вся ответственность на нем. Человеку свойственно забыть, что найденный им материал долгое время был невостребован... Именно личность автора-составителя во многом определяет успех дела. Выполненные им поиск и выбор открыток, идеи каждой книги, а также подбор авторов-исполнителей серии должны быть точными и обеспечивать гармонию изданий. Под его руководством создается авторский коллектив людей из различных городов России, людей разных специальностей, объединенных любовью к Родине и ее истории. Автор-составитель готовит пакет архивных документов не только для книг серии, но и для гравюр, планов и видов исследуемых городов. Но вот вы все посмотрели своими глазами, со всеми перезнакомились и наконец выбрали себе спутника по книге.

Сначала хотелось оставить без внимания тему взаимоотношений и щепетильности краеведов, владеющих, как им кажется, исключительным материалом. Их можно понять. Они часто работают над одними и теми же темами. Тем не менее всего несколько слов о том, какое событие может произойти, когда краеведческая общественность понимает, что начинается работа над книгой, и это делает другой краевед. Все сводится к тому, что обязательно найдется кто-то, кто владеет таким же материалом. И после информации о новой книге, впопыхах, он начинает доводить свою работу до «логического» конца: обязательно выпустит книгу, удовлетворив свое самолюбие. Когда это произошло с нами впервые, это было происшествием неприятным. Зачем, спрашивается, выпускать простенькую черно-белую книгу на плохой бумаге и прочее? Но потом эти нервозность и непонимание прошли. Пусть будет много разных книг краеведческой тематики. Их потом можно сравнить...

Работа над книгой не терпит суеты. Можно издавать поэтапно, сначала черно-белый вариант, чтобы заработать, а затем перейдя к более красочной книге. Но всегда надо помнить, что открытка – произведение искусства. Пусть маленькое, порой невзрачное. Но это только на первый взгляд. Открытка с видом города содержит много информации. И потому первое, что мы поставили себе в качестве задачи, – в книге должна быть открытка только очень высокого качества!

Но видовая открытка имеет и слабую сторону. Она – местный житель, абориген, и интересна практически только жителям этого населенного пункта или знающего эту местность, а также людям любознательным и историкам. ореол значимости открытки узок. И потому необходимо было решить еще одну задачу – сделать книгу интересной не только людям знакомым с этой местностью, но и человеку со стороны. Для решения этой задачи необходим интересный и цельный сюжет. Надо максимально расширить интерес к книге.

Уже после выхода первой книги о Владимире возник еще один нюанс, о котором ранее не догадывались. Оказывается, книга с видовыми открытками сложна для восприятия. Эти книги очень информативны. Я точно знал, на какой странице первой книги человек устанет ее смотреть, понимая, что запутался, хотя его интерес к книге был неподдельным. И это вполне понятно. В книге все не так, как сейчас. Все изменилось. А человек вдруг выясняет, что его знаний явно не хватает. Эти книги нельзя познать сразу. Их надо изучать, читать понемногу, вживаясь в ушедшие времена, часто с трудом соотнося сюжеты прошедшие и современные. Удивитель-

но, но именно первая книга показала правильность выбранного нами пути – книга должна быть дискретна в своем восприятии. Уже много раз перечитывая любую из книг, я с удовольствием констатирую, что их можно читать практически с любой страницы, каждый разворот отдельно, не боясь запутаться в сюжете или видах. Можно отложить в сторону в любой момент и снова взять, наслаждаясь старым городом, не торопясь, познавая его. Сначала не особо всматриваясь в мелкие детали сюжетов, а затем вновь, но уже с увеличительным стеклом. Сюжеты наших книг бесконечны. И это благо, оставленное нам, увы, зачастую неизвестными фотографами. Нам необходимо реабилитировать этих людей, дать понять важность их работы, определить авторство снимков на открытках. Предстоит чудовищно много работы.

В последние годы как никогда актуальна проблема патриотического воспитания, обращения к истории России и родного края, к нашим истокам, к народным и семейным традициям. Без летописи нет истории, а фотография как основа открытки с начала рождения стала неотъемлемой частью, визуальной летописью нашей страны. Появившись в середине XIX в., светопись с первых своих шагов заявила о себе как о новом средстве информации, превратившись со временем в ценнейший, уникальный по своей достоверности изобразительный источник. Фотография представляет большой научный интерес, помогает совершать зримое путешествие в прошлое, расширяет границы наших знаний по истории архитектуры, прикладных искусств, этнографии. Надо помнить, что даже сами по себе поиск и публикация старых фотографий являются делом весьма важным.

Важно и то, что для многих российских городов проблема восстановления и реставрации памятников архитектуры стоит особенно остро: они значительно пострадали в годы советского строительства и страдают сейчас. Тем большую ценность имеют книги серии «Губерния в старой открытке», которые на высоком полиграфическом уровне демонстрируют собранные воедино видовые открытки и фотографии, найденные их создателями в процессе кропотливого многомесячного поиска в архивах, семейных альбомах старожилов, собраниях коллекционеров, фондах местных музеев. Именно на них могут опереться специалисты, работая над реставрацией и восстановлением уникальных памятников архитектуры.

А сколько могут еще рассказать авторы этих книг не столько о том, что утеряно, сколько о том, что надо сберечь? Но в наших книгах вы не найдете слез уныния, они просто возвращают читателей к истокам, понимая, что, изучив книгу, читатель сам поймет

меру утрат. Именно изучив, поскольку авторы при всей своей личности претендуют на уникальность и серьезность публикуемых исследований.

И еще несколько замечаний о текстах планируемых книг. Конечно, работа с авторами текстов очень индивидуальна. Тем не менее важно четко поставить задачу, при этом дать возможность автору высказаться. В процессе предварительной беседы с автором составить реальный план и определить объем статьи. Надо помнить, что после верстки такого рода книг объем книги увеличится в 5–6 раз в сравнении с написанным текстом. Важной частью первых книг серии были стихи. Это тоже был шанс, если не для начинающих, то малоизвестных поэтов. К сожалению, в последующем попытки использовать стихи оказались неудачными. Гармонию текста и стихов первой книги сохранить не удалось. И еще раз хочется повториться, что тексты должны быть оптимистичны. Цель книги – показать историю города, а не указать, что разрушено. В противном случае, увы, вся книга будет только об этом. Это утомительно. Хотя, знакомясь с городами и селами нашей Родины, я заболел душой, сравнивая пейзажи с разницей в столетие. Это ужасно, что мы сами с собой сделали и продолжаем делать...

В чем же состоит уникальность владимирской серии, чем отличается она от подобного опыта в других городах России? Прежде всего, тем, что помимо открыток в книгах широко представлены старые фотографии, заметно разнообразившие показ города, его улиц, отдельных домов, церковных, монастырских комплексов и портреты городских обывателей различных чинов и званий, не всегда известных, но характерных для данной эпохи, что дает читателю возможность полнее почувствовать атмосферу тех лет. Кроме того, и это особенно важно для читателя, серия вообще не сводится лишь к демонстрации некоего видеоряда. Старинные видовые открытки в этих книгах всегда сопровождается пояснительный текст, снабженный большим количеством так называемого «параллельного текста» в виде цитат из дореволюционных изданий, старых газет и архивных документов. Но не допускается владимирский пересказ анекдотов и легенд, чем грешат многие современные региональные краеведческие издания. Важен подбор этих фактов. Немаловажно, что дополнительные тексты не перегружают книгу списком литературы и соответствующими сносками.

Следующим шагом создания книги является работа над макетом. Важно, чтобы этим занимался профессиональный художник-книжник. Любая старая открытка уже сама по себе произведение искусства, что делает особенно важным качество ее воспроизведе-

ния. Для достижения этой цели был тщательно продуман формат изданий, позволяющий воспроизвести открытку в натуральную величину, и создан макет, дающий читателям возможность легко ориентироваться в городе, даже не зная его. С этим прекрасно справился художник-оформитель серии, художник-график *Юрий Константинович Ткачев*, сумевший выдержать оформление всех входящих в серию книг в едином стиле, с неизменно высоким уровнем культуры издания. Так, например, свои общие правила имеет оформление переплета. На лицевой стороне обложки используется открытка с самым характерным видом города, на тыльной ее стороне традиционно ставится открытка-загадка: понять, какое место города на ней изображено, можно только внимательно прочитав книгу. Будучи специалистом, он сумел избежать скучного единообразия и сделал каждую отдельную книгу серии такой же неповторимой, каким является и город, которому она посвящена.

Работая над конкретной книгой серии, художнику приходилось каждый раз по-новому решать проблему ее оформления, придавая тем самым очередной книге присущий только ей неповторимый «аромат». Так, работая над книгой «Калуга в старой открытке», художник столкнулся с проблемой выбора сюжетов для ее иллюстрации из существующего многообразия видовых открыток Калуги (более 800 штук). Решено было часть открыток поместить в книгу, как обычно, в натуральную величину, а оставшиеся – под основной открыткой, в уменьшенном виде. Таким образом, читатель имеет возможность видеть одну улицу или дом не только с разных сторон, но и в разное время.

В книге «Юрьев-Польский в старой открытке», напротив, недостаток открыток с видами города пришлось компенсировать видовыми фотографиями начала прошлого века. Особой изюминкой в оформлении книги стало использование современных цветных фотографий. Весьма любопытен ход, когда элементы скульптурного декора Георгиевского собора использованы на каждой странице книги в качестве украшения, одновременно погружающего читателя в атмосферу истории города.

Несомненной удачей владимирской серии является сотрудничество, а затем и моя дружба с заслуженным художником России *Александром Павловичем Шубиным*. Первой работой художника (1995 г.) с этим творческим проектом стало создание планов уездных городов Владимирской губернии для книги «По муромской дороге». Шесть цветных офортных планов, по количеству глав книги, показывают планы старых городов с изображением и обозначением основных памятников архитектуры. Наиболее значительной

и по-настоящему уникальной работой стал следующий совместный проект – «Виды уездных городов». Большеформатные цветные офорты (35×80 см) показывают города Калугу, Суздаль, Юрьев-Польский, Владимир, Муром с высоты птичьего полета. Уникальность этого проекта в том, что художник, используя материалы, предоставленные автором-составителем и авторами очерков, не повторяя известные изображения, создает авторскую композицию вида города начала XX в. При этом неповторимость данного проекта в том, что виды-панорамы таких городов, как Суздаль, Юрьев-Польский, Владимир, Муром, созданы впервые за всю их многовековую историю. На основе стилистики старых гравюр А.П. Шубин выработал свой графический язык, главное в котором – точность штриха, контрастные тональные решения, использование технологий высокой и глубокой цветной печати. Созданные художником изображения старых городов можно рассматривать как документ, фиксирующий их состояние в конце XIX – начале XX в., накануне перемены и утрат в их облике, что подтверждается всякий раз историками, реставраторами, краеведами. В то же время это оригинальное авторское произведение современного графического искусства. Очень жаль, что пока не все гравюры были использованы в книгах серии.

В процессе создания книги, даже в процессе их планирования, всегда присутствует вопрос финансирования. Программе повезло: первые книги серии финансировались *Алексеем Александровичем Мельниковым*, в те годы директором Владимирского городского центра научно-технического творчества молодежи, реорганизованного в 1992 г. в акционерное общество «Посад». Сейчас он занимает должность директора крупного завода нашей области. Остается сожалеть, что в последующем наши пути разошлись. Произошло это во время наибольшего продвижения программы, в удачный момент для бизнеса: сформировалась программа, пошли заказы на книги, был определен тираж книг, система их распространения. Но, увы, для этого масштабного человека такая программа показалась не достаточно интересной. Это был сложный период для программы, но не смертельный. Пришло время, когда местные власти городов, издаваемых в книгах, поняли важность программы. К этому времени они стали их заказчиками. Возрождение началось с книги, получившей в последующем название «Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке», и если здесь инициатором был автор-составитель, то в книге «Город св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке» инициатором стал глава администрации этого города и района *Алексей Влади-*

мирович Коньшев. Это было прорывом. Мы почувствовали, что известны, не забыты, многое можем. Но надо сказать, что такая ситуация возникла только после выхода пяти книг.

Это удивительная удача, несмотря на то что приходится переверстывать планы, в которые включена работа минимум по 3–5 проектам. И все это без финансирования, по личной инициативе и на личные деньги. И только после полной подготовки книги приходится обращаться к администрации тех или иных городов по вопросу финансирования. Каждая из книг имеет свою историю. Конечно, важно иметь подвижника, человека, поверившего в ваше умение, профессионализм, вашу честность и т. д. На сегодняшний день очень актуален и действенен способ финансирования программы администрациями. Но есть один нюанс. В этом случае в продажу поступает максимум треть из трехтысячного тиража. Остальные остаются на принимающих участие в финансировании заводах, фирмах, администрациях. Именно эта часть тиража уходит в качестве подарков людям часто не очень интересующимся историей, людям случайным. Оставшиеся книги продаются быстро, и часто приходится впоследствии искать книги для людей заинтересованных. Таких книг в программе уже пять из девяти. Но если книга имеет успех, какой пришелся на книгу о Калуге, то ситуация разрешается изданием дополнительного тиража. Сложность переиздания первых четырех книг в том, что они созданы по старой технологии. Компьютерной верстки не было, версии не сохранились.

Нашим книгам повезло еще и потому, что мы не ошиблись в выборе типографии. Типография «Новости», постоянный участник программы, – высокопрофессиональная типография. Важной является высокая требовательность к заказам, выполняемым на этом предприятии.

Наконец-то наступает блаженный миг – книга вышла. Но помните, что у вас только пара недель блаженства. Вместе с эйфорией от вышедшей книги придется принять удар от тех, кто участвовал в ее выпуске. Я сначала не мог понять смысла слов, всегда цитируемых знающими людьми, что книга никогда не получается такой, как вы ее представляли, а пословица о том, что книга не может быть без ошибки всегда приводила меня в трепет. Именно все это свалится на вас в первую неделю после знакомства с ней соавторов, помощников и просто знакомых. А еще через пару недель станет понятно, что книга «уходит» не так хорошо, как это представлялось. Потом выясняется, что она нужна не всем, а пословица о том, что «книга лучший подарок», станет для вас ненавистой. К сожалению, именно так будут воспринимать вашу книгу многочислен-

ные знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди, и даже друзья. Они понимают эту поговорку буквально. Надо обладать великим терпением, чтобы безболезненно выйти из этой ситуации. Пройдет много времени, прежде чем вы сможете четко разделить вашу благотворительность и деловую хватку.

В то же время станет ясно, что авторы не будут распространять книги, даже если они ранее утверждали обратное. Мало кто из авторов может и хочет это делать, и обижаться на них нельзя, они в данном случае инициаторы, а отвечать за распространение должен заваривший эту «книжную кашу». И только тогда станет ясно, что из всех решаемых вами проблем этой программы реализация – самая сложная. И только сейчас вы узнаете, насколько тяжелы книги. Это непростое предположение. В большинстве случаев финансирующий программу пойдет на контакт только в том случае, если вы согласитесь свой гонорар взять книгами. Если вообще вам удастся обговорить какой-либо гонорар. И вы очень остро почувствуете, что потраченных на подготовку книг денег вам не вернуть, а если и вернуть, то частями, и аккумулировать их практически невозможно. Идеален вариант, когда вопросы реализации вас не касаются. Но книгоношей своей части книг вам все равно придется быть. В этот период вас поддержит исторический факт, что и великому русскому историку Николаю Михайловичу Карамзину пришлось самому продавать книги по истории Государства Российского. И первый опыт был неудачным, вернуть потраченных денег не удалось...

Но к реализации можно и нужно подготовиться. Начинать надо с постановки вопроса: «А кому это нужно?» Это трудно, но необходимо. Необходимостью является и составление списка не только потенциальных покупателей ваших книг, но и возможных ваших сторонников. Время скорректирует ваши предположения, но эти списки останутся в ваших архивах как исторический документ вашего правильного решения или стратегической ошибки.

Сейчас программа «Губернии» самоокупаемая. По большому счету она так и остается социальной, но все больше желающих в ней участвовать. Об этом говорит издание последних четырех книг. Они сделаны или по заказу, или затраты почти окупались. Но прожить на дивиденды от программы авторам нельзя. Дивиденды слишком ничтожны. Это «дитя» так и остается для коллектива авторов огромной нагрузкой. В перерыве от книг необходимо всякий раз задумываться о пропитании и способе выжить. Приходится приниматься за любую работу. Например, последним способом заработать у меня было конструирование и строительство горки для одного из детских садов города. Практически все имеют свое место

работы. А участие в программе – это подвижничество, хобби, без которого мы жить не можем и на которое не проживешь.

Самым действенным способом продвижения книги на рынок является презентация проекта. Так было в Калуге, когда общественность была оповещена о проекте и поддержала его. Презентация проекта проводилась в красивейших залах Калужского краеведческого музея, там же знакомили общественность с реализованным проектом – книгой. Атмосфера презентации была совершенно не свойственной таким мероприятиям, эмоциональная и почти домашняя. Особенно трогательно прошло вручение книг калужским старожилам, краеведам, коллекционерам. После презентации книга была раскуплена в короткий срок и стала одним из любимых изданий калужан и гостей города. Она была переиздана в 2006 г. таким же тиражом. Недаром у книги «Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке» самая счастливая судьба. Книга востребована и любима читателями.

У других книг и судьба иная. Очень неожиданной ситуация была с реализацией книги «По муромской дороге». Эта книга хорошо реализовывалась только в Муроме. Она была отмечена и администрацией этого города. Но почему только в Муроме, спросите вы, ведь в книге шесть очерков? В каждом из городов мы надеялись реализовать свою часть книг. Тем более что об этих городах книг никогда не было. Но местные власти, а отчасти и жители сыграли с нами злую шутку. Нам с трудом удалось реализовать по десять экземпляров в администрации двух городов, упомянутых в книге, не пошла книга и в магазинах. В одной из администраций нам разъяснили, что книга называется «По муромской дороге», значит, про Муром. Там и реализуйте. Вот если бы книга называлась «По дороге в N-ск», тогда другое дело. Такое мнение власть держащих шокировало. Но это факт. Возникли даже сомнения, выпускать или нет в дальнейшем книги с несколькими очерками по истории городов с разделенными районными границами. Кто бы мог подумать, что название может иметь такое значение и будет служить точкой преткновения? В следующих книгах мы уже старались учесть это. И в книге «Путешествие в Гороховец» название, к счастью, осталось, потому что администрация не без серьезных проблем профинансировала программу. Боюсь, что в противном случае нам пришлось бы иметь название в книге другое. Так что при создании сборника краеведческих очерков не забудьте проанализировать, куда «выгоднее» путешествовать в первую очередь...

Одним из мероприятий, способствующих продвижению книги, может быть специализированный уголок краеведческой литера-

туры в книжных магазинах. Мне, привыкшему к традиционным презентациям 1970-х гг. в книжных магазинах Ленинграда, было удивительно слышать мнения продавцов практически всех книжных магазинов Владимира о том, что я забочусь только о своих книгах, стараясь поместить их на хорошее место. Аргумент, что книги местных издательств по краеведению всегда должны находиться в центре внимания и бросаться в глаза, не имел успеха. Сейчас только в частных антикварных магазинах нашего города продаются эти книги. Что и говорить, местный патриотизм с трудом прокладывает себе дорогу в наших магазинах. Я имею в виду не только наш областной город. Всякий раз становится стыдно, когда я в книжных магазинах спрашиваю о краеведческой литературе. Она выходит, но найти ее нельзя. Она оседает в организациях, финансирующих краеведческие проекты, приобрести их в свободной продаже не только нелегко, но и невозможно. Исключением бывают музеи, где можно приобрести книги по истории края, но в последние месяцы правила налогообложения закрыли и эту чуть видимую тропинку. Музеи категорически не берут к продаже «чужие» книги.

Важным моментом продвижения нашей продукции на книжный рынок были совместные выставки книг «Губернии» и работ уже упомянутого мной художника Александра Шубина. Одна из таких выставок с успехом прошла в 2001 г. в Доме художника на Крымском валу в Москве. Воистину это было и серьезным испытанием совместного проекта, и радостным фактом прилюдного смотра, и гордостью за проделанную работу. Неожиданная выставка издательства и прекрасного художника стала важным событием культурной жизни.

Еще одна небольшая деловая хитрость нашей программы, которая, к сожалению, сейчас не применяется. Книги выходят редко, в лучшем случае одна в год. Чтобы программа не забылась, необходимы были дополнительные издания. И таковыми стали буклеты о тех интересных местах, которые не вошли в ту или иную книгу. Были подготовлены и выпущены буклеты «Сунгирь», «Бородин в Давыдово», «История книги», «История старого Князь-Владимирского кладбища во Владимире». Эти издания дополняли программу, расширяли ее границы.

Казалось бы, все проблемы решены, но выяснилось, что книги не используются в учебном процессе региональных школ, хотя, как думалось, они предназначены для расширения познания истории своего региона. И вновь мы были инициаторами нового шага. Книги «Губернии» стали основой для создания первых методических рекомендаций по использованию краеведческой литературы в

учебной и внеучебной деятельности школ Владимирской области (2000 г.). Но эта инициатива, как и многие другие, не была поддержана функционерами от образования, несмотря на то что такого рода методическое пособие было выпущено впервые. Пособие так и не стало основой дисциплины «Краеведение», хотя и было написано кандидатом педагогических наук с рекомендацией Владимирского института усовершенствования учителей. Увы, программа, за редким исключением, так и не вписалась в административные рамки нашей области. А в дальнейшем попытки к взаимопониманию не возобновлялись, к тому времени программа набрала силу и необходимость в этом отпала.

Еще одна небольшая ремарка. Пройдя путь длиною в 3–4 книги, вы наверняка начнете уставать от процесса. Уже выработается определенный алгоритм, который со временем станет тяготить своим однообразием. Поэтому очень важно найти для каждой книги свое индивидуальное лицо, свои отличия, индивидуальный подход к структуре книги, не нарушая целостности серии, основанной на принципах, о которых мы успели рассказать. Негоже творить близнецов. Работа над книгами интересна и очень сложна, она требует постоянного внимания, накопления материала, бесконечной фантазии. И уже после шестой книги, если, конечно, все предыдущие удачны, книги начинают работать на вас. Уже сейчас можно говорить о том, что появляется большой интерес к книгам. Настал такой момент, что люди ищут недостающие книги. Особенно легко, что поступает много заказов сразу на всю серию книг. И таких заказов все больше.

Своеобразным итогом владимирской части программы стала изданная в 2006 г. книга «Каталог открыток с видами городов Владимирской губернии до 1918 г.». На написание этого труда ушло почти 10 лет. Особенно интересны в каталоге сведения об издателях открыток. Каждый знает, насколько это сложно. Эта книга – только начало серьезных исследований. Предстоит еще сложный и долгий путь познания не только открытки, но и их создателей. Продолжением этой темы стал «Каталог открыток фотографа Максима Петровича Дмитриева» – полноцветная книга для коллекционера, в которую внесены описания почти 1 500 открыток знаменитого фотографа.

А сейчас хочется познакомить вас с небольшим открытием, сделанным по итогам работы над программой. Оно заключается в том, что к открыткам очень легко привязать материал. В зависимости от количества открыток можно планировать несколько тем и выпустить, например, несколько книг с историей одного города. А если

добавить в книгу фото экспонатов музеев, фотографии жителей, документы и прочий визуальный материал, то работы хватит всем. Каждому зачтется по его фантазии. Как это сделать? Примеры можно взять из книг программы. Самый распространенный вариант, конечно же, прогулки по городу по маршрутам, подсказанным открытками. Таковы книги «Днесь светло красуется. Владимир в старой открытке» (старший научный сотрудник музея Т.П. Тимофеева), «Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке» (доцент Нижегородского строительного института Т.П. Виноградова), «Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке» (коллектив Калужского краеведческого музея), «Город св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке» (сотрудник Владимирской телефонной станции Г.Г. Мозгова). Можно путешествовать на трамвае, который курсирует по городу, как в книге «Маленький Париж. Елисаветград в старой открытке» (начальник управления Росохранкультуры В.В. Петраков, В.П. Машковцев). Интересен вариант исследования жизни фотографов в очерке «Городок, что над Клязьмою, Вязники», в книге «Путешествие в Гороховец» (Г.Г. Мозгова). Можно путешествовать по реке, изучить историю города на основе какой-либо интересной биографии, как одного человека, так и нескольких поколений одной или нескольких семей. Это интересно потому, что в процессе работы появятся дополнительные связи, дающие возможность раскрыть многие неизвестные доселе факты. Так произошло при работе над очерками про село Буланово «Жил-был купец» (Л. Андреева), при знакомстве с архивными материалами и грустной судьбой уникальной усадьбы Муромцево в очерке «На царских развалинах» (поэт, репортер А.Н. Филинов), в очерке «Судогодские предания» (краевед А. Белов) из книги «По муромской дороге. Губерния в старой открытке». Уникальна в этом отношении книга «Град у озера Плещеева. Переславль-Залесский в старой открытке», где история древнего города изложена современниками событий, история города – история семьи (Е.В. и Н.П. Кудряковы).

Многозначны варианты написания очерка. Сюжет очерка может держаться на неоднозначности толкования имени города, как это пытаются сделать автор в очерке «Город на Веретии», а в «Тайнах сельской столицы» из книги «Путешествие в Гороховец» (В.П. Машковцев) рассказана трагическая история некогда могущественного рода Милославских. Безусловно, интересен в этой же книге сюжет очерка «Не от золота и серебра устроена» (Г.Г. Мозгова), где рассказывается едва ли не детективная история посещения Флорищевой пустыни авантюристом, которого давно

и тщетно искала полиция. Не менее увлекателен очерк «Я ждал письма» владимирского писателя Л.П. Зрелова, который много нового узнавал о городе Гороховце, прогуливаясь со старожилом. В этой же книге может увлечь очерк на основе текста путеводителя по городам Владимирской губернии 1916 г. с дополнением в виде воспоминаний о городе уже наших современников, исследователей города Коврова.

Каким образом это изложить? Надо вновь фантазировать! В процессе работы в книгу вплетаются воспоминания из дневников жителей, как в книгах «Днесь светло красуется. Владимир в старой открытке», «Город св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке». Уникален и поэтичен очерк «На царских развалинах» Андрея Николаевича Филинова, где история усадьбы Храповицких изложена в форме письма ее владельца. Слог письма не вызывает сомнения, что именно так изложил бы свою историю граф Владимир Семенович Храповицкий. Интересен вариант знакомства со слободой Мстерой в очерке «Чудо-слобода» из книги «Путешествие в Гороховец», изложенный известной владимирской сказочницей Светланой Скрыбиной. Несомненно, интересна книга «Город св. Георгия» Галины Мозговой. В ней, как в поэтическом венке сонетов, каждая из пятнадцати глав заканчивается и начинается одной строкой. Необходимо еще раз напомнить, что все эти материалы уникальны не только из-за впервые публикуемых открыток, фотографий и прочего иллюстративного материала, они уникальны своими научными изысканиями.

Небольшая ложка дегтя для успешной программы. Уже в процессе работы над первой книгой авторским коллективом была задумана программа создания серии книг для англоязычных туристов. Тонкое знание языка и собственный поэтический дар позволили переводчику, кандидату филологических наук, автору переводов произведений Владимира Набокова и Джона Дона (XVII в.), выполнить адекватный перевод не только прозаического языка книги «Владимир в старой открытке», но и всех украсивших ее стихотворений. По финансовым соображениям авторскому коллективу в дальнейшем пришлось отказаться от перевода книг, что частично компенсировалось наличием подписей под иллюстрациями в книгах «По муромской дороге» и «Царственно поставленный город».

Несмотря на общность серии, каждая из книг индивидуальна и имеет свое особое наполнение – проявляются склонности, интересы и творческие особенности разных авторов. Так, замысел книги, открывающей данную серию, – «Днесь светло красуется. Владимир

в старой открытке», автором которой является *Татьяна Петровна Тимофеева*, оригинален тем, что автор не ограничился аннотацией открыток, а предложил читателю связный рассказ о городе, в котором слово и говорящая иллюстрация были равноправны. При этом рассказ, и структура повествования, и стиль создают цельный и художественно законченный поэтический образ города, задуманного в древности как Град Небесный и сумевшего пронести возвышенный замысел создателей через многие века, образ, запечатленный фотографами конца XIX – начала XX в. В текст повествования введены стихи – 14 стихотворений, написанных автором, естественно слившихся с ее содержанием.

Книгу «Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке» писала краевед-публицист *Татьяна Павловна Виноградова*, известная своими телевизионными передачами «Нижегородская открытка», которые стали возможны после начала работы над упомянутой серией книг. По словам писателя В. Шамшурина, эти передачи позволяли зрителям «познать родной город, по-новому взглядываться в дома и улочки, мимо которых проходили тысячу раз, а значит, по-новому осознать и себя самих». Т.П. Виноградова является внучатой племянницей литературного критика и публициста Н.А. Добролюбова. Ее первая книга «Нижегородская интеллигенция. Вокруг Н.А. Добролюбова», вышедшая в свет в 1992 г., посвящена родословию Н.А. Добролюбова.

Основой книги «Царственно поставленный город» стали издания конца XIX в. нижегородского публициста Василия Ивановича Виноградова. Тому же периоду соответствуют и старые нижегородские открытки знаменитых на весь мир фотографов А.О. Карелина и М.П. Дмитриева. Кстати, некоторые из известных фотографий с видами Нижнего Новгорода этих прославленных мастеров выполнены по заказу В.И. Виноградова для иллюстрации его изданий. На новом витке времени Т.П. Виноградова продолжила уникальную работу своего деда Василия Ивановича, придав ей новый импульс и новую значимость. В книге «Царственно поставленный город» она бережно и неспешно гуляет с читателем по городу рубежа веков, используя при этом личные находки и открытия, и помогает понять город. «Когда понимаешь, тогда и любишь. А жить в любимом городе легко и радостно» – это идея книги.

Очень сложная задача стояла перед автором пятой книги серии – «Город св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке». О городе не было написано ни одного сколько-нибудь содержательного очерка. Практически нет и современных исследовательских публикаций, кроме исследований Н.Н. Воронина о Георгиевском

и Архангельском монастырях, вышедших в последней редакции в 1985 г. Книга *Галины Глебовны Мозговой* – первая и единственная в своем роде. Она оригинальна от композиционной структуры до манеры изложения: впервые реконструированы страницы экономической, политической, духовной, культурной жизни Юрьев-Польского рубежа XIX–XX вв., восстановлены биографии многих замечательных уроженцев города, в его историю вписаны новые, еще не известные имена и события; воссоздана интереснейшая история городских церквей и монастырей, путем длительных, кропотливых архивных изысканий определены старые (до 1917 г.), до сих пор не известные даже специалистам названия юрьевских улиц. Все это – собственные достижения, открытия и находки автора. Изобретательно использован стихотворный прием «венка сонетов» – каждая новая глава начинается фразой, которой заканчивается глава предшествующая.

Восхищает изобретательность, оригинальность, подвижность мысли автора. Совсем не так, как принято, рассказывается в книге о древнем белокаменном Георгиевском соборе (XII в.). Никакого пересказа чужих гипотез и исследований белого камня здесь нет. Это прежде всего рассказ об открытии собора и узнавании его в XIX в. Очень значим труд автора по восстановлению истории реставрации Георгиевского собора и постройки нового Троицкого собора (в фондах областного архива найдены проекты его фасадов, что значительно облегчит при необходимости работу реставраторов), работа по определению местонахождения и истории создания часовни Благовещения Пресвятой Богородицы (1868 г.). Не менее значимыми являются и исследования автора текста, связанные с реконструкцией конфирмованного плана Юрьева, с восстановлением нумерации городских кварталов, последовательностью их застройки, последовательностью изменения облика города на протяжении XIX столетия.

Книга «Единственная и неповторимая» совместила историю города Калуги (городу более 600 лет) и историю музея, которому исполнилось 160 лет. Книга, соавтором которой является директор Краеведческого музея *Галина Ильинична Роянова*, иллюстрирована не только старыми открытками, но и обширной портретной галереей чиновников, купцов и рядовых горожан Калуги. Впервые опубликованы ранее не известные читателю материалы из личных коллекций архитектора П.П. Гусева, Н.А. Крамеса и сведения о пребывании Ингерманландских полков в Калуге, хранящиеся в Калужском государственном объединенном краеведческом музее. Иллюстрированный материал книги составляет более 500 изобра-

жений. Г.И. Роянова, непосредственно участвуя в создании расширенной сети музеев и построении экспозиций в Калуге (1982 г.), Козельске (Оптина пустынь, 1989 г.), Тарусе (Музей семьи Цветаевых, 1992 г.), создании музея в Полотняном Заводе (1999 г.), сумела не только создать прекрасный авторский коллектив книги «Прекрасная и неповторимая», но и написала для нее один из ярких очерков. Калужане с радостью встретили книгу. По мнению Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, эта книга – «одна из лучших книг по тематике историко-культурного наследия за последние годы».

Книга «Маленький Париж. Губерния в старой открытке» выполнена на уникальном и обширном материале из коллекции одного из авторов книги *Виктора Васильевича Петракова*, в свое время жителя Елисаветграда, современного Кировограда. Книга построена в виде поездок на городском трамвае. Работа наполнена многочисленным визуальным материалом. В проекте мы столкнулись с задачей выбора и сокращения материала. Безусловным достоинством книги является рассказ об истории с новыми фактами биографии коренных жителей этого города – трех поколений семьи Тарковских.

Уникален опыт написания книги «Град у озера Плещеева. Переславль-Залесский в старой открытке». Текст этой книги написан по воспоминаниям авторов – матери Елены Владимировны и дочери Натальи Петровны Кудряковых, свидетелей событий XX в. Запись воспоминаний о Переславле и подготовка книги заняла более 10 лет, и работа не прекращалась до сдачи книги в типографию. Авторы из древнего рода, обладают богатыми архивными материалами, сохраняют их. Книга проиллюстрирована не только открытками, но и многочисленными уникальными фотографиями. Изобразительный ряд состоит из более чем 300 открыток и фотографий. Сложность была в создании связного повествования о городе из маленьких историй и воспоминаний, а также написания последних глав о той части города, где авторы текста не жили. Но воспоминания о семье Кардовских и их школе, историке М.И. Смирнове, писателе М.М. Пришвине, священнослужителях Е.А. Елховском и В.Ф. Войно-Ясенецком, известном хирурге, сложились в интересное повествование о древнем городе.

В 2011 г. серия книг пополнилась «Энциклопедией открыток с видами городов и населенных пунктов Владимирской губернии до 1918 года». Материал собирался и систематизировался мной в течение всего существования программы. В книгу вошли изображения и описание более 2000 открыток, информация об

издателях, издательствах и издательских знаках, фотографах и художниках, принимавших участие в создании «владимирских» открыток. Приведены уникальные открытки с автографами, дана расшифровка музейных, магазинных, коллекционных и иных штампов и прочий краеведческий материал. Горд, что предисловие к филокартической энциклопедии написано академиком С.О. Шмидтом. Помогли издать книгу издатель и филокартист из Коврова П.В. Абросимов и владелец строительной фирмы из Владимира А.А. Андреев. Поклон им и хвала.

Книги «Губерния в старой открытке» получили высокую оценку и у специалистов. Я не буду приводить всех наград, полученных книгами за время существования программы. Наши книги являются лауреатами премии по культуре администрации Владимирской области (1999, 2003 г.), премии Нижнего Новгорода (2001 г.), премии калужского Союза писателей «Отчий дом» имени братьев Киреевых (2003 г.), Кировоградской областной краеведческой премии имени Владимира Ястребова (2006 г.). Ваш покорный слуга за свою издательскую деятельность награжден «Патриаршей грамотой. В благословение за усердные труды во славу Русской Православной церкви». В этой связи хотелось бы отметить очень странное и несвойственное русскому характеру правило большинства областных премий. Они присуждаются только местным гражданам. Попытка номинировать на премию по культуре администрации Владимирской области прекрасного графика, заслуженного художника России, автора видов городов Суздаля, Юрьев-Польского, Владимира, Муром, сделанные в рамках этой программы, натолкнулась на непонимание. Художник не был включен в номинанты премии книги «Город св. Георгия» по той причине, что он не житель нашей области. Исключением является премия Нижнего Новгорода: наш, не нижегородский, коллектив был впервые удостоен этой высокой награды за всю историю премии. Почетную благодарность за высокие достижения в конкурсе представленных на Макариевскую премию работ в номинации «История России» снискала «Энциклопедия владимирской открытки», что стало значимым событием в истории краеведения Владимирской области.

И еще одно замечание о премиях. В 2002 г. наши книги номинировались на Государственную премию в сфере культуры. Выдвигал нашу работу коллектив одной из школ города Нижний Новгород. Это было волнующее и необычное событие не только для номинантов, но и для коллектива учителей. Ученики этой, и не только этой школы, учатся на наших книгах, изучают их.

Но упомянуть мне хочется о том, что после просмотра высокой комиссией нашего материала и мы, и выдвигающие нас люди так и остались в неведении относительно этой попытки. Очень жаль, что комиссия такого высокого ранга даже не считает нужным хотя бы номинально, без особой аргументации, сообщить школьному коллективу о принятии или непринятии документов, и на каком из этапов номинанты были отстранены. Не являются ли местнические правила, о которых было упомянуто при разговоре об областных премиях, отголоском правил при отборе премий более высокого ранга? В данном случае разговор идет не от обиды, что та или иная премия и похвала не досталась кому-то из данного коллектива. Разговор идет о культуре общения – элементарной вежливости.

На мой взгляд, серия «Губерния в старой открытке» свидетельствует о появлении нового направления в краеведении, нового жанра в современном книгоиздательстве, основанного на прерванных традициях российской книжной культуры. Это направление глубоко и высокохудожественно, патриотично, конструктивно. Следует подчеркнуть, что оно оказалось еще и жизнеспособным в жестких условиях рынка: читатель своим спросом голосует за него.

Книги серии «Губерния в старой открытке»

1. Днесь светло красуется. Владимир в старой открытке. Владимир, 1993.
2. There it stands now, in beauty bricht. Postcard views of old Vladimir. Владимир, 1997.
3. По муромской дороге. Губерния в старой открытке. Владимир, 1997.
4. Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке. Владимир, 2000.
5. Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке. Владимир, 2002.
6. Город св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке. Владимир, 2002.
7. Путешествие в Гороховец. Губерния в старой открытке. Владимир, 2003.
8. Маленький Париж. Елисаветград в старой открытке. Москва, 2004.
9. Каталог открыток с видами городов Владимирской губернии до 1918 г. Владимир, 2006.

10. Град у озера Плещеева. Переславль-Залесский в старой открытке. Владимир, 2008.
11. Каталог открыток фотографа Максима Петровича Дмитриева. Владимир, 2009.
12. Энциклопедия открыток с видами городов и населенных пунктов Владимирской губернии до 1918 года. Владимир, 2011.

Переиздания

Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке. 2-е изд., перераб. и доп. Владимир, 2006.

Историографическое наследие

А.Г. Смирнова

«ФРУНЗЕНСКИЙ РАЙОН.
ГОРА ВАРГУНИХА – ГОРА ПОКЛОННАЯ»:
ОПИСАНИЕ МАРШРУТА ЭКСКУРСИИ
ДЛЯ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО МОСКВЕ
(Из документального наследия
Общества по изучению Московской губернии)

Публикуемый документ является авторской разработкой экскурсионного маршрута, ставшего частью неопубликованного путеводителя по Москве 1932 г. Текст экскурсии охватывает старые московские районы Дорогомилово, Варгуниху, Поклонную гору, Фили, набережные Москвы-реки и показывает особенности развития города, изменение его топографии и облика на рубеже 1920–1930-х гг. Он также отражает современные процессы индустриализации Москвы, благоустройства и нового строительства и содержит информацию историко-культурного характера, связанную с историей этих территорий, с их природным и культурным наследием.

Ключевые слова: экскурсия, экскурсионный маршрут, Москва, улица, вал, район, фабрика, завод, школа, фабрика-кухня, жилищное строительство, Москва-река, Дорогомилово, Поклонная гора, гора Варгуниха, Фили, Бородинский мост, Дорогомиловский мост, Бережковская набережная, Дорогомиловская набережная, Брянский вокзал.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) в фонде 177 Московского областного бюро краеведения сохранились интересные материалы, связанные с подготовкой к изданию в начале 1930-х годов «Путеводителя по Москве»¹. Путеводитель не был опубликован, хотя и был практически подготовлен к печати: материалы не только структурированы, но и сопровождаются предисловием², есть список авторов³. Путе-

водитель систематизирован по тематическому и топографическому принципам и включает статьи и описания маршрутов экскурсий: «Справочная часть», «Музеи Москвы», «Промышленность Москвы», «Революционное движение в Москве», «Территория и границы», «Транспорт», «Хроника классовой борьбы в Москве», «Экскурсии в краеведческий музей Москвы и подмосковные музеи», «Бауманский район», «Бутырская застава», «Фрунзенский район», «Моховая – ул. Герцена – Арбатская пл.». Авторами путеводителя были известные краеведы, музейные деятели и экскурсоводы: П. Уралов, К.Я. Виноградов, Н.В. Неврев, З.П. Базилева, П.Н. Миллер, Н.А. Дорогутин, Л.А. Виноградов, Н.Р. Левенсон, А.В. Григорьев, Е.Н. Попова, Е.П. Борисова и другие.

Интерес, который эти архивные документы представляют для исследователей, обусловлен сразу несколькими причинами. Если 1920-е гг. в отношении отечественного краеведения прочно вошли в историографию с легкой руки С.О. Шмидта как «золотое десятилетие» и в отношении отечественной экскурсионной школы подобная оценка также будет правомерна, то рубеж 1920–1930-х гг. и собственно начало 1930-х объективно воспринимаются как период разрушения основ краеведения, сворачивания историко-культурной тематики, подмены истинных целей и задач широкого комплексного изучения края, его истории, памятников, традиций лозунгами изучения производительных сил, пропаганды достижений социалистического строительства и проч. В этот же период ликвидируются общественные объединения краеведов, в том числе в Москве Общество изучения Московской губернии / области с комиссией «Старая Москва» в его составе, Общество изучения русской усадьбы и др. В значительной степени трансформируется Центральное бюро краеведения, краеведческое движение в центре и на местах постепенно сводится на нет.

Аналогичные процессы происходили и в экскурсионном деле, которое постепенно переводилось (а в середине 1930-х годов было окончательно переведено) из плоскости образовательной, просветительской, исследовательской деятельности в область культурно-массовой работы, было жестко централизовано и поставлено под государственный, в том числе и идеологический, контроль. В связи с этим неопубликованный «Путеводитель по Москве» представляет интерес именно как иллюстрация состояния и краеведения, и экскурсионного дела в этот сложный переломный момент: и сама структура путеводителя, и выбор тем экскурсий и экскурсионных объектов, и содержание экскурсий наглядно показывают специфику этого периода в истории краеведения и отечественной экскурсионной школы.

Как и любой другой путеводитель, «Путеводитель по Москве» сосредоточивает внимание на объектах современной городской среды, и с этой точки зрения архивные документы интересны именно тем, что показывают Москву рубежа 1920–1930-х гг., Москву, которая давно ушла в прошлое. Все эти соображения и побудили нас предпринять данную публикацию. Мы представляем вниманию читателей лишь один раздел из «Путеводителя по Москве» – это описание экскурсионного маршрута (№ 5) по историческим окраинам Москвы «Фрунзенский район. Гора Варгуниха – Гора Поклонная».

Экскурсионный маршрут разработан Е.П. Борисовой. В архиве хранится рукописный автограф на 22 листах. Это черновой авторский текст на отдельных (разного формата) в основном линованных листах с многочисленными исправлениями, вставками, пометами, сделанными чернилами и карандашом. Характер исправлений свидетельствует о том, что публикуемый нами документ создавался на завершающем этапе разработки экскурсионного маршрута, на стадии подготовки индивидуального текста экскурсии. Вполне очевидно, что сам маршрут к моменту написания текста был тщательно проработан и выверен, авторские же исправления, вставки сделаны в процессе окончательного отбора информации и стилистической обработки текста.

Если говорить об особенностях этого маршрута, то он интересен прежде всего тем, что проходит по местам и урочищам, или исчезнувшим ныне с карты Москвы (гора Варгуниха), или существующим, но при этом изменившимся до неузнаваемости по сравнению с началом 1930-х гг. и в отношении внешнего облика, и в отношении общего историко-культурного ландшафта. Очень интересен, на наш взгляд, и подбор экскурсионных объектов, обусловленный общим контекстом экскурсии: это объекты промышленные; собственно, и весь район показан как промышленно-транспортный узел столицы (промышленные предприятия, сегодня уже не существующие, также интересны сами по себе). Однако этот производственный контекст, абсолютно органичный для своего времени, хоть и преобладает, но не является единственным, текст экскурсии отнюдь не страдает примитивизацией. Природный ландшафт, топография, революционное прошлое района, современный быт и промышленное строительство, события Отечественной войны 1812 года, архитектурные памятники (усадебные и церковные) – вот те основные подтемы, которые раскрываются в процессе экскурсионного рассказа. Нам представляется, что автор экскурсии соединил в ней не только требования времени, не только официально пропаганди-

руемый интерес к успехам социалистического строительства, но и объективный взгляд на подлинные изменения в жизни города, на процессы индустриализации, которые влияли на трансформацию облика городских районов, в том числе и исторических окраин. Методически маршрут выдержан в традициях 1920-х гг., здесь синтезируется опыт историко-культурных, историко-революционных экскурсий и экскурсий в современность.

Предлагаемый вниманию документ не датирован, в архивной описи поставлена условная дата «1930-е гг.», однако из текста экскурсии следует, что он был составлен до мая 1932 г.

Необходимо сказать несколько слов о том историческом московском районе, по которому прошел маршрут экскурсии. Его стержень составляют две московские «горы», бывшие старинные урочища, – Варгуниха и Поклонная. Оба эти названия до сих пор сохранились в московском обиходе (первое больше известно старожилам и знатокам истории Москвы⁴, второе, благодаря историко-мемориальному комплексу известно широко), хотя обе горы скрыты, а облик местности кардинально изменен. Современные Смоленские улица и переулки, Шубинский переулок, Дорогомиловские улица и вал (не существует), ул. Бережки (не существует) москворецкие набережные – Дорогомиловская и Бережковская, Бородинский мост, Вокзальная пл. (современная пл. Киевского вокзала), Можайское шоссе, Фили, Поклонная гора – вот основные отрезки экскурсионного маршрута, разработанного Е.П. Борисовой. Мы и сегодня можем пройти по ним (не по всем: что-то исчезло с карты Москвы в результате реконструкций города), однако вряд ли нам удастся найти здесь те приметы московской жизни, о которых идет речь в публикуемом ниже документе. О Варгунихиной горе есть упоминания еще в книге П.В. Сытина 1958 г.⁵ Но уже через год и гора, и старый московский окраинный район исчезли⁶. Не существуют уже на карте города ни колхоз «Фили», ни Первомайский поселок. Этот исторический район ныне застроен (и продолжает активно застраиваться) ультрасовременными жилыми, торгово-развлекательными, офисными комплексами (внешний облик которых никак не свидетельствует хотя бы о каких-то началах преемственности по отношению к историко-культурной и архитектурно-градостроительной среде Москвы). Но процессы утраты исторического облика московских районов начались задолго до сегодняшнего дня, и период конца 1920 – начала 1930-х гг. в этом отношении занимает особое место в истории Москвы: это время начала коренной реконструкции города. И хотя экскурсия была разработана за три года до утверждения

Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г., те изменения в облике города, которые были обусловлены новыми концепциями развития столицы, нашли отражение в экскурсионном тексте. Вот лишь несколько примеров. В сюжете, связанном с Дорогомиловом, говорится, что «первая пятилетка успела превратить его в новый индустриальный центр, развернув широкое строительство на прежних пустырях, и круто изменила Дорогомилово»; автор экскурсии подчеркивает, что в прошлое ушел «упорно державшийся [мелко-ремесленный] тип Дорогомилова». А те приметы старой жизни, которые еще сохранялись к 1932 г. в этом районе («характерные для старого Дорогомилова одноэтажные деревянные совершенно безвкусные домики») в контексте общего содержания экскурсии не выглядят особенно привлекательными, а следовательно, и не согласуются с «новой» Москвой. Зато на территории бывшей усадьбы Нарышкиных складывается новый обиход, формируется новый жизненный уклад: «В вековом, и теперь заповедном парке возникает и оформляется в своем социально-бытовом своеобразии этот новый поселок» (рабочий поселок Первомайский), здесь формируется новый район «который обслуживает социально-бытовые потребности нового индустриального населения, привлеченного развивающейся промышленностью». И как резюме всего экскурсионного материала – заключительные слова автора: «Самый ландшафт города резко меняется за последние годы. Москва выглядит индустриальным городом».

Ценность данной публикации видится нам еще и в том, что текст этого экскурсионного маршрута дополняет наши представления об истории развития жанра оригинального московского путеводителя, просветительское значение которого, по словам известного исследователя-москвовед Ю.Н. Александрова, трудно переоценить, поскольку такого рода литература, «приобщая читателя к культурным ценностям... воспитывает любовь к отчизне и уважение к другим народам»⁷. Важно еще и то, что путеводитель является своего рода историографическим источником, содержащим большой объем историко-культурной, историко-краеведческой информации.

Текст публикуемого ниже документа приводится в соответствии с современными нормами правописания. Обозначения веков даны римскими цифрами. Авторские исправления и вставки в текст даны в квадратных скобках, сокращения, развернутые публикатором, даны в квадратных скобках курсивом.

Борисова Е.П.

«Фрунзенский район. Гора Варгуниха – Гора Поклонная»: описание маршрута экскурсии для путеводителя по Москве

Маршрут [№ 5]. Гора Варгуниха⁸ – Гора Поклонная. Гора Варгуниха, Смоленская ул., I Смоленский пер., Шубинской пер., Бородинский мост, ул. Бережки, Бережковская набережная, Вокзальная площадь, II Дорогомиловский [пер.], Б. Дорогомиловская, Дорогомиловский вал⁹, набережная Москвы-реки, III Бородинский, Можайское шоссе, мост через окружную дорогу, [II Поклонная], Фили, переезд через белорусско-балтийскую [жел.] дорогу¹⁰, парк, аллея Первомайского поселка¹¹ [«Зеленая дорожка» через территорию заводского клуба, колхоз Фили, Станция Фили, Поклонная гора.]

[Маршрут начинаем] с горы Варгунихи. Москва-река делает [здесь] [двойной] глубокий поворот, «переверт», как говаривали в Москве. [По] левому берегу [реки] ряд крутых возвышенностей: гора Варгуниха, направо от нее «Три Горы»¹² Красной Пресни, налево «Мухина гора»¹³. Противоположный берег представляет наносную измененность. На ней-то и [разместилось] Дорогомилово, соединенное с Москвой Дорогомиловским, или Бородинским, мостом¹⁴. Рядом с ярко выраженным индустриальным характером Красной Пресни Дорогомилово с внешней стороны производит впечатление отстающего района. [Справа] выдается вывеска Напильного завода им. Эрава. В 1917 году это была крайняя постройка, за которой тянулись огороды. Далее видны три одинокие фабричные трубы, а налево – серая башня Брянского вокзала¹⁵, отстраивавшегося в империалистическую войну [левее] по реке «Красный луг»¹⁶, оставшийся незастроенным до самого последнего времени, и только сильное движение всех видов автотранспорта, направляющееся через мост и расходящееся в разные стороны, говорит о том, что здесь возникают какие-то значительные центры деятельности. Более подробное ознакомление с районом покажет, что первая пятилетка успела превратить его в новый индустриальный центр, развернув широкое строительство на прежних пустырях, и круто изменила упорно державшийся [мелко-ремесленный] тип Дорогомилова. В XVII в. характер района определялся проходившей здесь Смоленской дорогой, воспоминание о которой сохранилось в названии Смоленской улицы. [Самый переезд через реку находился гораздо левее [близ] устья реки Сетуни [у] Новодевичьего монастыря, и современная Плющиха называлась Смоленской улицей¹⁷,

а Смоленский рынок¹⁸ располагался на т[ак] н[азываемых] Кочках за монастырем.

Здесь за последней стеной города возникла «государева ямская слобода» в несколько десятков дворов (от 60 до 87 в первую половину XVII века). Ямская слобода – часто встречающаяся пригородная слободка – заселялась ямщиками, обязанными [нести «почтовую гоньбу»] и ответственными за доставку казенных посылок. За слободой шли «животинные выпуски», т[о] е[сть] пастбища для скота, да «въезды в леса» за дровами. Смоленская дорога памятна многими торговыми, дипломатическими, военными выездами и въездами. Отсюда дочь Ивана III Елена ехала в Литву за литовского князя¹⁹, здесь с пышным кортежем в раззолоченной карете въезжала в Москву Марина Мнишек²⁰, но все это заслоняется более поздними событиями: по этой дороге после Бородинской битвы, вслед за отступающей русской армией, шла армия Наполеона. Отсюда и многие названия: Бородинский мост, Бородинская ул., Кутузовская изба и др. Население Дорогомилова и позже продолжало преимущественно заниматься извозным промыслом, определяя его мелко-буржуазный, мещанский тип. Дорогомиловская улица оставалась улицей извозчичьих дворов со стойлами и сеновалами. Некоторые переулки получили свое название от фамилий разбогатевших извозчиков (Хухрин проезд и переулочек²¹). Среди этого населения находил свою опору «Союз русского народа» и «чайные» Общества трезвости.

Возведенные в 1905 г. баррикады [не могли долго] продержаться, и 17/XII на [Бородинском] мосту расположилась артиллерия, обстреливавшая Пресненский район. В октябре [19]17 года это место становится одним из самых упорных пунктов борьбы красных и белых, т[ак] к[ак] здесь решался вопрос об обладании Брянским вокзалом, связанным с фронтом, откуда могла прийти помощь извне.

Поднимаемся по Смоленской ул. до I Смоленского пер., здесь в д. № 4 помещалась 5-я школа прапорщиков – опорный пункт белых. Отсюда они обстреливали Дорогомилово, угрожали Бородинскому мосту, держали связь с Брянским вокзалом. Они перехватывали всякую помощь, какая направлялась в Дорогомилово. Только артиллерийский обстрел и соединенное наступление соседних районов сломало сопротивление, и 1/ XI юнкера покинули школу. Теперь в этом доме помещаются рабочие курсы им. т. Шломина²², члена Дорогомиловского ревкома, посланного в критическую минуту в Моссовет за оружием. Захваченный юнкерами он был расстрелян в Шубинском переулке.

В глубине I Смоленского пер. видна церковь «Николы на Щепях» (1686 г.), [получившая свое название от лесных и дровяных складов]. По берегу реки шел «лесной ряд», куда пригонялся сплавливаемый по Москве-реке лес. В том же приходе, ближе к Смоленскому рынку, стояла слобода казенных каменщиков, м[ожет] б[ыть], связанная с каменоломнями за рекой.

На склоне Варгунихи помещался кабак, давший название горе.

Шубинским пер. спустимся к Москве-реке и к Бородинскому мосту. Мост построен в 1913 г. по проекту, выработанному городскими инженерами. Опоры моста заложены на свайном основании; на бетонной [базе] выведены быки, облицованные серым финляндским гранитом. [Надводная] часть исполнена по проекту арх. Клейна Р.И. Со стороны города мост украшен полукруглыми колоннадами, Дор[огомило]ва – двумя обелисками в память павших в Бородинском сражении.

В октябре [19]17 г. мост был центром особенного внимания небольших революционных сил Дор[огомило]ва. Красногвардейские патрули дежурили здесь непрерывно. 28/X прапорщики 5-й школы пробовали атаковать мост сначала с помощью броневика, потом на автомобиле. Красные усиленно отстреливались, прикрываясь барьером у обелиска. Наконец ночью сильный отряд юнкеров, подержанный пулеметом, помещенным на колокольне на Варгунихиной горе, захватил мост. Тогда Пресня вновь пришла на помощь. Артиллерийский обстрел с Горбатого моста отогнал юнкеров, и [Бородинский] мост остался в руках красных.

От моста направо стоит «Напилочный завод им. Эрава» (ул. Бережки, 5). Тов. Эрав, рабочий завода, член Дорогомиловского Совета, был убит в 1918 г. при взрыве [районного] Совета адской машиной. Завод (560 человек) занимается пересечкой и изготовлением новых напильников, бархатн[ых] надфилей. Его годовая продукция в 2½ милл. напильников обслуживает строительные заводы и гражданскую авиацию. За годы революции произведено переоборудование некоторых цехов с целью повышения производительности, устранения вредных процессов работы и облегчения труда. Завод заканчивает пилетку в мае [19]32 года.

[Перейдя мост, налево] видим завод «Физкультур» Учткомтреста ВСНХ СССР (Бережковск[ая] набережная, 18). Продукция завода – физические точные приборы, обслуживающие школу, – повышается в [1932] г. на 74%. На заводе 800 рабочих.

С набережной хорошо видна группа хамовнических заводов²³. В [19]17 г. [по] реке [оттуда] [подавалась] помощь [Дорогомилову].

В XVII веке на Бережковской [набережной располагалась] Бережковская рыбная патриаршая слобода, а на противоположном берегу над крутым обрывом с XIV века – подворье Ростовских митрополитов. Церковь этого подворья [Благовещенье на Бережках²⁴], выстроенная в [1697].

Название Дорогомилова распространялось [тогда] и на [этот] противоположный высокий берег реки.

Направимся теперь к Брянскому вокзалу. Постройка его заканчивалась в годы империалистической войны. Построенный по проекту архитектора Рерберга, он является одним из лучших [по оборудованию] вокзалов Москвы. В октябрьские дни 1917 24/X красногвардейцы ревкома при помощи железнодорожных рабочих захватили вокзал и установили свою охрану станции и пути. Особая комиссия Дорогомиловского ревкома встречала каждый поезд и, обыскивая пассажиров, отбирала у них оружие. Борьба шла также за военные эшелоны и ударные батальоны, приезжавшие в Москву. На помощь красногвардейцам сюда прибыла полурота солдат 193[-го] полка из Хамовников.

Выйдя на Б. Дорогомиловскую, всегда полную привокзальную [ого] движени[я], остановимся перед двухэтажным каменным домом (№ 22). Здесь помещался Дорогомиловский Совет, организованный после июльских дней по инициативе беспартийных рабочих. К октябрю в нем образовалась сильная большевистская фракция, энергично ведшая организационную и агитационную работу. В результате к 25/X Совет после выборов ревкома сделался центром, куда направлялся непрерывный поток рабочих и солдат и где организовывались красногвардейские патрули. Белые угадали этот центр, и 27/X Совет подвергся страшному разгрому, и члены ревкома переправились на Брянский вокзал.

По Большой Дорогомиловской доходим до заставы, здесь проходила граница города в XVIII веке. При Петре и его преемниках был построен вал, находившийся в ведении Камер-Коллегии.

Заставы строились в фискальных целях, главным обр[азом], в интересах откупщиков-монополистов, которым иногда и поручался надзор за провозом товаров в город и поддержание застав. Два желтых низеньких домика, симметрично расположенных по сторонам улицы, служивших кордегардиями [для караулов], – постройки времен Николая I. Население, притесняемое поборами и взятками почтовых чиновников, так или иначе протестовало против злоупотреблений. «Почта окружила столицу затруднениями для поспешающих в ее каменную ограду... От таких хлопот одни деньги оборонить могут: зазвени кошелек – и все ямщики

становятся услужливыми», – вспоминал И.М. Долгоруков²⁵ в начале XIX в.

[Направимся по Дорогомиловскому валу налево] (№ 1) расположилось громадное владение от заставы до самой реки «Завода пивоваренной и безалкогольной промышленности МСПО», больше известно под именем Трехгорного пивоваренного завода²⁶.

Завод – гигант в своей области. Первый по мощности в СССР. Его продукция в 1932 г. выразится в 942 тыс. гектолитров, т. е. в 7½ милл. ведер. Среднегодовая цифра рабочих 1355 человек. Средняя отправка в день – 15 вагонов. Помимо оптового снабжения завод ведет собственную розничную торговлю, раскидывая в Москве целую сеть пивных (100) и палаток (500), а в области – 48 складов являются снабжающими базами.

Для отправки продукции и получения сырья (в год – 15 тыс. тонн ячменя, 3 тыс. тонн сахара) завод связан железнодорожной веткой с Брянским вокзалом. Первая кирпичная постройка, которая прерывает серый деревянный решетчатый забор, – здание, где раньше помещались общежитие и квартиры рабочих, занято частично клубом «Коммуна». Над двумя этажами старой постройки надстраиваются 4 этажа новых. Самые заводские строения представляют сложный конгломерат постепенно выстраивавшихся корпусов, начиная с момента основания в 1875 г. [Пользуясь] городск[им] током и водой, завод имеет [кроме того] собственную котельную, собственную электростанцию, насосную станцию и артезианские колодцы. Все эти здания расположились ближе к реке.

Направо по валу – характерные для старого Дорогомилова одноэтажные деревянные совершенно безвкусовые домики, прерываемые пустырями.

На одном из таких пустырей у самой реки широко раскинулся [на] площад[и] в 62½ тыс. м² «Завод железобетонных изделий» (Дорогомиловский вал, 28) Греста Госстрой Наркомхоз – всесоюзного значения. Этот завод начинает длинную цепь разнообразных [характерных] для интересующей нас части Москвы предприятий по производству строительных материалов. Завод основан в 1929 г. Его продукция – 4 милл. [шлако]бетонных камней пустотелых и сплошных. Эти камни, не имея большой сопротивляемости, идут на жилищное строительство и надстройки и нуждаются в каком-нибудь каркасе. Основное сырье – трепел, шлак и известь. Рабочие (700 человек) неквалифицированного труда. Спустившись к Москве-реке, повернем налево вдоль пивоваренного завода. [Берега Москвы-реки были и сохранили до сих пор значение сырьевой базы строительных материалов]. Минуя [завод], поднимаемся в

горку. Прямо перед нами труба «Дорогомиловского цементно-известкового им. XIII октября завода» Треста Мосшлакбетон (III Бородинский, 16). Завод обслуживает Москву, имеет 320 человек рабочих. Его продукция: 18½ тыс. тонн извести, 10 тыс. тонн роман-цемента и 1200 тыс. шт. известково-шлако-трепельных камней. Завод возник в 1896 г. близ сырьевой базы. Известняк и зеленка-мергель и теперь добываются по правому берегу М[осквы]-реки, вдоль Дорогомиловского кладбища. В 1929 г. он был национализирован.

При заводе организуется кружок по изучению истории завода.

[Возникновение] здешних каменоломен восходит, видимо, к началу каменных построек в Москве.

В XVII веке местность эта называлась «Кобылий враг, что под Дорогомиловской слободкой». В 1669 г. где-то здесь была построена татарская тюрьма²⁷, и было приказано «ходить из той тюрьмы татарам на каменную ломку бутового камня». Следы этих каменоломен были обнаружены в 1866 г. при ломке камня и грунтовой краски на глубине 5 сажен. Древние каменоломни состояли из камер и сложной сети галерей, то расширяющихся до 4 аршин, то суживающихся в узкие лазейки. Самая длинная галерея, прослеженная на 200 саж., шла вдоль реки.

Направляясь прямо к Можайскому шоссе, отметим налево гос[ударственную] карандашную фабрику им. «Сакко и Ванцетти»²⁸ Моснеметреста. [Она передана государству в 1930 г.]. Основан[ная] в 1925 г. как американская концессия Галтнера²⁹, [она получила свое теперешнее название как протест против известного американского судебного процесса].

Здесь вырабатываются конторские, чертежные и счетные принадлежности на 14–15 милл. рублей. Рабочих 1200 человек. При сложности и разнообразии производственных процессов завод имеет секторы кадров и техпропаганды и организует ряд курсов и кружков по разным специальностям, охватывающих около 300 человек рабочих.

Можайское шоссе дает [в своем оформлении] странно[е] сочетание[е] разнородных элементов. Тянется почти непрерывно скучный ряд однообразных, крайне бесцветных домов, обслуживавших когда-то Можайское шоссе мелкими лавками, харчевнями, постоялыми и извозчичьими дворами и кузницами. Все дома имеют однообразное устройство. Двухэтажные, большей частью деревянные, с въездными воротами в центре к[отор]ые ведут на двор с неизменными приспособлениями для стоянок извозчичьих подвод. Сама же улица оформилась по-новому. Трамвайные рельсы в цен-

тре [улицы] ведут до парка в Филях [(с 1931 года)]³⁰, их окаймляют аллеи зеленых насаждений (1928 г.), асфальтовые мостовые до самого Кунцева (1931 г.), наконец, новые здания, главным образом, общественного [назначения] кое-где вытесняют старые или заполняют пустыри.

Открытая в апреле 1932 г. 66-я фабрика кухня (№10/12) в специально построенном здании оборудована со всевозможными механическими усовершенствованиями, рассчитана на крупное производство в 12 тыс. обедов для местного населения. Дальше по шоссе – I школа Ф.З.С.³¹ Фрунзенского района (д. № 40) им. X Октября поставлена среди обширного владения с садом и учебным огородом. Проект здания вырабатывался особо комиссией МОНО. Здание хорошо приспособлено для всех особенностей и задач школьной жизни. Оно имеет специально оборудованные мастерские, комнату физического труда, зал физкультуры, располагает огромной свободной площадью для [часов отдыха].

В программно-методическом отношении школа связана с ближайшими предприятиями. При школе имеется своя фабрика-кухня, которая снабжает завтраками и обедами своих учеников (2000 человек) и отпускает завтраки в другие школы (3000 завтраков). Школа имеет красное знамя, ее мобилизованные ударники работают на новостройках.

Направляясь дальше по шоссе, заметим налево, в районе Извозных улиц, идущих параллельно шоссе, громоздящиеся новые жил[ые] постройки, связанные с Брянской дорогой. В конце ул., у Дорогомиловского кладбища, там же, налево хорошо виден целый [ряд] узких, высоких, длинных корпусов, пересеченных сплошными горизонталями застекленных окон [с плоскими крышами]. Это – студенческий городок № 2 с общежитиями Главтуза³², который был одной из первых проб I госуд[ударственного] треста строительной промышленности.

Дорогомиловское кладбище, как многие кладбища Москвы, возникло после чумы 1771 г. Церковь на нем выстроена в 1772 г.³³ На русском кладбище находится братская могила воинов, [павших] под Бородином³⁴. На еврейском кладбище³⁵ схоронен известный пейзажист Левитан. Вся эта территория, расположенная за заставой, медленно осваивалась городом. В последнюю четверть XIX в. недалеко от кладбища вправо от шоссе находились только бойни, и даже в начале XX в. у линии Окружной дороги в лощинке при пересечении с Брянской можно было организовывать массовки и маевки рабочих. В наши дни помимо указанного жилищного строительства бросается в глаза оживленное движение. Чувствуется, что

там за линией Окружной дороги возник какой-то [новый] участок, который поддерживает связь с центром посредством трамвайных линий, автобусов и, главным образом, грузовиков.

Перейдем мост через Окружную ж. д., которая была объявлена границей Москвы [Временным] правительством в [1917 г.]. Территория за Окружной дорогой включена в черту города только [в 1931 г.]. Последние годы пятилетки развернули здесь [мощное] строительство, которое и вызывает такое непрекращающееся движение грузового транспорта.

На центральном шоссе находим «Механический завод и парк оборудования строительных машин треста Госпромгражданстроя» (Поклонная гора, 4). Он основан в 1927 г. и заготавливает новые конструкции, отдельные части и ремонтирует строительные машины: всевозможные лебедки, элеваторы, гравемойки, составляющие необходимую принадлежность оборудования современных строек. Завод имеет 130 ч[еловек] рабочих; его продукция на [1932 год] определяется в 512 тыс. руб., при заводе свое ФЗУ. Почти рядом групповая контора № 3 треста Госгражданстроя, обслуживающая различные новостройки Москвы.

Свернув с моста направо, идем еще не мощеной дорогой. Прямо спуск к Москве-реке, которая будет сопровождать наш путь с правой стороны. Налево – большая территория, занятая новостройками 1932 г. Минувя бараки Стальстроя, видим «Завод новых строительных материалов Фрунзенского района», [мы застали его в первые дни существования]. Его продукция: шлако-бетонные камни (годовая продукция на [1932 г.] – 1 100 000 камней), асфальто-песчаные трубы и фибролитовые плиты (для внутренних перегородок в здании, изготавливаются из стружек и извести). Обогнув завод, [идем] по 2-ой Поклонной ул., им[ея] направо Всеторгстрой, налево – на территории только что упомянутого завода интересные старые глубокие карьеры, снабжавшие Москву песком. [Теперь] дальнейшая выемка песка прекращена, т[ак] к[ак] за ними начинается поселок Военной Академии. Возводящиеся здания интересны как тип стандартизированных домов, материал для которых заготавливается на заводах и только собирается на месте. С правой стороны блестит сопровождающая нас Москва-река. Слева начинаются строительные вышки быстро растущего завода «Приборстрой»³⁶. Направо, несколько в низинке, замечаем сложный состав заводских построек. Это «Толево-рубероидный завод Мосхимтреста» (или «Москватолево»), завод строительных материалов³⁷. Его основная продукция – толь и рубероид, заменяющие кровельное железо. Вырабатывая 38% всех кровельных материалов, он является самым крупным в

СССР и обслуживает сверхударные стройки Кузнецкостроя и др[у-
гие], отдавая им 90% своей продукции. В корпусах завода когда-то
помещалась красильно-набивная фабрика Кузьмичева, основанная
в 1879 г.³⁸ В 1925 г. текстильное оборудование было передано тресту
«Красный Восток», сюда же была переведена толево-рубероидная
фабрика б[ывшая] Августа Линде и Дубровицкая бумажная [близ
Подольска]. В 1930 г. началась реконструкция завода, заканчиваю-
щаяся в [1933] году, после чего продукция завода возрастет втрое
(вместо 6½ милл. – 17½ милл. руб.), причем 1 руб. капиталовложе-
ния даст 4 руб. продукции. В 1933 году завод выпустит 1200 тыс.
кусков толя (1 кусок толя = 15 м²) и 600 тыс. рубероида (1 к[усок]
руб[ероида]да = 20 м²). Кроме того, завод вырабатывает прокладоч-
ную пасту «Феникс» для фланцевых труб и колесную мазь для кол-
хозного транспорта в количестве 10 тыс. тонн. Завод имеет 700 че-
ловек рабочих, свой учебный комбинат на 300 человек. Ударники
составляют 90% кадровых рабочих. Он шефствует над колхозом
Фрунзенского р[айона] «Пробуждение» [см. ниже].

Перейдя через полотно ж[елезной] д[ороги], доходим короткой
аллеей до реки Фильки и вступаем в район, кот[ор]ый обслуживает
социально-бытовые потребности нового индустриального населе-
ния, привлеченного развивающейся промышленностью, в район
так называемого «Первомайского поселка». Поселок [строится]
среди вековых лип и столетних дубов в старинном парке усадьбы
Нарышкиных³⁹, подаренной им царем Алексеем Михайловичем в
XVII веке.

Направо красиво расположил[ась] на высоком месте как
единственный архитектурный памятник усадьбы ц. «Покрова в
Филях» (1693 г.), одна из самых изысканных и законченных форм
«вотчинного» храма в стиле барокко. Его основной четырехгран-
ник с пристроенными полукружиями несет восьмигранник, на со-
мкнутом своде которого поставлен другой; он меньшего диаметра и
служит колокольней. Небольшая главка заканчивает их. Все это –
вместе с 4 куполами, поставленными на полукружиях, высоким
подклетом и круговой террасой, поднятой на высоких арках, почти
прижатых к подклету, дает нежный и легкий силуэт. Сочетание
красных кирпичных стен с белым цветом «кружевной» обработки,
среди окружающей зелени леса и луговины сообщает особую на-
рядность его барочной архитектуре.

Налево через дорогу строится новое здание школы. [По доро-
ге встречаем еще] резк[о] контрасти[рующие] с современностью
стар[ые] маленьк[ие] деревянн[ые] в 3 окошка дачки. Они совер-
шенно теря[ют]ся среди четырехэтажных серых каменных корпу-

сов, возвышающихся в зелени старых лип (см. направо) и новых насаждений. Группа жилых построек (1927–30 гг.) заканчивается [оборудованным] [1932 г.] замечательным зданием почти со сплошными застекленными стенами фабрики-кухни, организующей общественное питание.

Пройдя по парку мимо [строящегося] здания клуба⁴⁰, подходим к собственной [радио]станции поселка. С [19]32 г. поселок соединен с Москвой специальной веткой трамвая, конечная остановка у радиостанции (трамвай 31 и 35)). Таким образом, в вековом и теперь заповедном парке возникает и оформляется в своем социально-бытовом своеобразии этот новый поселок. Парк б[ывшей] дворянской усадьбы, расположенный в одной из самых живописных местностей Москвы, ограниченный прекрасными берегами Москвы-реки, будет превращен в парк культуры и отдыха... [размером в 200 га. Здесь организуется театр, кино, физкультурная площадка, детский городок и т. д. Его «зеленая дорожка» – широкая аллея – ведет к [крутому] берегу Москвы-реки, откуда открывается живописный вид. [Здесь же были открыты погребения вятичей – древнего населения Москвы]. Из парка через территорию заводского клуба* выходим] к колхозу «Пробуждение» (б[ывшая] деревня Фили), ведущему тепличное и парниковое хозяйство, снабжающему Фрунзенский район ранними овощами. Он входит, как элемент сельского хозяйства, в группу индустриальных предприятий, окружающих и постоянно растущих вокруг [него].

[Пройдя улицей колхоза, свернем к мостику через реку Фильку и направо от дороги увидим] завод «Красная труба»⁴¹, который особенно любопытен для осматриваемой территории как вырабатывающий сварные газовые трубы, т[o] е[сть] обслуживающий один из моментов коммунального строительства. [Затем один из самых любопытных заводов только еще зарождающейся отрасли производства, первый в СССР опытный завод твердой и жидкой углекислоты, или т[ак] н[азываемого] «сухого льда»⁴², производство сухого льда началось в Америке в 1925 году. Температура сухого льда – 79°, при таянии он не дает влаги, это – концентрированный углерод. Сухой лед обслуживает пока пищевую промышленность, но ведется исследование для применения его в других областях. Завод начнет работу в [июле] 1932 г., его сырье – кокс, из которого

* В случае большого утомления можно сесть в трамвай и доехать до Поклонной горы. По пути можно видеть все описываемые дальше предприятия [Из окон вагона широкий вид вокруг. – зачеркнуто]. – *Примеч. на полях.*

и будет вырабатываться продукт. В дальнейшем подобные заводы будут работать на отходах углекислоты при силикатных, бродильных и спиртовых заводах].

Ми[нуя] нов[ую] станци[ю] белорусско-балтийской дороги Фили, перейдя через полотно дороги, отмечаем Фильскую понижающую электростанцию МОГЭСа. Это узловой пункт всех отмеченных предприятий. Она снабжает их электроэнергией. Растущее промышленное строительство района вызывает непрерывный рост электростанции, возводящей ежегодно новые постройки.

Направляясь теперь на Поклонную гору, пройдем мимо «Кутузовской избы»⁴³. Здесь когда-то стояла деревня Фили, в одной из изб собрался в 1812 г. после Бородинской битвы тот военный Совет русской армии, кот[ор]ый решил сдать Москву Наполеону. В 1868 г. изба сгорела, позже деревня была [отсюда] перенесена, и выстроена новая изба, где устроен музей, посвященный некоторым моментам войны 1812 г.

Наш путь почти закончен. Все пройденное нами убедительно указывает на возникновение нового значительного индустриального района Москвы, имеющего общемосковское и всесоюзное значение, с преобладанием в производстве строительных материалов и оборудования, с широко развернутым строительством в области удовлетворения социально-бытовых потребностей населения.

Поднимемся на Поклонную гору. Отсюда Москва всегда останавливала внимание всех подъезжающих к ней.

Размеры города, живописность природных условий и своеобразие архитектурного оформления и городского ландшафта поражали путешественников. С Поклонной горы приветствовали Москву.

Современная Москва захватила полкольца горизонта, дотянулась до самой Поклонной горы, раскинула в окрестностях крупные предприятия. Огороды на самой горе также освоены городом. Это все «рабочие огороды», занимающие здесь 217 га и обслуживающие различные предприятия Москвы. Дымки паровозов обозначают направление трех пересекающихся здесь жел. дорог. Электрические провода, протянувшиеся в воздухе, приносят сюда энергию. Самый ландшафт города резко меняется за последние годы. Москва выглядит индустриальным городом.

- ¹ НИОР РГБ. Ф. 177. К. 28, 29, 30.
- ² Там же. К. 28. Д. 48.
- ³ Там же. Д. 44.
- ⁴ См.: *Силенко А.Д.* Исчезающее Приарбатье, или Варгуниха, – «город», которого нет. История типографии «Наука». М., 2011. 109 с.
- ⁵ См.: *Сытин П.В.* Из истории московских улиц (очерки). М., 1958. С. 586.
- ⁶ См.: *Силенко А.Д.* Указ. соч. С. 47.
- ⁷ *Александров Ю.Н.* Диалог путеводителей. М., 1986. С. 5.
- ⁸ Урочище на левом возвышенном берегу Москвы-реки, по легенде названное по питейному заведению некоей стрельчихи Варгунихи. Возможно название дано по домовладению. Впервые упоминается в 1701 г. Во второй половине XIX в. нынешняя Смоленская набережная носила название «ул. Варгунихина гора» (на картах этого времени неверное название «Воронухина гора»). Район Варгунихи (район Смоленской наб., Смоленских, Николощеповских Проточного и Шубинского пер.) был реконструирован в 1950-е гг., гору срыли, историческая застройка в основном утрачена. В 1930-е гг. снесены церковь Смоленской иконы Божией Матери (XVII–XIX вв.) и Никольская старообрядческая церковь (1915 г.); храм Николая Чудотворца на Шепях (1686 г.), закрытый в 1930-е гг., ныне восстановлен и действует. См.: *Силенко Д.А.* Указ. соч. С. 9–11, 20–24, 25–28, 47; *Сытин П.В.* Указ. соч. С. 581–586.
- ⁹ Часть Камер-Коллежского вала между Б. Дорогомиловской ул. и Дорогомиловской (Тараса Шевченко) наб., продолжал Можайский вал, упразднен в связи с реконструкцией района и прокладкой Кутузовского проспекта в 1966 г. См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий московских улиц. М., 2011. С. 138.
- ¹⁰ Московско-Белорусско-Балтийская железная дорога. В 1922 г. образована путем объединения Александровской и Московско-Балтийской железных дорог.
- ¹¹ Рабочий поселок, выросший в конце 1920-х годов в районе ул. Почтовой (часть ул. Новозаводской с 1958 г.) вокруг Государственного авиационного завода (ГКНПЦ им. М.В. Хруничева), созданного в 1916 г., реорганизованного в 1921 и 1927 гг. В 1935 г. была образована ул. «Первомайский Поселок (Первомайская, Филевское ш.; часть ул. Новозаводской с 1958 г.). См.: *Рачинский Я.З.* Указ. соч. С. 353.
- ¹² Урочище, известно с начала XV в.; на левом, возвышенном берегу Москвы-реки, владение кн. В.А. Храброго, затем Новинского монастыря. С середины XVIII в. в черте Москвы; район Пресни. См.: *Рачинский Я.З.* Указ. соч. С. 531.
- ¹³ Урочище на левом возвышенном берегу Москвы-реки в районе современной Ростовской набережной и Плющихи. Часть современной Ростовской набережной носила название «ул. Мухина гора», упразднена в 1930-е гг. См.: *Рачинский Я.З.* Указ. соч. С. 325.

- 14 Плавающий мост в Дорогомилово известен еще в начале XVI в., в конце XVIII в. его сменил деревянный Дорогомиловский мост, который в 1837 г. в честь 25-летия победы над Наполеоном был переименован в Бородинский. В 1868 г. построили металлический мост (инж. В.К. Шпейер), в 1912 г. его снова перестроили к 100-летию Отечественной войны 1812 г. (инж. Н.И. Осколков, арх. Р.И. Клейн). Последняя реконструкция с расширением моста была в 1952 г.
- 15 Брянский (до 1934 г.), ныне Киевский, вокзал. Первое деревянное здание построено в 1899 г., перестроен в 1914–1918 гг. (И.И. Рерберг, В.К. Олтаржевский, В.Г. Шухов).
- 16 Урочище в районе патриаршей рыбной Бережковской слободы (в районе Бережковской наб.), до 1967 г. существовала ул. Красный луг (ул. Поты-лиха). См.: *Рачинский Я.З.* Указ. соч. С. 415.
- 17 Ул. Площича известна с конца XVIII в., вероятно, названа по питейному заведению. Упоминалась и как Большая Смоленская ул. См.: *Рачинский Я.З.* Указ. соч. С. 402.
- 18 Располагался в районе современного Садового кольца, от Арбата до Проточного пер. Торг существовал с XVII в., в конце XVIII – начале XIX в. известны мясные и рыбные лавки, в 1820-е гг. возник еще и толкучий рынок. В 1875 г. Городская дума построила специальное торговое здание. В 1920-е гг. рынок ликвидирован.
- 19 В 1494 г. между дочерью Ивана III и Литовским великим князем Александром Казимировичем был заключен брак.
- 20 3 мая 1606 г.
- 21 Хухриков пер. в Дорогомиловской слободе, назван по домовладельцу С.Н. Хухрикову (1882), в 1905 г. переименован в 3-й Дорогомиловский пер., упразднен после 1950 г. В начале 1920-х гг. упоминается Хухриков пер. в районе ул. Студенческой, упразднен после 1980 г. Хухриков пр. в начале XX в. назван по домовладелице П.П. Хухриковой, находился между ул. М. Дорогомиловской и Дорогомиловской (Тараса Шевченко) наб., упразднен в 1960-е гг. См.: *Рачинский Я.З.* Указ. соч. С. 137, 564.
- 22 В 1957 г. 3-й Николощеповский пер. назван пр. Шломина в честь М.И. Шломина (1896–1917), командира отряда красногвардейцев Дорогомилова.
- 23 Имеется в виду Хамовнический пивоваренный завод, основанный в 1863 г. Закрыт в 2005 г., в 2012 г. здания снесены.
- 24 Церковь Благовещения на Бережках (Ростовская наб.) упоминается в 1413 г., снесена в 1960-е гг.
- 25 Кн. И.М. Долгоруков (1764–1823), поэт, драматург, мемуарист.
- 26 Основан в 1875 г., в конце XIX в. – крупнейший пивоваренный завод в Москве. С 1934 г. завод получил имя большевика А.Е. Бадаева. В 2006 г. завод остановлен, на его территории планируется элитная застройка. В комплексе заводских зданий – выявленные объекты культурного наследия, образцы промышлен-

- ленной архитектуры конца XIX – начала XX в. (арх. А.Е. Вебер, Р.И. Клейн, А.П. Евланов).
- 27 Упоминание о специальной татарской тюрьме для пленных татар в урочище Кобылий враг см.: *Иванов О.А.* Крымский двор в Москве // Москва–Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. 1. М., 2000. С. 138.
- 28 Московский завод пишущих принадлежностей им. Сакко и Ванцетти входил в тройку крупнейших предприятий отрасли. Кризис 1990-х гг. нанес производству серьезный удар, в 2003 г. производство прекратилось. В 2007 г. территория завода была выделена под элитную застройку, постройки снесены.
- 29 Так в тексте.
- 30 Трамвайная ветка через мост в Дорогомилово была проложена в 1909 г. В 1929 г. ветку удлиннили, затем дотянули до парка Фили. Развитие трамвайных линий в Дорогомилово в дореволюционный период и в 1920–1930-е гг. было связано с развитием промышленных предприятий района. В конце 1930-х годов с ул. Б. Дорогомиловской и Можайского шоссе трамвайные пути были перенесены на параллельную ул. Извозную (Студенческую). В 1962 г. было прекращено движение последнего в этом районе маршрута № 31.
- 31 Фабрично-заводская семилетка.
- 32 Дорогомиловский студенческий городок в 1929–1930 гг. образовался в районе ул. 2-й Извозной (1922; с 1952 г. Студенческая), 8 корпусов в стиле конструктивизма (арх. Б.В. Гладков, А.М. Зальцман, Б.Н. Блохин). См.: *Рагинский Я.З.* Указ. соч. С. 137.
- 33 Кладбищенская церковь св. Елисаветы была освящена в 1773 г., перестроена в 1839 г. Уничтожена на рубеже 1940–1950-х гг. вместе с Дорогомиловским кладбищем.
- 34 На Дорогомиловском кладбище были братские захоронения воинов, умерших от ран после Бородинского сражения. В 1849 г. здесь был установлен памятник-обелиск. После сноса кладбища во время реконструкции района в 1950-е гг. прах воинов был символически перенесен к Кутузовской избе.
- 35 Было устроено в 1788 г. рядом с Дорогомиловским кладбищем по инициативе белорусских евреев, живших в Москве. Уничтожено в процессе реконструкции района в 1950-е гг.
- 36 В 1928 г. был основан специализированный завод «Авиаприбор» (Первый московский приборостроительный завод им. В.А. Казакова; ОАО 1-й МПЗ им. В.А. Казакова), к 1940 г. стал ведущим в отрасли. С 1963 г. начат выпуск сложного медицинского оборудования.
- 37 «Москватоль» (1949 г. – Московский рубероидный завод; ныне – ОАО «Филикровля») образован 30 июля 1924 г., в 1933 г. вошел во Всесоюзный трест «Союзкровля». В 1941 г. был значительно разрушен в результате бомбардировки, восстановлен в конце 1940-х гг. В 1970-х гг. технически переоснащен. Ныне производит кровельные и гидроизоляционные материалы.

- ³⁸ Во второй половине XIX в. Дорогомилово приобретает характер промышленного района. Среди прочих предприятий у д. Фили купец С.Д. Кузьмичев в 1879 г. основал красильно-набивное производство. В 1910-е гг. фабрика принадлежала А.Ю. Эфрос.
- ³⁹ Село Фили, известное с XVI в., уже в 1689 г. принадлежало Нарышкиным (тогда же к Филиям присоединили Кунцевскую вотчину). В 1693 г. построена церковь Покрова в Филиях, здесь сформировалась крупная усадьба с угодьями (в том числе лесными), с ткацкими и шелковыми производствами. Во второй половине XIX в. усадьба перешла во владение К.Т. Солдатенкова, Г. Гурьева, П.Г. Шелапутина. С 1927 г. началась массовая застройка района. На основе бывшей усадьбы и прилегающих лесов создан Фили-Кунцевский лесопарк, часть его с 1947 г. занимает Филевский парк культуры и отдыха.
- ⁴⁰ Дворец культуры им. Горбунова, ул. Новозаводская. Строительство закончено в 1938 г., построен в Первомайском поселке в комплексе Государственного авиационного завода (ГКНПЦ им. А.В. Хруничева), назван в честь директора завода С.П. Горбунова.
- ⁴¹ «Красная труба», ныне ОАО "Московский трубный завод ФИЛИТ».
- ⁴² Завод вступил в действие в 1933 г., на его базе в 1937 г. был образован Московский хладокомбинат № 8 им. А.И. Микояна, ведущее предприятие отрасли (с 1992 г. – Айс-Фили, с 2005 г. – Айсберри).
- ⁴³ Музей в бывшей избе крестьянина М. Фролова в д. Фили, где 13 сентября 1812 г. собрался военный совет, был впервые открыт в 1887 г. в воссозданной после пожара 1868 г. избе (арх. Н.Д. Струков). В 1929 г. музей закрыли, возобновили в 1939 г. Закрыт на реконструкцию в 1995 г. В 2012 г. открыта новая экспозиция, входит в состав Музея-панорамы «Бородинская битва».

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ
1941–1942 гг.
(по дневникам П.Н. Миллера)

В статье предпринята попытка показать будничную реальность жителей столицы первых лет Великой Отечественной войны глазами современника. Основой для материала послужили дневниковые записи авторитетнейшего знатока Москвы П.Н. Миллера. Особое место в тексте уделяется бытовым подробностям городской жизни той поры. Параллельно пунктиром намечена линия организационной работы по составлению «Московской летописи» – инициативному начинанию Миллера, прерванному в начале 1943 г. в связи со смертью историка.

Ключевые слова: Москва, краеведение, Великая Отечественная война, дневники, П.Н. Миллер, москвоведение, Институт истории, Музей истории города Москвы, «Московская летопись».

Петр Николаевич Миллер (1867–1943) – одна из наиболее видных фигур отечественного краеведения первой половины XX в.¹ Человек обширной эрудиции, обладавший несомненным талантом популяризатора исторических, краеведческих и археологических знаний, он был превосходно осведомлен об истории каждого московского района, составляющих его улиц, владел информацией о большинстве столичных домов. Современным краеведам Петр Николаевич главным образом известен благодаря активнейшей деятельности в рядах комиссии «Старая Москва», председателем которой состоял в 1923–1929 гг. Однако и вне означенных рамок Миллер успел сделать немало полезного.

Он – автор серии материалов о производственных предприятиях Москвы и окрестностей в XVII–XVIII вв., увлекательного

путеводителя по пушкинской Москве, разработчик экскурсионных маршрутов по историческому центру столицы и отдельным ее районам. С 1934 по 1937 г. Миллер руководил историко-архивной бригадой на строительстве Московского метрополитена. В 1939–1941 гг. являлся ученым секретарем Группы / Комиссии по истории Москвы при Институте истории АН СССР, где вплотную сотрудничал с крупнейшими специалистами по истории России. С 1941 до начала 1943 г. П.Н. Миллер трудился над составлением летописи Москвы в Отечественной войне, что нашло подробное отражение в его дневниковых записях. Именно последнему из перечисленных аспектов и будет уделено внимание ниже.

Дневники Миллера находятся на хранении в отделе документально-письменных источников Музея истории города Москвы (ОДПИ МИГМ), в фонде № 8169 – личном фонде П.Н. Миллера. В его состав входят 752 единицы хранения. Всю имеющуюся здесь документацию можно разделить на шесть разделов: рукописные дневники Миллера (Разд. 1. Д. 1–19); его статьи и заметки по истории Москвы (Разд. 2. Д. 20–37); материалы к неопубликованному сборнику «По трассе 2-й очереди Московского метрополитена» (Разд. 3. Д. 38–76); документы Группы / Комиссии по истории города Москвы при секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР (Разд. 4. Д. 77–384 и 429–612); служебная переписка П.Н. Миллера (Разд. 5. Д. 385–421); документы различного содержания, включающие рукописи других лиц, копии постановлений ВЦИК, печатные копии писем, черновые заметки и др. (Разд. 6. Д. 613–752)².

Переходя непосредственно к дневникам Миллера, стоит отметить, что они в массе своей велись автором от руки в общих тетрадах и ныне содержатся в двух папках.

Папка № 1 включает дела № 1–6, где содержатся сведения за период со 2 августа 1939 г. по 28 ноября 1941 г. Дела с первого по четвертое представляют собой записи преимущественно синими чернилами на отдельных листах писчей бумаги, обороты которой содержат машинописные копии плана академического издания «Истории города Москвы» (проект Института истории АН СССР, приуроченный к 800-летию юбилею столицы). Дела 5 и 6 – общие тетради по 48 листов, записи в которых автор вел синими чернилами. Папка № 2 включает дела № 11–19, содержащие сведения за 29 ноября 1941 г. – 16 ноября 1942 г. Содержимое этой папки представляет собой комплект тетрадей по 48 листов каждая. Нумерация и датировка на обложках тетрадей проставлена самим автором синими или черными чернилами.

С позиции тематики и структуры дневники Миллера можно распределить на две категории. Так, материалы 1939 – первой половины 1941 г. фиксируют события, связанные с работой Петра Николаевича в составе Группы по истории Москвы³. При этом часть заметок отводится археологическим наблюдениям на строительстве главного здания АН СССР в Бабьем городке (Крымский вал) и высотного дома в Котельниках. Записи подобного рода в основном носят подчеркнуто деловой, конспективный характер.

С началом Великой Отечественной войны стиль ведения дневника заметно меняется. В отдельных случаях автор дает волю эмоциям, бурно реагируя на то или иное происшествие. Запись от 22 июня 1941 г., сделанная после объявления по радио о начале военных действий с Германией: «Как только приду домой, сейчас же напишу заявление в Партбюро о том, что отдаю себя в руки Партбюро. Чудовищное вероломство Гитлера должно быть наказано и будет наказано...»⁴

Мысль о необходимости документальной фиксации повседневного военного быта столицы возникла у историка не сразу. Поначалу Миллер в привычной ему фрагментарной манере заносит в дневник собственные будничные впечатления. Однако, постепенно характер записей трансформируется. Первые заметки о воздушных налетах на город относятся к 21 июля. Миллер отмечает, что две ночи подряд продолжались бомбардировки и воздушные тревоги⁵.

Днем тревога. Забрались в убежище, где просидел 43 мин. Потом говорили, что в Кубинке сбили 8 немецких самолетов... В 10 ч. 10 мин. тревога, после которой происходил в течение 5 час. бой над Москвой. Впервые видел многое, мне неизвестное: и ловля прожекторами, и обстрел зенитками, и гирлянды ракет, как наших, так и вражеских. Видно было два зарева. Одно из них оказалось наш Институт на Волхонке. Немец отметил прошедший месяц налетом⁶.

В последующие дни Миллер приходит к решению вести на страницах дневника учет разрушенных московских объектов⁷. Так, 22 июля он отмечает, что «бомбили 21/22 – Волхонка, 14 и столовая против Музея (пожар)»⁸.

24 июля 1941 г.:

К прежним объектам за ночь прибавилось несколько домов №№ 7–13 (около Апаковского парка) на Шаболовке. Кое-где дымится. Слухи о Даниловском рынке, театре Вахтангова, школы на М. Бронной и Трехпрудн. пер. – все фугасные; много фугасных сброшено вне города, бросали беспорядочно⁹.

Миллер включает в записи всю услышанную им информацию, порой непроверенную. Тем самым он пытается запечатлеть объективную картину происшедшего. В то же время его персональные суждения, оценка поведения людей и отдельных событий также находят место в дневнике.

26 июля 1941 г. Петр Николаевич приходит к мысли: «Надо подать заявку в дирекцию [Института истории. – С. У.] о необходимости собирать материал “Москва в Отеч. войну 1941 г.”»¹⁰.

В работу Миллер включился безотлагательно. Уже на следующий день (27 июля) он приступил к составлению плана и продумыванию структуры будущей летописи. Параллельно продолжал сбор фактов и слухов о разрушениях в городе. Запись за 29 июля 1941 г.:

Был Тихомиров¹¹, кругом него домишки сгорели (кажется, доктора Кузьмина на углу М. Никитской и Скарятинского пер.).

Слухов не оберешься: Марьясина рассказывала, что вся Б. Дмитровка разрушена и Ак. Архитектуры тоже. Я встретил в трамвае Иванова¹²; он рассказал, что пострадали стекла и двухэтажный флигель во дворе, где было издательство, бухгалтерия и лаборатория. Спросил его, будут ли фиксировать памятники, попавшие под разрушение. Сказал неопределенно: задания такого у них нет¹³.

1 августа 1941 г. Миллер отмечает в дневнике, что его начинание по сбору сведений для будущей московской летописи встретило понимание и поддержку коллег – С.В. Бахрушина¹⁴, Н.А. Баклановой¹⁵ и других. Каждого из них Петр Николаевич просил фиксировать разрушения по районам проживания, те в свою очередь обещали учитывать это¹⁶.

Со 2 августа в записях Миллера появляются данные о ситуации в торговых точках города: «Зашел в булочную напротив. Коммерческое отделение полно хлебом и полно людьми, в большинстве колхозниками с бидонами, а по карточкам – свободно, – просто никого нет»¹⁷.

Автор дневника фиксирует, как постепенно меняется отношение горожан к постоянным бомбардировкам и воздушным тревогам. Они фактически становятся неотъемлемой частью повседневности. Этот момент весьма существенен для представления о быте Москвы военной.

7 августа 1941 г.:

Московское население настолько привыкло, что в трамваях и метро друг у друга спрашивают: «Как шлепали у вас осколки?» и т. п.

Городская жизнь идет своим порядком, посадки в скверах поддерживаются. Больше всего гонению подвергаются разные деревянные клетушки, сараи, заборы и т. п., которыми действительно все дворы забиты, и в некоторых случаях безобразно густо. Интенсивно роют щели и убежища, последние не столько для себя, сколько для имущества. Эта охрана собственности доходит до курьезов...¹⁸

Тем временем в Институте истории, как и в других структурных подразделениях Академии наук СССР, происходило сокращение штатов, а также шла эвакуация сотрудников (по желанию) в Казань для продолжения работы в местных филиалах. В этих условиях Миллер по-прежнему занимается Москвой: делает тематические вырезки и выписки из газет, собирает личные наблюдения, фиксирует сведения и слухи.

Из дневника за 10 августа 1941 г.:

Я проехал значительное пространство на трамвае и не встретил следов разрушения; есть кое-где выбитые окна, но именно разрушений нигде нет и все на месте, даже бондаренковская старообрядческая церковка у Триумфальных ворот, хотя оба купола разворочены. Очень хорошо произведена маскировка сплошных высоких корпусов по Ленинградскому шоссе. Не знаю, почему ее не применяют в городе. Дикое впечатление от завала окон в подвалах, где убежища, мешками с песком и замены магазинных стекол деревянными щитами и мешками с песком. <...> На улицах, в трамваях поражала обычность толпы! Как будто войны и нет¹⁹.

Как человеку, знавшему Москву лучше прочих, Миллеру было нестерпимо больно наблюдать последствия налетов вражеской авиации. Но долг историка призывал его к бесстрастному изложению событий. В то же время невозможно сказать с полной определенностью, что больше интересовало Миллера-исследователя – город или его жители. Вероятно, и то и другое в одинаковой степени.

Умение прислушиваться к чужим беседам, наблюдать за людьми, подмечая за ними различные черты характера, – все это, несомненно, было на пользу москвоведу-летописцу. Слухи и пересуды для Миллера – важный источник информации, дополняющий сведения, почерпнутые из официальной прессы и радиосводок.

Запись из дневника за 19 августа 1941 г.:

В трамвае... рассказывали о 6 местах: 1-й Зборовский, городок Метростроя, б. Марков. огороды, Русаковский трамвайный парк, Олений

вал и даже Черкизово. Реальнее всего 1-й Зборовский, где, говорят, два домишка сгорело и убито 5 человек, а один просто разрушило. Жаловалась гражданка, жительница Зборовского пер., что в пожарной команде не знали, где Зборовский пер., и что после того, как поняли, предложили встретить их?! Впечатление от взрывов очень тяжелое, но, вероятно, фугаски были мелкие, так как о больших разрушениях не слышно²⁰.

В тот же день коллега по Институту истории сообщил Миллеру, что в дирекции рассмотрели его заявление относительно проекта военной летописи Москвы и поручили ведение всей работы С.Д. Петропавловскому²¹.

Отдельные дневниковые записи с позиций дня сегодняшнего воспринимаются чистейшим курьезом. Однако следует помнить, что это – отражение общественных настроений того непростого времени. И, невзирая на явную нелепость слухов, подобных нижеизложенному, такие истории многими принимались на веру.

29 августа 1941 г.:

Приехав домой, услышал потрясающую новость (хорошо, если окажется болтовней, сплетней): налет с 27 на 28, о котором опубликовано не было, был произведен не кем иным, как предателем, извергом Леваневским²², которого считали все погибшим. Сведения пришли с двух противоположных концов: от Н.С., приехавшей из Подольска, и А.И.К. из автопарка у Савеловского вокзала. То говорили, что он раненый был схвачен в плен и помещен в больницу в Подольске, а потом говорили, что он в больнице в Серпухове, где находится и сейчас; что он совершил, по его словам, 14 налетов на Москву! Ужасно!²³

Продолжение этого сюжета находим в записи за 30 августа 1941 г.: «Миф о Леваневском надо оставить. Тот самолет был посажен в Лихоборах около Останкина, оказался немецким со всеми знаками; экипаж – 6 человек – взят в плен. Они бросали ракеты и летели низко, чтобы сесть. Рассказ П.Г. Коврова»²⁴.

Существенный фактор, характерный для дневников: содержание записей позволяет прочувствовать гражданскую позицию не только самого автора, но и его невольных собеседников – продавцов в ларьках и магазинах, трамвайных попутчиков, соседей по дому. Миллера тревожит отсутствие патриотического подъема среди населения. В заметке от 31 августа 1941 г. читаем:

Палатки пустыют: у одного ларька вся выставка – 8 бутылок сов. шампанского. Утром говорил с молочницей о картошке и курах и неожи-

данно услышал, что они получили письмо из Смоленска (уже занятого немцами), что жить ничего, спокойно; самолеты (немецкие) летают как хотят, и высоко, и низко; все есть, их не трогают, а только начальство и т. д. Когда я возмущенно стал говорить о зверствах и т. п. (меня поддержала О. В.), она спокойно ответила: «Это все с начальниками, а нас им зачем трогать?» Очень опасное настроение крестьянства, если оно общее. Надо поговорить с нашими коммунистами²⁵.

Между тем, невзирая на идейную поддержку «Московской летописи» в Институте истории, работать над проектом никто не спешил. Поставленный руководить процессом С.Д. Петропавловский старательно избегал встреч с Миллером. Наконец 1 сентября 1941 г. последнему удалось побеседовать с ответственным лицом. Из разговора стало ясно, что взгляды на методы сбора информации для летописи у обоих принципиально разнятся. Петропавловский настаивал на исключительно научном характере материала. Единственным источником сведений признавалась информация из газет, фиксировать которую необходимо сразу по прочтении очередного номера передовицы. Работа требовала вовлечения как можно большего количества участников. При этом мысль о запечатлении будничных наблюдений обывателей им отвергалась напрочь. Вывод Миллера: «Все это похоже на мечты, если не удастся скоро мобилизовать актив, против которого они очень настроены»²⁶.

Через несколько дней к сбору данных по летописи подключился Институт истории партии при МК ВКП(б). Пришедшая 8 сентября к Миллеру сотрудница этого учреждения М.Г. Власова попросила ввести ее в курс дела.

Я рассказал ей весь процесс моей работы, дал темы московские и сектора Сов. периода. Основные мои положения я высказал так: мы производим не библиографическую работу, а отмечаем только события; эти сведения разбиваем по темам, а в темах держим карточки в хронологическом порядке. Составление карточек обязательно, составление сводок (которые я делаю) не обязательно. Желателен охват многотиражек и ведомственных газет, а также ленинградских.

Начала она работу дня 4–5 тому назад, у нее есть один помощник, и она должна обрабатывать Москву и Моск. обл. Начала с июня и одновременно работает над сентябрем. Институт уже требует от нее сдачи материала (карточного) в набор. Аннотации делает подробные, вплоть до разговоров²⁷.

Деятельность Миллера в ту пору осложнялась проблемами семейно-бытового плана. 17 сентября он положил в больницу су-

пругу: 84-летняя Ольга Владимировна получила тяжелый перелом бедра²⁸. Условия для работы также оставляли желать лучшего («У нас собачий холод, сижу в кепке и пальто и не могу согреться»²⁹). Однако о своих обязанностях историк не забывал даже во время воздушных тревог. 19 сентября 1941 г.:

Сидя в убежище, узнал, что по всем районным жил[ищным] управлениям рассылают приказы Мосжилуправления (Кузнецкий мост, 7) с отметкой, кто за что награжден по защите. Обязательно надо выписать³⁰.

26 сентября в Институте истории состоялось производственное совещание секторов, в ходе которого был поднят вопрос о летописи. Миллер информативно отчитался о проделанной работе³¹. А днем позже, занося впечатления в дневник, он коснулся принципиального момента – проблемы разницы взглядов на предмет составления «Московской летописи»:

Мы с ним [Петропавловским. – С. У.] расходимся в цели всей работы. Ему нужна карточка и материал для хроники, для летописи, чтобы сдать на машинку и в типографию. А я смотрю на мою работу шире: я собираю материал для архива, события, и на основании этого материала, подлежащего хранению для исследователей, можно составить карточки для летописи³².

В двадцатых числах сентября 1941 г., согласно дневнику, в Москве начинает меняться ситуация с продовольствием. Миллер отмечает, что образуются по-настоящему большие очереди за молоком, за возросшими в цене хлебом и табаком³³.

К началу октября среди населения усиливается тенденция к эвакуации. В спешном порядке покидали город не только рядовые граждане, но и научные работники, в том числе и коллеги Петра Николаевича. Миллер по-прежнему не видел для себя смысла оставлять Москву, которая являлась главной темой для изучения на протяжении всей его жизни.

Запись в дневнике за 15 октября 1941 г.:

Вчера зашла ко мне Дора Яковлевна и спросила, куда я хочу эвакуироваться. Я ответил, что желаю остаться в Москве, считаю своим долгом до последнего продолжать работу по Московской летописи. Кроме того сказал, что не уеду и потому, что у меня жена прикована к кровати в больнице и перевозить ее куда-нибудь, хотя бы даже в город – невысказано.

По Большой Калужской по направлению к городу видел стадо коров, а когда вышел на трамвай, видел в противоположном направлении людей с поклажей (должно быть, или беженцев, или эвакуируемых), идущих колонной по улице. У булочной напротив очередь за хлебом по 2-й Градской. У Пресненской заставы видели тоже стадо коров по направлению к городу и толпы беженцев, которые положительно все расхватывают в магазинах³⁴.

16 октября 1941 г. – переломная дата в истории Москвы военной. Немецкие войска приблизились к городу. Накануне Государственный комитет обороны принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», согласно которому город должны были покинуть правительство, Генштаб, военные академии, наркоматы, посольства, заводы и пр. Крупные предприятия, электростанции, мосты и метро следовало заминировать, выдать рабочим и служащим сверх нормы по пуду муки или зерна и зарплату за месяц вперед.

В городе везде чувствуется какое-то напряжение и все проявляют повышенную нервозность. Транспорт очень плохо функционирует. На улицах масса народу с вещами, с поклажей: идут, едут, лица измученные и злые. Везут и тащат на плечах вещи и в детских колясочках, и на грузовиках с прицепом; несут и везут вещи: и одежду, и штору, и портреты; в трамвай лезут с ножными швейными машинками, какими-то шкафчиками. Одна старуха, выбиваясь из сил, несла настенное большое зеркало... О том, как действовал транспорт, можно судить по тому, что когда я вышел на Выставочную площадь в 3 ч. 10 м., чтобы ехать домой, я простоял час 10 мин., пока еле-еле сел и стоя доехал до вокзалов, и только там сел, попав на Преображенку только к ½ 6 (ехали прилично, задерживаясь из-за посадки и высадки).

Вообще, рвали и бросали очень многое. <...> На улицах видел, что везде с домов снимали вывески жильцов, и в домоуправлениях приказано было уничтожить все документы, касающиеся жильцов: прописку не производят, домовые книги сданы в милицию. Когда брал ключ, меня предупредили, что в 6 час. будет по радио выступление Пронина³⁵. Передавали же распоряжение Моссовета о том, чтобы: 1) Торговые учреждения и столовые, и рестораны, 2) транспорт, 3) больницы, 4) учреждения – продолжали нормальную работу и, 5) чтобы милиция следила за выполнением этого распоряжения. В нашем институтском буфете я утром успел позавтракать, а на обед он уже был закрыт, как и многие столовые в городе.

День 16 октября надо считать «историческим», скорее кризисным. Что произошло: где-то шла борьба, но борьба за порядок и беспорядок. Перелом наступал к лучшему³⁶.

Начиная с 17 октября Миллер практически перед каждой дневниковой записью размещает краткую синоптическую информацию. И этот структурный элемент становится важной частью для его рукописной хроники.

Историк своевременно фиксирует перемены в жизни города. Закрываются рыночные палатки, одновременно в разных районах Москвы организуют дополнительные продуктовые магазины. 19 октября в 21.00 по московскому времени по радио объявляют о переходе столицы на осадное положение³⁷.

Миллер отмечает, что в связи с возросшим количеством милицейских патрулей и вооруженной охраны на улицах стало больше порядка³⁸. В то же время, наблюдая за людьми в очередях и общественном транспорте, он пишет о том, с какой охотой подхватывают и распространяют распускаемые отдельными лицами ложные сведения³⁹.

С 21 по 23 октября город подвергся массированному налету вражеской авиации. Бомбардировки были довольно сильными и наделали множество разрушений в районе улиц Пятницкой, Тверской, Солянки, на Пресне, у площади Свердлова и Курского вокзала⁴⁰. К этому же времени относится и создание первых баррикад в Москве (поперек Малой и Большой Калужских улиц)⁴¹.

25 октября 1941 г. Миллер пишет:

По Институту дан приказ: приготовиться к эвакуации на понедельник 27. Я видел штатный список сотрудников, остающихся в Москве, куда включен и я, как «старший сотрудник для составления московской летописи». <...>

По радио передавали распоряжение Пронина о мобилизации всех женщин с 16 до 40 лет и мужчин с 15 до 50 лет.

Москвичи теперь говорят: «Самое спокойное время, когда объявляют тревогу»⁴².

Здесь уместно сослаться на свидетельство другого очевидца тех дней – археолога М.Г. Рабиновича⁴³, преданного ученика и соратника П.Н. Миллера. В его воспоминаниях читаем:

Первые недели после октябрьских событий не знали даже, кто же остался в городе. Каждую минуту, которую удавалось вырвать, употребляли на розыски. <...> Нет никого, и где – неизвестно. И совсем другое – огромная, как казалось, комната в бревенчатом доме. На столе, на этажерке, на диване, на полу – повсюду газеты, журналы. Петр Николаевич Миллер в шапочке, прикрывающей лысину, в

перчатках с обрезанными, как у кондукторов в трамваях, пальцами, занят вырезками. Тут же на керосинке что-то варится. Наскоро поздоровавшись, помешав походя варево, Петр Николаевич торопится снова сесть за свои вырезки, за свои записи.

– Как вы не понимаете! Это чрезвычайно важно! Записывайте! Записывайте все, что видите, что слышите, что узнаете: и что радио передало, и что почем на рынке, если, конечно, вообще что-нибудь есть! И не забудьте записать про двойные выдачи денег и продуктов, и как по корешкам получали. И принесете мне. Так и делается летопись войны! <...>

Я предполагал, что он в Москве, не уехал: жена его была в больнице. Но с семидесятитрехлетним человеком в такие дни могло случиться что-нибудь похуже. И вот – изволите видеть, Пимен-летописец!⁴⁴

Невзирая на осадное положение, горожане активно ходят по магазинам, посещают бани и кинотеатры. Однако война напоминает о себе не только воздушными тревогами, бомбардировками и сводками Советского информбюро. Московская табачная фабрика «Дукат» начинает выпускать папиросы «В атаку» с соответствующим художественным оформлением коробки. Параллельно кировская спичечная фабрика «Красная звезда» налаживает производство спичек, на этикетках которых значится: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»⁴⁵

Замоскворечье и валы Садового кольца покрываются баррикадами⁴⁶. Немецкая авиация периодически прорывается к Москве, нанося ущерб зданиям, калеча и убивая людей. Миллер неустанно, с многочисленными подробностями описывает разрушения и повреждения, не забывая о бытовой стороне городской жизни. Говоря о первых признаках инфляции, он отмечает: «...молоко на рынке 5 р. кружка (½ литра), в магазинах дают только на детские [карточки. – С. У.]. Толпа на улице та же, те же очереди, и за вином, кажется, больше всего – там тучи»⁴⁷.

Дневниковые записи помогают не только адекватно ориентироваться в исторической ситуации, но и позволяют составить представление о личности автора, раскрывают его человеческую сущность. В заметках Миллера есть несколько эпизодов, характеризующих его отношение к окружающей действительности. В качестве примера такого рода можно привести фрагмент дневниковой записи, датированной 6 ноября 1941 г.:

Московская обывательщина мерзка, как всегда была. В очереди какая-то женщина говорила, что пускай уже скорее немец придет, а то ничего нет. Продавец в мясной, который, говоря цену, сказал: «Четыре

рубля цванцих копекен», – все это либо бессознательные дураки, либо неловкие агенты гитлеровщины. А сдать их куда следует нет возможности, т. к. только слушает, а милиционера поблизости нет. И это тем более мерзко, что заявление, что ничего нет, – не верно. Почему, например, у меня все есть? Я никогда не делал и не делаю запасов, не покупаю на рынке, но и хлеб, и картофель, и сахар, и соль, и пр. – все это есть и добыто в наших же магазинах и в последние дни⁴⁸.

7 ноября 1941 г. на Красной площади состоялся военный парад с участием И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова. Об исключительном пропагандистском значении этого акта позднее говорили не раз. Однако и современники отмечали его важность. «Не могу передать, какое такие события вносят успокоение и решимость в душу человека!»⁴⁹, – фиксирует в дневнике Миллер.

А 8 ноября в Москве ввели карточки на картофель, причем количество выдаваемого по ним продукта варьировалось. Так, например, П.Н. Миллер по своей карточке получал 5 кило в месяц, а его супруга – 4 кило⁵⁰.

Ситуация с продовольствием в городе оставалась напряженной. Из заметки за 8 ноября 1941 г.:

Буханка черного хлеба на рынке стоит 40 р. Вар. Вас. по карточке принесла мне 100 гр. сахару (ижев. не дают) и 200 гр. конфет и прекрасный боярский хлеб – 1 р. 40 коп. Продажа товаров по коммерч. ценам прекращена несколько дней.

6-го под Москвой было сбито 34 нем. самолета. Видимо, хотели сорвать торжественное заседание⁵¹.

Миллер отмечает, что население постепенно перестает обращать внимание на воздушные тревоги («У нас в доме уже никто не ходит в “убежище”, а сегодня Юра спокойнейшим образом разгрывал довольно долго на пьянино»⁵²).

11 ноября 1941 г.:

На станциях метро торговлю не прекращают... только одной газированной с сиропом водой, и очередь человек по 10–15 стоит и утром, и днем. Улица начинает напоминать 18 год: все с авоськами, а в них капуста, картошка, морковь и т. п. (все что-то ташут). Зашел в магазин на углу ул. Маркса и Энгельса. На вывеске «Гастрономия и вина», а торгуют только стандартным хлебом и магазин битком набит. Улицы пестрят объявлениями о кино, и все старые картины. <...> Говорили, что из аптек исчезли все эндокринные препараты, т. к. они на спирте, их пьют – вина нет в продаже⁵³.

Ценность бумаг Миллера, помимо прочего, заключается в том, что содержащаяся в них информация в значительной степени опирается на факты из неофициальных источников. Вряд ли в прессе и по радио освещалось о бедственном положении колхозов или рассказывалось о том, что «эвакуированные рабочие голодают, что выдают всего 400 гр. хлеба, а достать негде и не на что, что многие возвращаются»⁵⁴.

Составление «Летописи» на институтском уровне до поры ограничивалось подготовительными работами. 13 ноября 1941 г. Миллер беседовал с определенным в летописную группу Н.Г. Бережковым⁵⁵, и тот известил Петра Николаевича, что разработал инструкцию для предполагаемых помощников – составителей. А спустя пару дней в газете «Московский большевик» появилась заметка о «Московской летописи». Миллер прореагировал на нее так: «И заголовок, и содержание показывают, что человек что-то слышал, но доподлинно не знает. <...> В общем, конечно, это не важно; гораздо важнее, что она появилась в печати. Это первая заметка о Моск. летописи, которую составляет Институт истории»⁵⁶.

17 ноября Миллер отметил в дневнике, что большой материал о «Летописи» появился также в «Вечерней Москве» (№ 271)⁵⁷. Статья не прошла незамеченной. Уже на следующий день Петру Николаевичу позвонил Л.И. Жирков из Института мировой литературы (ИМЛИ) и сообщил, что оставшиеся в Москве сотрудники очень заинтересовались методом ведения летописных записей. Инициативу Миллера работники ИМЛИ готовы были поддержать сбором сведений из получаемой институтом общесоюзной прессы⁵⁸.

Не осталась в стороне и районная милиция, отрядившая для помощи в составлении «Летописи» своего представителя⁵⁹. Руководство Института истории готовило серию обращений редакции журналов «Смена» и «Огонек», в «Военно-исторический журнал» и другие профильные периодические издания с целью проинформировать читателей о готовящейся работе⁶⁰. А куда решались организационные вопросы, П.Н. Миллер продолжал трудиться над сбором фактов и наблюдений.

21 ноября 1941 г.:

При входе в метро «Сокольники» у мужчин проверяли документы, у женщин – нет. В трамвае, в метро, на улицах только и разговоров, что о постном масле. Все дамы непременно говорят о нем. Дело в том, что второй очереди сливочное выдают только на рабочие карточки. На улице немало ручных санок под дрова, под продовольствие⁶¹. <...>

Шура [сосед Миллера. – С. У.] ездил с утра за Москву за капустой и поехал с деньгами, а надо было ехать с буханкой хлеба. За одну буханку дают МЕШОК (большой) капусты, а за деньги ни одного кочна. Начинается метод, практиковавшийся в 1918 году: так оно соответственно и должно быть! Это неизбежно⁶².

В дневниковых записях Миллера содержится множество интереснейших подробностей, касающихся практически всех сторон московского быта военной поры. Наблюдая за происходящим с позиции историка-очевидца, он рисует довольно живые картины, не скупясь на детали.

22 ноября 1941 г.:

Была В.В. Их из каменного дома с центр. отоплением переселяют в деревянные дома (так же как и других), в связи с консервированием по топливу таких домов ввиду недостатка угля. Принесла лук с рынка (7 руб. – ½ кило); молоко на рынке – 7 р. кружка, мясо – 70 р., коробка спичек – 5 р., а «Вечерку» (вчер.) она купила у мальчишки за 20 коп. М.М. на Пречистенке у мальчишки купила спички по 3 р. за коробку. За 2 куса простого мыла одна женщина предложила 3 коробки папирос (по 65 коп.)⁶³.

Прифронтовая действительность ежедневно преподносит сюрпризы, зачастую весьма неприятные. Из дневника Миллера мы узнаем, что квалифицированных рабочих, не пожелавших эвакуироваться вместе со своими предприятиями, в срочном порядке (сутки на сборы) заставляют выехать к новому месту расположения завода⁶⁴.

29 ноября 1941 г.:

Вечером, около 10 объявили по радио, что будет передача последних известий, чего давным-давно не было. Передавали сводку Информбюро о наших успехах на Ростовском фронте, а несколько позже о разгроме крупных частей фашистов там же, о благодарности Сталина Тимошенко, Черевичному и др. «Ура» кричать еще рано, но такие вести дают подъем, уверенность, что мы непременно победим⁶⁵.

В эти дни создается так называемый трудовой фронт. Рабочих с предприятий и заводов мобилизуют на рытье окопов и т. д.⁶⁶

11 декабря 1941 г. П.Н. Миллер отмечает, что московское население избавилось от противогозлов – до поры неизменных атрибутов городской жизни, которые сохранились только у постовых

милиционеров. По предположению автора дневника, это связано с окончанием строительства газозубежищ в метро⁶⁷.

17 декабря 1941 г. в больнице скончалась от пневмонии супруга Петра Николаевича Ольга Владимировна Миллер. На это печальное событие историк отреагировал спокойно: внутренне он был готов к такому повороту событий. Занимаясь решением вопросов с захоронением, Миллер попутно фиксирует в дневнике: «...с погребенными сейчас трудно. М.Н. рассказывала, что Е.Н. (домоуправление) пришлось рабочим заплатить 50 рублей и $\frac{1}{8}$ табаку, чтобы те вырыли отдельную могилу для ее дочери, а то обычно роют общие на 20 покойников (на Преображенском кладбище), т. к. рабочие отказывают копать отдельные для каждого»⁶⁸.

Тема административного произвола также находит отражение в записях историка. Миллер, не скрывая возмущения, повествует о варварских действиях сотрудников некоего учреждения, самовольно захвативших опустевший после эвакуации детский дом в Еропкинском переулке, 3. Новые «хозяева» учинили в здании форменный разгром, в результате чего были

испорчены водопровод, отопление, канализация, разбита вся посуда, перебиты окна, в котлах кухни остались щи и каша. Оставшиеся в Москве педагоги были приглашены в ноябре РОНО на ликвидацию разгрома, и в качестве дворников и сторожей, истопников за 150 р. в месяц до сих пор продолжают эту уборку, причем им обещано, что они будут восстановлены как педагоги.

Что-то очень сумбурное рассказывают и о поведении сотрудников милиции, занявших первый этаж Театрального музея им. Бахрушина, перед вселением которых было приказано очистить помещение, выбросить макеты и т. п.⁶⁹

31 декабря 1941 г. состоялось рабочее заседание по «Московской летописи». Курировавший работу группы составителей И.И. Минц⁷⁰ огласил список предложенных тем, скорректированный в ходе совещания. В дневнике Миллер разъясняет суть дела так:

Будущий метод должен заключаться в том, что каждый сотрудник получает тему и будет ее прорабатывать по всем источникам. Зайцева будет секретарем. Я намечен на заведование карточками, т. е. сборанием составленных сотрудниками карточек по одному образцу, причем и наблюдением за сроками, и количеством выполненной работы, и сам получаю тему – 2-ю. От чтения и отметки всех газет и

вообще от той работы, которую я сейчас провожу, я освобождаюсь, как от совершенно непосильной для одного человека.

Пока, до полной реорганизации, работа должна производиться по-прежнему⁷¹.

Скромно встретив новый 1942 год, Петр Николаевич продолжил заносить в дневник наблюдаемые им подробности из жизни москвичей. По свидетельству историка, в те январские дни в столице возникли перебои с поступлением картофеля. Многие, не дожидаясь его появления на рынках, брали деньги, мешки и ехали за город выторговывать картошку у колхозников и на складах – у заготовителей⁷².

В местах продажи газированной воды на станциях метрополитена периодически возникали большие очереди за сиропом. Оказалось, что дома многие москвичи варят кисель⁷³.

11 января 1942 г.:

В трамвай вошла старушка с двумя полными бидонами и рассказала, что достала без помех квас, который она пьет вместо чаю: «Налью, сколько надо, согрею, и получается и сладко, и кисленько – сахару-то нет! Вот им и согреваюсь». Ее поддержала какая-то женщина, сказав, что и она так же делает и что квас продают хороший. Выходит, что такая замена входит в обычай. <...> Цены на рынке все растут: картошка 15, морковь 12 р., лук 35 р., молоко 15 р. и т. д., капуста кваш. 22 р. Клавдия по карточкам принесла картошку по 1 р. 50 к., сливочное масло 25 р.⁷⁴

С 15 января 1942 г. урезали норму выдачи хлеба по карточкам 500 гр. вместо прежних 600 гр.⁷⁵

Тем временем идея Миллера о «Летописи» начала воплощаться на новом уровне. 20 января рабочую группу принял И.И. Минц. Он сообщил, что

получил из Президиума АН проект положения о новом Институте истории Отеч. войны, но ему не хочется сейчас с этим возиться, пройдет несколько месяцев на организацию и он ждет решения комиссии при ЦК партии по этому вопросу, а пока будет создана группа по Летописи (СССР), куда, как основная, пока войдет и Московская летопись. <...> Каждый сотрудник волен либо войти в группу сотрудником, либо оставаться в своем Ин-те и быть прикомандированным к Минцевской группе (33 чел.)⁷⁶.

Фиксируя разнообразные городские подробности, Миллер 25 января описывает в дневнике способ борьбы со спекулянтами в Москве: продавца тесно обступают со всех сторон и не допускают к нему покупателей до тех пор, покуда не сбавит цену на 10–12 руб.⁷⁷

В тот же день, оценивая собственную деятельность последнего периода, Петр Николаевич приходит к следующей мысли:

По-моему, мне пора умирать: мною сделано два больших дела: высидел и настоял на Летописи, из чего может выйти целый самостоятельный Ин-т истории Отеч. войны Акад. наук СССР, и, можно сказать, возродил деятельность Музея истории города Москвы. Это очень много и очень хорошо⁷⁸.

Зима 1942 года выдалась крайне холодной. Морозы в Москве порой достигали минус 41°. А ситуация с отоплением, между тем, была чрезвычайной. Людям с трудом удавалось достать дрова, на которые были введены талоны. Сообщение об этом находим у Миллера. Из записи за 29 января:

Пошел к М.Н. Тих-вой и заявил, что завтра иду в Домоуправление и, если они не доставят мне дров 2-й очереди, – подам заявление в Моссовет, и предложил ей присоединиться, на что она ответила, что у нее есть талон на 2 ½ метра, которые ей по знакомству дал какой-то управдом. Вот и объяснение всего. Вот почему у нас нет талонов, вот почему не хватает. Вероятно, тоже розданы по знакомству. Все же я завтра иду в Домоуправление⁷⁹.

31 января, с подачи И.И. Минца, к делу составления Летописи подключились военные. Группа из девяти бойцов и командиров должна была трудиться над сбором сведений в архиве Главного управления политической пропаганды Красной армии. Практические наставления перед работой им давал Миллер⁸⁰.

Невзирая на ощутимые подвижки в этом направлении, Петра Николаевича изрядно смущало расхождение взглядов (его и Минца) в отношении сути, задач и проблематики «Летописи». 2 февраля 1942 г. Миллер отметил в дневнике:

В ½ 1-го вызвал Исаак Израилевич... Стал говорить о задачах Летописи. Он ее называет «Оборона Москвы», упирая гл. образом на военное значение, я же продолжаю отстаивать жизнь города Москвы, как равнозначную тему. Опять назвал нашу работу по Летописи кустарной, но при этом сказал, что ее нужно расширить и углубить и обратиться

к более непосредственным источникам, а газеты иметь как подсобный материал⁸¹.

Нехватка топлива в городе сказывалась на работе общественных учреждений. По этой причине закрывались бани и прачечные⁸², с перебоями функционировали столовые и рестораны⁸³. В практику постепенно входит поджог домов, оставленных жильцами, с целью растаскивания бревен на топку⁸⁴. Летописец Москвы Миллер по-прежнему своевременно фиксирует происходящие вокруг перемены. Из дневниковой заметки за 11 февраля 1942 г.:

Метро давно уже оборудовано герметическими дверями, все бомбоубежища переделываются на газобомбоубежища, на рынках и др. общественных местах, где были бомбоубежища, появились кирпичные высокие вытяжные трубы. Много их понаделали и у домов; напр., в Б. Харитоньевском они стоят на тротуарах (из подвалов) почти у каждого дома, а ящики с песком убраны. По радио уже несколько дней напоминают о светомаскировке и противогазовой обороне, и о противогасах (о последних все забыли и их ни у кого на улицах не видно)⁸⁵.

С середины февраля 1942 г. в городе начинаются плановые отключения электричества по районам – на 12–15 дней, о чем население извещали заранее⁸⁶.

24-ю годовщину создания Красной армии (23 февраля) Москва встретила красными флагами. Однако, по наблюдению Миллера, людьми в этот день больше владело разочарование. По радио, вопреки всеобщим ожиданиям, не сообщили о новых победах советских войск на фронтах Великой Отечественной⁸⁷.

В записи за 1 марта 1942 г. Миллер отмечает, что «колхозники Подмосковья стали вывешивать и прибивать к дверям своих изб записки: “Не меняю и не продаю”, т. к. ежедневно, в особенности в праздники, их осаждают приезжающие из Москвы. Симптом! Деревня переполнена всем, что ей нужно. Но и это выправится»⁸⁸.

Периодические налеты немецкой авиации на Москву влекут за собой новые разрушения. По мере уточнения сведений Миллер отображает их в дневнике. В то же время на границах города формируются заставы. Здесь несут патрулирование специальные подразделения, осуществляющие проверку документов и не пропускающие никого за границу муниципальной черты без разрешений⁸⁹.

В марте 1942 г. состояние здоровья П.Н. Миллера ухудшается. Физическая слабость с каждым днем чувствуется все острее: сказываются напряженный график работы над «Летописью», недостаток

пищи и витаминов. В Институте истории его освобождают на неделю от постоянного служебного присутствия, и вплоть до 23 марта Миллер находится дома, где продолжает работу над выписками и вырезками из газет, а также занимается другими делами⁹⁰.

16 марта 1942 г.:

Набрался слухов: ленинградцы называют москвичей «курортниками». Невский проспект сплошь разбит дальнебойными и авиацией. В последнюю бомбежку Москвы участвовало 400 (четыреста) самолетов. Метили в электростанции, но без результатов. Жертв оказалось все-таки много – 1000⁹¹.

В записи за 17 марта Миллер отмечает, что рынки, после распоряжения Моссовета от 16 марта 1942 г. о прикреплении их к районам города, пустуют. И только молочницы, которых не побавилось, норовят обменять молоко на хлеб, но при появлении милицейских патрулей продают товар за деньги⁹².

Цены на Преображенском рынке: молоко (кружка) – 20 р., связка белых грибов (штук 15) – 65 руб., лук репчатый – 1 р. луковица мороженная (3–4 см.), редька на Арбатском рынке – 30–35 руб. (штука? кило?) и колоссальные за ней очереди⁹³.

18 марта 1942 г. умер известный историк и педагог И.И. Шитц, давний знакомый П.Н. Миллера. По договоренности с родственниками Петр Николаевич побывал на квартире покойного для разбора его материалов.

При осмотре ящиков нашли квитанцию и дневную запись с 13 дек. по 16 марта (умер 18.III.), которая содержит в себе много материала по военным действиям на советском фронте, в Ливии... но попадаетея московская бытовая хроника и в каждом дне отмечена температура и погода.

По первым записям видно, что дневник содержателен и интересен <...> Тетрадь с дневными записями мне отдали сейчас же⁹⁴.

К 26 марта начала стабилизироваться ситуация с доставкой картофеля в Москву. Различные учреждения, по сообщению Миллера, стали отряжать специальные бригады на поездку за картошкой за город. «Лед тронулся, дороги свободны, ввоз, очевидно, разрешен»⁹⁵.

А спустя пару дней Миллер с удовлетворением отметил, что в деле создания «Летописи» наметились сдвиги: активизировались все, кто был ориентирован Институтом истории на эту работу⁹⁶.

В ночь с 4 на 5 апреля (на Пасху) по ходатайству жителей столицы властями города было дано официальное разрешение на хождение в ночное время по улицам⁹⁷.

Из рассказа знакомой Миллер узнает, что многие москвички ходят на фабрику, где производится обработка американских кокосовых орехов для последующего изготовления из них масла. Ореховая кора, идущая в отход, сваливается во дворе. Там ее подбирают жительницы города, чтобы выварить из кожуры масло, а то и употребить в пищу⁹⁸.

В канун майских праздников происходит оживление на московских рынках и в продовольственных магазинах. Миллер отмечает, что ликвидируются задолженности по мартовским карточкам, недостатка в провизии нет. Ассортимент выдаваемых продуктов широк. Изголодавшееся население выстраивается в огромные очереди, особенно много желающих стоит за спиртным⁹⁹.

На улицах Москвы появляются сатураторы – аппараты с газированной водой, возле которых незамедлительно образуются очереди за сиропом¹⁰⁰. Параллельно идет разборка заповонивших улицы города баррикад, в чем многие (за исключением потенциальных паникеров) усматривают добрый знак¹⁰¹.

14 мая 1942 г. П.Н. Миллер почувствовал себя настолько скверно, что не пошел на работу. Вызванный врач обнаружила у него колит, предписала строгую диету и пребывание дома до значительного улучшения самочувствия¹⁰².

Однако Петр Николаевич по-прежнему бодр духом и полон жажды действия: «Я еще могу работать, и мне хочется умереть на работе, в Летописи, а не выброшенным за борт ненужным мусором!»¹⁰³

Продолжая внимательно наблюдать за столичной жизнью, историк отмечает появление на улицах и в общественном транспорте людей с лопатами, лейками и другим садовым инвентарем, выезжающих на индивидуальные и коллективные огороды¹⁰⁴.

6 июня 1942 г. исполнилось 143 года со дня рождения А.С. Пушкина. Благоговевший перед наследием великого поэта, Миллер был немало озадачен тем, что средства массовой информации не проявили должного внимания к этой дате.

Как почти каждый год, сколько помню, Пушкинский день в Москве (род. 143 года назад) всегда холодный и дождливый, как и сегодня.

Ни одна моск. центр. газета день этот не отметила. В Москве был концерт, о чем передавали по радио; Ольга [сестра. – С. У.] слушала эту передачу. Мы с Е.И. Смирновой, зашедшей ко мне, вспоминали этот день...¹⁰⁵

На протяжении последующего месяца записи в дневнике Миллера утрачивают систематичность и появляются от случая к случаю. Он зорко подмечает распространившуюся среди москвичей тенденцию вступать целыми семьями в доноры крови («платят, дают рабочие карточки, хорошую столовую»¹⁰⁶), с грустью фиксирует весть о падении Севастополя и стабильно ведет учет ценам на рынке¹⁰⁷.

6 июля 1942 г.: «Бережкову отдал 2 замечания. Он, по-видимому, совсем отказывается от Летописи. Т. о. остался от Института я один. Но я выдержу: это мое детище и я должен его отстоять, по крайней мере для Москвы»¹⁰⁸.

Вторая половина июля 1942 г. ознаменовалась для Москвы резким повышением цен на продукты, табачные изделия и ростом тарифов за проезд в общественном транспорте¹⁰⁹.

А уже со следующего месяца столица начала готовиться к предстоящим холодам. Формировались специальные бригады, командированные на заготовку дров. По сведениям Миллера, со 2 августа 1942 г. Москва отрядила для этой цели около 80 тыс. человек¹¹⁰. «Им выдали сухой паек, снабдили обувью на дерев. подошве; вообще, обставляют по-курортному. С каким удовольствием я бы поехал на эту работу или на уборку вообще! Но...»¹¹¹

Характерный штрих: население, привыкнув к воздушным тревогам, перестало на них обращать внимание вовсе («мальчишки продолжали играть в войну, граждане продолжали ходить по перекрестку, во дворах ставили самовары, пилили, развешивали белье и т. п.»¹¹²).

18 сентября 1942 г. в связи с резким ухудшением самочувствия П.Н. Миллер ложится в Соколовскую больницу¹¹³. Там он продолжает вести записи, в основном отражающие распорядок дня, меню в столовой, визиты знакомых и родственников. Рядом с датой обязательно фиксируются данные о температуре тела и собственном весе. При этом не забывает историк и о ежедневной норме написания карточек для «Московской летописи».

Надо сказать, что заметки в больничном дневнике Миллера после 1 ноября 1942 г. разбирать довольно сложно (а местами и вовсе невозможно). 16 ноября 1942 г. историк был выписан из больницы. Последняя запись, сделанная его рукой, датирована 9 января 1943 г.: «Всю сумму моих сбережений с причитающимися за 3 года процентами прошу передать на строительство авиасоединения»¹¹⁴.

7 февраля 1943 г. Ольга Николаевна Ауэ (родная сестра П.Н. Миллера) направляет П.В. Сытину¹¹⁵ в г. Тетюши Татарской АССР письмо следующего содержания:

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Ваша открытка от 13/1 пришла после смерти Петра Николаевича. Он скончался 22 января утром без агонии и особенных страданий; даже доктор находил, что нога лучше и даже сердце работало прилично. 27-го на квартире было траурное заседание от Академии наук, 29-го января была кремация, похороны будут, вероятно, на кладбище Новодевичьего мон-ря. Библиотеку, архив и портреты увезли в Музей реконструкции г. Москвы.

В последний вечер Петр Николаевич работал, как обычно, читал газеты, делал отметки и вырезки.

10 февр. будет траурное заседание в Кассе взаимопомощи персональных пенсионеров в Мерзляковском пер., д. 22. Пишет Вам сестра его О. Ауэ»¹¹⁶.

П.Н. Миллер был похоронен на Новодевичьем кладбище (участок 2, ряд 34, место 4) рядом с могилой другого известного историка-москововеда Н.П. Чулкова (1870–1940).

И хотя инициированная Миллером работа по составлению «Летописи Москвы в Отечественную войну» не получила того развития, на которое рассчитывал историк, важность ее понималась коллегами Петра Николаевича. В заключение хотелось бы привести емкую характеристику, данную П.Н. Миллеру видным исследователем отечественного летописания Н.Г. Бережковым:

Что именно Петр Николаевич возглавил большое предпринятое тогда дело, – иначе не могло быть. Его любовь к Москве в ее прошлом и настоящем, его знания, его беззаветный, заражающий окружающих научный и трудовой энтузиазм, его организаторские дарования, вся его натура ученого-общественника, его предшествующая деятельность, в частности на посту ученого секретаря группы по истории Москвы, его авторитет и исключительная популярность в кругах московской научной общественности <...> Конечно, организатором и руководителем дела мог стать и должен был стать только он¹¹⁷.

Впрочем, собственные дневники П.Н. Миллера имеют полное право называться хроникой московской жизни в период 1941–1942 гг. Это крайне информативный и самодостаточный материал, проливающий свет на многие детали городского быта военных лет.

- ¹ Подробнее о нем см.: *Рабинович М.Г.* П.Н. Миллер и археология Москвы // *Материалы и исследования по археологии СССР: Сб. Т. 2. № 12; Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л., 1949; Он же.* Неутомимый москвовед // *Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сборник / Сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. Вып. 2. М., 1995. С. 100–113; Шмидт С.О.* Послесловие // Там же. С. 116–119; *Козлов В.Ф.* «Старая Москва» на защите московских древностей (1920–1930) // *Московский архив: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. М., 2002. С. 334–362; Уваров С.А.* Петр Николаевич Миллер – знаток и исследователь Пушкинской Москвы // *Первые Всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.).* Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта. М., 2009. С. 289–293.
- ² Сравнительному анализу фондов П.Н. Миллера в ОПИ ГИМ и ОДПИ МИГМ посвящен материал С.А. Уварова «Документы москвовед П.Н. Миллера в музеях столицы» (*Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 55–61*).
- ³ См.: *Уваров С.А.* Комиссия по истории Москвы (1939–1941): Хроника деятельности // *Археографический ежегодник за 2001. М., 2002. С. 366–375.*
- ⁴ МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 17.
- ⁵ Там же. Л. 32.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Из дневника ученого секретаря Комиссии по изучению истории Москвы П.Н. Миллера. 1 ноября – 4 декабря 1941 г. // *Москва прифронтовая. 1941–1942: [Сборник]. М., 2001.*
- ⁸ МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 33.
- ⁹ Там же. Л. 35.
- ¹⁰ Там же. Л. 37.
- ¹¹ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – историк, педагог, организатор науки, профессор (1940).
- ¹² Иванов Владимир Николаевич (1905–1991) – искусствовед, музейный деятель, ученый секретарь Музея Академии строительства и архитектуры СССР.
- ¹³ Там же. Л. 40.
- ¹⁴ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – историк, москвовед, член-корреспондент Академии наук СССР (1939), академик Академии педагогических наук РСФСР (1945).
- ¹⁵ Бакланова Наталия Аполлинариевна (1891–1977) – историк, доктор исторических наук (1964), исследователь быта, культуры, общественной мысли и литературы России XVII–XVIII вв. В 1941–1949 гг. – заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы Академии наук СССР.

- 16 МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 42.
- 17 Там же.
- 18 Там же. Л. 47.
- 19 Там же. Л. 51–52.
- 20 Там же. Л. 61–62.
- 21 Там же.
- 22 Леваневский Сигизмунд Александрович (1902–1937) – летчик, один из первых семи Героев Советского Союза (1934). В 1934 г. участвовал в спасении челюскинцев. Погиб при перелете из Москвы в США через Северный полюс.
- 23 МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 76.
- 24 Там же. Л. 77.
- 25 Там же. Л. 77–78.
- 26 Там же. Л. 79.
- 27 Там же. Л. 85–86.
- 28 Там же. Л. 96.
- 29 Там же. Л. 97.
- 30 Там же. Л. 98.
- 31 Там же. Л. 106.
- 32 Там же. Л. 107.
- 33 Там же. Л. 109.
- 34 Там же. Л. 124.
- 35 Пронин Василий Прохорович (1905–1993) – политический и государственный деятель. В 1940–1944 гг. – председатель исполкома Моссовета.
- 36 МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 126–127.
- 37 Там же. Л. 131.
- 38 Там же. Л. 134.
- 39 Там же. Л. 135.
- 40 Там же. Л. 135–137.
- 41 Там же. Л. 138.
- 42 Там же. Л. 140а.
- 43 Рабинович Михаил Григорьевич (1916–2000) – историк, этнограф, археолог, исследователь Москвы, писатель-мемуарист, доктор исторических наук (1964).
- 44 *Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 181–182.
- 45 МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 140б.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Л. 148.
- 48 Там же. Л. 158.

- 49 Там же. Л. 160.
- 50 Там же. Л. 162.
- 51 Там же. Л. 162–163.
- 52 Там же. Л. 167.
- 53 Там же. Л. 168–169.
- 54 Там же. Л. 171.
- 55 Бережков Николай Георгиевич (1886–1956) – историк, археограф, исследователь хронологии русского летописания.
- 56 МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 3–6). НВФ. Л. 176.
- 57 Там же. Л. 180.
- 58 Там же. Л. 183.
- 59 Там же. Л. 189.
- 60 Там же.
- 61 Там же. Л. 188.
- 62 Там же. Л. 190.
- 63 Там же. Л. 193.
- 64 Там же. Л. 202.
- 65 Там же. Д. 11. Л. 3.
- 66 Там же. Л. 9.
- 67 Там же. Л. 17.
- 68 Там же. Л. 30об.
- 69 Там же. Л. 37.
- 70 Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – историк, академик Академии наук СССР (1946), Герой Социалистического Труда (1976). С 1941 по 1949 г. – заведующий кафедрой истории народов СССР в МГУ.
- 71 МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетради № 8–10). НВФ. Л. 9–10.
- 72 Там же. Л. 19.
- 73 Там же. Л. 21–22.
- 74 Там же. Л. 28.
- 75 Там же. Л. 35.
- 76 Там же. Л. 45–46.
- 77 Там же. Л. 54.
- 78 Там же.
- 79 Там же. Л. 61.
- 80 Там же. Л. 64.
- 81 Там же. Л. 67.
- 82 Там же. Л. 73.
- 83 Там же. Л. 83.
- 84 Там же. Л. 87.
- 85 Там же. Л. 84.

- ⁸⁶ Там же. Л. 92.
- ⁸⁷ Там же. Л. 103–104.
- ⁸⁸ Там же. Л. 115.
- ⁸⁹ Там же. Л. 125.
- ⁹⁰ См.: МИГМ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П.Н. Миллера (тетрадь № 10). НВФ. Л. 6.
- ⁹¹ Там же. Л. 7.
- ⁹² Там же. Л. 8.
- ⁹³ Там же. Л. 8–9.
- ⁹⁴ Там же. Л. 12–13.
- ⁹⁵ Там же. Л. 26.
- ⁹⁶ Там же. Л. 32.
- ⁹⁷ МИГМ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.
- ⁹⁸ Там же. Л. 8.
- ⁹⁹ Там же. Л. 23об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 42об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 43об.
- ¹⁰² Там же. Л. 44.
- ¹⁰³ Там же. Л. 46.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 46об.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 22об.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 44.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 17. Л. 7–7об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 9об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 13–20об.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 38.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. Д. 18. Л. 19.
- ¹¹³ Там же. Л. 29–30об.
- ¹¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 177. Л. 29.
- ¹¹⁵ Сытин Петр Васильевич (1885–1968) – историк-москвовед, общественный и музейный деятель, доктор исторических наук (1954).
- ¹¹⁶ МИГМ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 743. Л. 1.
- ¹¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 373. К. 32. Ед. хр. 7: «О Петре Николаевиче Миллере» (рукопись). Л. 8–9.

Abstracts

M.V. Artyushenko

DAILY LIFE OF DONSKOI MONASTERY IN THE PERIOD OF ARCHIMANDRITE THEOPHANES' LEADERSHIP. 1832–1850

Daily life of Moscow Donskoy Monastery during 1830s – 1840s is analyzed in the article. Inhabitants' hierarchical, social, class and educational memberships are considered. Monastic divine service, church choir and monastic meals are analyzed. Particular attention is paid to archimandrite Theophanes' role in supervising of Donskoy Monastery.

Keywords: Donskoy Monastery, archimandrite Theophanes, church choir, Donskoy Ecclesiastical School, monastic community, monastic works, monastic meals.

N.M. Brusilovskiy

FROM THE HISTORY OF MOSCOW DOMESTIC CHURCHES IN XVIII CENTURY: LEGISLATION AND ITS PRACTICAL APPLICATION (BY THE EXAMPLES OF DOMESTIC CHURCHES OF PRINCES VYAZEMSKIY AND MESHCHERSKIY)

The article investigates the issue of changing the position of Moscow domestic churches in the XVIII century. It examines the new legislation and its impact on the character of domestic churches in comparison with the previous era. The usage of archival files from the Moscow Theological Consistory Fund allowed the author to demonstrate the realisation of the new laws on the example of churches in the houses of princes Vyazemsky and Meshchersky.

Keywords: domestic church, orders, requests, Metropolitan Platon, Peter I, establishment of churches, abolition of the churches.

E.L. Chernova

ON THE WAY TO THE I RENOVATIONIST COUNCIL IN 1923: SUBMISSION PROCESS OF MOSCOW PARISHES

The article considers the ways to achieve submission of Moscow clergy and parishioners to the group of “Renovationist” clergy and the formation process of parishes control system since the moment of usurpation the power by “progressive” clergy in may 1922 till the organization of the I Renovationist Council in 1923. This analysis of the documents of Moscow diocesan administration and periodicals of this movement helped the author to trace preparation methods of Moscow parishes for the Council in 1923.

Keywords: Moscow parishes, Moscow diocesan administration, the I Renovationist Council in 1923, church schism of the XX century, the Moscow renovationist movement.

M.V. Dobrenkaya

“STALIN’S SKYSCRAPERS” ON PHOTOS: CONSTRUCTION AND EXISTENCE IN THE LIGHT OF IDEOLIGY

This article is based on the analysis of photographic collections from the Central Archive for Records on Electronic Media of Moscow and Russian State Archive of Documentary Films and Photographs. It deals with the main features of the visualization of sky-scraper buildings, shows the incorporation of the buildings into the general propaganda image of Moscow. Information, derived from the photo documents, is interpreted in relation with propaganda messages of the state power. Those messages directly connect the idea of erecting skyscrapers with the idea of contagion of patriotic moods and that of a special role Moscow plays in the World history.

Keywords: Stalin’s skyscrapers, late Stalinism, image of Moscow, ideology, photo document.

A.V. Efimov

THE CRIMEAN CHRISTIAN POPULATION OF 1630s ACCORDING TO THE OTTOMAN SOURCES

The author analyzes the Ottoman sources on the Crimean history in the First half of the XVII century. The sources present a detailed picture of the mass migration of the Crimean Christians from the

Ottoman possessions in the peninsula to the villages of the Crimean Khanate.

Keywords: Ottoman possessions in the Crimea, migration, tax dzhizye, Dominican mission.

E.G. Istomina

THE CASPIAN SEA IN THE GEO-ECONOMIC
AND POLITICAL SPACE OF RUSSIAN REGIONAL
PROCESSES IN XIX–XX CENTURIES

The article considers the Caspian Sea as a natural contact zone forming social and economic space. This space is formed by free movement (maritime navigation) of goods, capital, labor and information, that have a particular impact on the regionalization of the territory. Separate parts of the Caspian Sea coast during the XIX century belonged not only to Russia. But the process of creating world economical links (first of all with Persia), transformation of number of small cargo turnover marinas and harbors to large transport distributive nodes, widening of Caspian region borders including its influence even on remote inner Russian regions was ended with success owing to Russian ownership of maritime transport, transit and geostrategic opportunities.

Keywords: Caspian region, the Caspian Sea, the contact area, the shipping industry, trading and transport fleet, social and economic links and freight turnover between Caspian Russian and Persian ports.

V.F. Kozlov

“GOVERNMENTALIZYNG” LOCAL HISTORY. HISTORY
AND LESSONS. (THE PAGES OF THE MAGAZINE
“SOVIET KRAEVEDENIE”. 1930–1936)

The article traces the fate of the Russian local studies in 1920–1930s. Direct dependence of local history development on social and political processes in the country is shown. The increase of the level of state invasion into management of local studies enlarged the degree of losses of skilled professionals and scientific directions, firstly historical and cultural branches of science. Multiple orders of higher authorities and their subdivisions, attempt to turn local historical science into mass political and social movement converted this scientific direction to a cog of the state machine. Despite of some positive moments

governmentalizing local history was unable to find its own way and it came to naught as an organized movement in the late 1930s.

Keywords: governmentalization of local history, state local history, local history conferences in 1920s, CBK, local history movement, All-Russian Society of Local History, the magazine “Soviet ethnography”, Society of Marxist local historians, Union of Soviet local historians, S. Tolstov, I. Klabunovskiy, “class struggle in the local history movement”, “front of Soviet local history”.

V.P. Mashkootsev

LOCAL STUDIES PROGRAM “PROVINCE ON OLD POSTCARD”: TWO DECADES OF THE WAY

The article describes the history of preparing and publishing of unique series of illustrated books “The province on old postcards”. This series includes 11 books on the cities of Vladimir Province: Vladimir, Gorokhovets, Gus-Khrustalny, Murom, Yuriev-Polsky, Pereslavl and others as well as Nizhny Novgorod, Kaluga, Elisavetgrad (now Kirovograd). The author is the initiator and head of the series. He tells about the ways of authors team forming from the regional specialists and about methods of selection of old postcards and photos from the filokartist’s and archival collections. The published books of the series contain a lot of unique visual and textual sources on the history and culture of Russian city.

Keywords: province, city, Russian history, collecting, local history, old postcards, philocarty.

V.V. Pavlenko

THE PROVINCIAL GOVERNMENT AND PUBLIC INSTITUTIONS’ ACTIVITIES FOR CELEBRATION OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812, BY THE EXAMPLE OF SMOLENSK PROVINCE

The study deals with celebrations of the 100th anniversary of the 1812 Patriotic War in the Smolensk province in 1911–1912. The main stages in the preparatory work were traced on archives documents and periodicals. Provincial, district and military authorities as well as scientific society helped to organize the events. The dates 5, 6 and 30 August 1912 became the culmination of the celebration. 30 August was the date of the visit of Emperor Nicholas II and his family to Smolensk.

Keywords: Patriotic War of 1812, Smolensk province, Emperor Nicholas II, icon of Virgin Odigitria, monuments, prayers, parades.

N.V. Sereda

“HISTORIANS OF CITIES” AND LOCAL
AUTHORITIES: VARIANTS OF RELATIONS
AT THE END OF THE XVIII CENTURY

The article tells about two historians of cities who lived in Russia at the end of the XVIII century. D.I. Kharmanov lived in Tver, A.V. Khrestinin lived in Astrakhan. The scientists' relations with the people surrounding them and the local authorities took different forms. The differences were conditioned by social and cultural environment of the cities as well as historians' recognition of goals and objectives of history as science.

Keywords: Russia, Enlightened absolutism, history of cities, sources, historiography, local historiography.

A.G. Smirnova

“FRUNZE DISTRICT. VARGUNIHA MOUNT – POKLONNAYA
MOUNT”: ROUTE DESCRIPTION OF EXCURSION
FOR MOSCOW GUIDE (FROM THE DOCUMENTARY
HERITAGE OF THE SOCIETY FOR MOSCOW
PROVINCE STUDY)

The published document is author's route description which has become the part of unpublished Moscow guide of 1932. The text of excursion is dedicated to old Moscow districts: Dorogomilovo, Varguniha, Poklonnaya Mount, Fili, Moscow river embankments. The text also shows the features of the city development, its topographical and visual changes in the period of 1920–1930. This route description also reflects the contemporary processes of Moscow industrialization, improvement and building. The materials include historical and cultural information associated with the territory history and with its natural and cultural heritage.

Keywords: excursion, tour route, Moscow, street, hill, district, factory, school, kitchen-factory, house building, Moscow river, Dorogomilovo, Poklonnaya Mount, Varguniha, Fili, Borodino bridge, Dorogomilovo bridge, Beregovskaya embankment, Dorogomilovskaya embankment, Bryansk station.

K.A. Smirnova

DAILY LIFE OF COMMUNITY OF MOSCOW
OLD BELIEVERS IN 1906–1918 (ACCORDING
TO THE ANNUAL “COMMUNITY REPORTS”
AND THE MATERIALS OF CENTRAL HISTORICAL
ARCHIVE OF MOSCOW, CENTRAL STATE
ARCHIVE OF MOSCOW REGION)

The article represents some problems of everyday and economic life of Moscow Preobrazjenskaya Old Believers community at the period of its heyday (1906–1918), when Russian Old Believers got religious freedom. The core of community of Old Believers-Phedoseevsers in Bogadelenny House is comprehensively considered, a special attention is also paid to emergence and activity of its most important social institutions: schools, alms houses, printing houses and hospitals outside of the territory of community. The question of personalities of the community including philanthropists who founded the institutions is concerned. Finally, one of the subjects of attention is the study of the remained community constructions as well as of the lost constructions.

Keywords: everyday routine, Old Belief, village Preobrazjenskoe, Bogadelenny House, school, printing house, hospital.

Y.E. Smirnov

“DO WHAT YOUR FEELINGS AND SENSE TELL YOU, NOT
YOUR CALCULATION...” THE HISTORY OF THE YAROSLAVL
ARCHIVIST TIKHOMIROV’S ORGANIZATION PROJECT
OF DREVLEVEDENIE IN RUSSIA

The article deals with studying of little-known project of creating a centralized system for the protection of monuments of history and culture in Russia, written by the archivist of the Yaroslavl Provincial Scientific Archive Commission I.A. Tikhomirov (1861–1933). The content of the program, the history of its preparation and publication on the III Historical and Archaeological Congress in Vladimir in 1906 is revealed. Published materials including correspondence between I.A. Tikhomirov and A.V. Celivanov given in annex represent the attitude of contemporaries to the Yaroslavl scientist ideas.

Keywords: Provincial Commission for archival researchers, protection of historical and cultural monuments, reform of the archives, All-Russian and regional archaeological congresses, I.A. Tikhomirov, A.V. Selivanov.

O.V. Stepanova

THE ROLE OF MOSCOW'S 800-YEAR ANNIVERSARY
IN MOSCOW HISTORY STUDIES AND EXCURSION
MOVEMENT

The article deals with the popularization of local history in 1947. The anniversary attracted a public attention to issues of Moscow history. The author paid attention to different ways of spreading of Moscow history knowledge: lectures, exhibitions, publications, excursions. Academic science illustrated the highest level of local studies in Moscow. Activity of Moscow Museum of History and Reconstruction gave the result: Moscow City Excursion Bureau was founded.

Keywords: Moscow history, 800-year anniversary, lectures, public attention, excursion bureau, city tour.

S.A. Uvarov

MOSCOW DAILY LIFE IN 1941–1942
(BASED ON P.N. MILLER'S DIARIES)

This author tries to show everyday reality of capital citizens of the 1st years of Great Patriotic War by the eyes of contemporaries. This publication is based on the diaries of authoritative expert of Moscow history P.N. Miller. Special role in this text is given to everyday details of urban life at that time. At the same time the line of "Moscow Chronicle" forming process was traced. The work on creating the "Moscow Chronicle" was P.N. Miller's initiative and it completed by the reason of his death at the beginning of 1943.

Keywords: Moscow, local history, Great Patriotic War, diaries, P.N. Miller, Moscow history, Institute of History, the Museum of Moscow History, the Moscow chronicle

Сведения об авторах

Артюшенко Мария Вячеславовна – учитель истории Центра образования № 1496, ioanna02@mail.ru.

Брусиловский Никита Максимович – специалист по учебно-методической работе I категории Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, аспирант кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, brusnik1613@yandex.ru.

Добренькая Мария Владимировна – кандидат исторических наук, завсектором комплектования личных фондов Центрального московского архива-музея личных собраний Главного архивного управления города Москвы, mana12@ya.ru.

Ефимов Александр Викторович – заместитель директора Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, al-ef@mail.ru.

Истомина Энесса Георгиевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, профессор кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, krik-iai@mail.ru.

Козлов Владимир Фотиевич – кандидат исторических наук, профессор, завкафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, председатель Союза краеведов России, krik-iai@mail.ru.

Машковцев Владимир Прокотьевич – кандидат технических наук, лауреат премии по культуре администрации Владимирской области (1999); премии Нижнего Новгорода за книгу «Царственно поставленный город» (2001); конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги 2002 года» за книгу «Город Св. Георгия»; награжден Патриаршей грамотой «В благословение за усердные труды во славу Русской Православной церкви» (2006), mash@vladm.elcom.ru.

Павленко Виктория Викторовна – заведующая экспозиционно-выставочным отделом музеев Московского Кремля, pavlenko@kremlin.museum.ru.

- Середа Надежда Владимировна* – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, krik-iai@mail.ru.
- Смирнов Ярослав Евгеньевич* – заведомо организационной, научно-методической работы Государственного архива Ярославской области, yaroslav-67@yandex.ru.
- Смирнова Александра Геннадьевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры москвоведения Российского государственного гуманитарного университета, заместитель председателя Союза краеведов России, aleks-146@mail.ru.
- Смирнова Ксения Александровна* – аспирант кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, krik-iai@mail.ru.
- Степанова Ольга Викторовна* – аспирант кафедры москвоведения Российского государственного гуманитарного университета, teminka@rambler.ru.
- Чернова Елизавета Леонидовна* – аспирант кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, kraevist@rambler.ru.
- Уваров Сергей Александрович* – ученый секретарь «Московской энциклопедии», младший научный сотрудник Археографической комиссии Российской академии наук, suvaroff@yandex.ru.

General data about the authors

- Artyushenko Maria V.* – history teacher of the Educational Center № 1496, ioanna02@mail.ru.
- Brusilovskiy Nikita M.* – educational and methodical work specialist of First category of Graduate School of sources, auxiliary and special historical disciplines of Institute of History and Archives of Russian State University for the Humanities; postgraduate student of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, brusnik1613@yandex.ru.
- Chernova Elizaveta L.* – postgraduate student of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, kraevist@rambler.ru.
- Dobrenkaya Maria V.* – Ph. D. (in history), head of Personal Collections' Acquisition Department of the Central Moscow Archive-Museum of Personal Collections of The Main Archival Administration of Moscow, mana12@ya.ru
- Efimov Alexander V.* – assistant of director of the State Institute of Art Studies of Ministry of Culture of the Russian Federation, al-ef@mail.ru.
- Istomina Enessa G.* – doctor of history, chief research assistant of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, professor of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, krik-iai@mail.ru.
- Kozlov Vladimir F.* – Ph. D. (in history), chief of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, chief of the Union of Russian Local Historians, krik-iai@mail.ru.
- Mashkovtsev Vladimir P.* – Ph. D. (in engineering), winner of Vladimir Region Administration Award in Culture (1999); Nizhniy Novgorod Award for the book “Royally settled town” (2001); Russian Book Publishers Association Award “Best books of 2002” for the book “The city of St. George”; holder of patriarchal diploma “To bless for the good work for the glory of the Russian Orthodox Church” (2006), mash@vladm.elcom.ru.
- Pavlenko Victoria V.* – head of the Exhibitions Department of the Moscow Kremlin Museums, pavlenko@kremlin.museum.ru.
- Sereda Nadezhda V.* – doctor of history, professor of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, krik-iai@mail.ru.

- Stepanova Olga V.* – postgraduate student of the Moscow History Department of Russian State University for the Humanities, teminka@rambler.ru.
- Smirnova Alexandra G.* – Ph. D. (in history), associate professor of the Moscow History Department of Russian State University for the Humanities, assistant of the head of the Union of Russian Local Historians, aleks-146@mail.ru.
- Smirnova Ksenia A.* – postgraduate student of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, ksenija-smi@mail.ru.
- Smirnov Yaroslav E.* – head of the Department of Organizational and Methodological Work of the State Archive of Yaroslavl Region, yaroslav-67@yandex.ru.
- Uvarov Sergey A.* – scientific secretary of the “Moscow Encyclopedia”, junior research assistant of the Archeographic Commission of Russian Academy of Sciences, suvaroff@yandex.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Л.П. Бурцева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 16,6
Тираж 1050 экз. Заказ № 91

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru